

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 1 · 2011

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

1-2011

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета Российской Федерации по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный университет
Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ. Адрес: Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Подписано в печать 28.12.2010
Уч.-изд. л. 10,2. Усл. печ. л. 10,5
Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. н., проф. (МГИМО (У);
Арутюнян Л.А., д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ);
Бабешко В.А., д-р физ.-мат.н., проф., академик РАН (Кубанский ГУ);
Бедерханова В.П., д-р пед. н., проф. (Кубанский ГУ);
Бодалев А.А., д-р психол. н., проф., академик РАО; **Деллер С.**, PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США);
Жаде З.А., д-р полит.н., проф. (Адыгейский ГУ);
Зинченко Ю.П., д-р психол. н., проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова);
Знаков В.В., д-р психол. н., проф. (Институт психологии РАН);
Иванов А.Г., д-р ист.н., проф. (Кубанский ГУ);
Кузьмина Н.В., д-р психол. н., проф. (РАО);
Латфуллин Г.Р., д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т управления);
Марьин М.И., д-р психол. н., проф. (МВД РФ);
Никовская Л.И., д-р социол. н., проф. (Институт социологии РАН);
Романова А.П., д-р филос. н., проф. (Астраханский ГУ);
Рябикина З.И., д-р психол.н., проф. (Кубанский ГУ);
Сморгунов Л.В., д-р филос.н., проф. (СПбГУ);
Фадеева Л.А., д-р ист.н., проф. (Пермский ГУ);
Шабров О.Ф., д-р полит.н., проф. (РАГС);
Шпак В.Ю., д-р филос. н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т.Т., д-р эконом. н., проф. (зам. гл. редактора);
Белоконь Т.М., канд. филол. наук, доц.;
Дёмин А.Н., д-р психол. н., проф. (зам. гл. редактора);
Ермоленко В.В., канд. тех.н., доц.;
Ждановский А.М., канд. ист.н., проф.;
Кимберг А.Н., канд. психол. н., доц.;
Кольба А.И., канд. полит.н., доц. (зам. гл. редактора);
Курбатова Г.С., отв. секретарь;
Лаврова Т.Г., канд. эконом. н., доц.;
Лузаков А.А., д-р психол. н., доц.;
Малиночка Э.Г., д-р пед. наук, проф.;
Мясникова Т.А., канд. эконом. н., доц.;
Оберемко О.А., канд. социол. н., доц.;
Ожигова Л.Н., д-р психол.н., проф.;
Остапенко А.Н., д-р пед.н., проф.;
Савва Е.В., канд. филос. н., доц.;
Филиппов Ю.В., канд. эконом. н., проф.;
Фоменко Г.Ю., д-р психол. н., проф.;
Юрченко В.М., д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

1-2011

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Слатинов В.Б. Институциональная ловушка реформы государственной гражданской службы в постсоветской России 4

Гриценко Н.П. Российские партии в контексте модернизации политической системы: проблемы и перспективы развития 17

Гассий В.В. Партнерство власти и бизнеса в области рационального природопользования для обеспечения устойчивого регионального развития. . . 26

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Юрченко В.М. Вызовы и угрозы национальной безопасности России в информационной сфере 32

Романова А.П., Якушенков С.Н., Лебедева И.В., Топчиев М.С. Феноменология Чужого в контексте культурной (этноконфессиональной) безопасности 44

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Бескова Т.В. Социально-демографическая структура завистливости 57

Танасов Г.Г. Проблема общения в отечественной психологии и в исследованиях психологов Кубанского государственного университета 70

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Поварёнков Ю.П. Положения системогенетической концепции профессионального становления и реализации субъекта труда. Часть 2 84

ПСИХОТЕРАПИЯ

Данина М.М. Кинотерапия как средство развития саногенного мышления 99

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Моцарь А.С., Некрасов С.Д. О готовности студента вуза к профессиональной деятельности. 110

Дорошенко В.В. Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов на основе футбола 119

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 125

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 126

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЛОВУШКА РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

.....

В. Б. Слатинов¹

В рамках политологического подхода и на основе неoinституционального анализа представлена попытка охарактеризовать основные факторы, содержание и результаты реформирования института государственной гражданской службы России в постсоветский период. Выдвигается гипотеза, что процесс реформирования гражданской службы попал в институциональную ловушку — ситуацию, когда господство неэффективных норм регулирования государственно-служебных отношений обусловлено интересами ключевых акторов политического процесса. Анализируются основные методологические подходы к выработке перспективной стратегии реформирования государственной службы, обосновывается необходимость ее последовательной рационализации.

Ключевые слова: государственная служба, реформа, институты, политический процесс.

In the article within the limits of the politological approach and on the basis of the neoinstitutional analysis the attempt to characterize major factors, the maintenance and results of reforming of institute of the state civil service of Russia is presented to the Post-Soviet period. The hypothesis that process reforming of civil service has got to «an institutional trap» appears — a situation when domination of inefficient norms of regulation of state-office relations is caused by interests of principal figures of political process. Analyzing the basic methodological approaches to development of perspective strategy of reforming of public service, necessity of its successive rationalization is proved.

Key words: civil service, reform, institutes, political process.

Прошло около двух десятков лет с момента, как одновременно со становлением постсоветской государственности в России начала формироваться государственная гражданская служба. В области её институционального строительства достигнуты тем не менее весьма скромные результаты: сегодня граждане России крайне скептически оценивают качество государственного управления

¹ Слатинов Владимир Борисович — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета. Эл. почта: slatinov@yandex.ru

[4, с. 3–8], а положение России в международных рейтингах эффективности государственных институтов либо последовательно ухудшается, либо в лучшем случае стагнирует [14]. Поскольку государственно-управленческие практики воплощены в профессиональной деятельности конкретного чиновника, нетрудно предположить, что часть причин низкого качества государственного управления лежит в сфере институциональной организации и регулирования служебных отношений.

Многие эксперты признают сегодня наличие системных проблем в организации и функционировании госслужбы, несмотря на принятие только за последние десять лет нескольких программных документов по ее реформе [1, с. 91–93]. Сама последовательность появления этих документов убедительно свидетельствует о нерешенности большинства поставленных в них задач. Так, в 2002 г. была принята Федеральная программа «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 годы)», за месяц до завершения продленная до конца 2007 г. В 2009 г. увидела свет новая Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации 2009–2013 годы», подтвердив, что за пять лет действия прежней программы не удалось достичь большинства сформулированных в ней целей.

Говоря о причинах неудач реформирования государственной гражданской службы, как правило, эксперты указывают на локальные факторы — отсутствие у руководства страны надлежащей политической воли, сопротивление государственного аппарата реформе, отсутствие запроса на нее со стороны гражданского общества [10, с. 43–45]. Все эти факторы, конечно, имеют место, но требуется увязать их в стройную объяснительную конструкцию, раскрывающую основные детерминанты реформирования института государственной службы. С нашей точки зрения, наиболее адекватен этой цели политологический анализ реформы, опирающийся на неoinституциональную методологию.

Государственная гражданская служба и ее реформирование в контексте неoinституционального анализа

С позиций неoinституционализма государственную гражданскую службу следует трактовать как набор «правил игры» и ограничительных рамок, задающих модели поведения работников государственного аппарата, их взаимоотношений друг с другом, с политическими руководителями государственных органов, а также с гражданами и организациями.

Такое понимание государственной гражданской службы даёт возможность достаточно определенно сформулировать предметное поле её анализа с точки зрения политической науки: в центре внимания исследователя находятся как формальные нормы и ограничительные рамки для чиновника, так и нормы, носящие неформальный характер, прежде всего лежащие в сфере публичной этики и морали государственных служащих.

Если подходить к реформе государственной гражданской службы с указанных позиций, становится органичной и ее встроенность в общий массив институциональных реформ; характера её институциональной трансформации — в общий контекст трансформации институтов политико-административного управления [3]. Среди российских специалистов сегодня сложился консенсус относительно того, что реформирование государственной службы следует рассматривать как составную часть административной реформы. Между этими реформами существует прямая взаимосвязь: административная реформа, как известно, призвана модернизировать административные практики и тем самым повысить качество государственного управления. Но административные практики воплощены в деятельности конкретного чиновника с установленным статусом, компетенцией, порядком прохождения службы, величиной денежного содержания и характером социальных гарантий. В этом смысле реформа государственной службы имеет решающее значение для обеспечения способностей государства, ибо детерминирует качество «первичной клетки» государственного администрирования — профессиональной деятельности чиновника.

Процесс реформирования общественных структур с позиций неоинституционализма определяется как целенаправленное изменение институтов, предполагающее присутствие в социальной системе агентов, которые разрабатывают и реализуют план трансформации. Иначе говоря, реформа это процесс направленных институциональных изменений, имеющий своих агентов, траекторию, стратегию преобразований, совокупность начальных условий, ресурсную базу, набор внешних факторов [13, с. 13–14].

В процессе институциональных изменений большое значение приобретают механизмы координации, обучения, сопряжения и культурной инерции, выступающие как средство закрепления новых норм. При этом закрепиться могут и эффективные (с точки зрения общественной полезности) нормы, и неэффективные. Устойчивую неэффективную норму (систему норм) обозначают как институциональную ловушку; возникновение институциональных ловушек — одна из главных опасностей в проведении реформ [6, с. 265]. Результат институционального развития определяется как совокупностью начальных условий, так и действиями реформаторов, в том числе их способностью найти перспективную институциональную траекторию и выстроить эффективную стратегию промежуточных институтов.

В качестве одной из разновидностей институциональных ловушек В. Полтерович выделяет ловушку частичной реформы. В ходе процесса реформирования институциональные инновации могут быть остановлены заинтересованными агентами, есть их продолжение невыгодно доминирующим игрокам — тем или иным группам агентов. Таким образом, воспрепятствова-

ние дальнейшим изменениям приводит к тому, что система оказывается в неэффективном равновесии [13, с. 98].

Анализируя процесс институциональных изменений, В. Полтерович также указывает на возможность существования смешанных институциональных систем (смешанных равновесий). Делается предположение, что ловушки частичной реформы часто представляют собой такую комбинацию институтов, где сосуществуют старые институты и новые, однако не достигнуто комплексное качественное изменение институциональной системы (она не выведена на перспективную траекторию). Такой смешанный симбиоз при определенных условиях может превратиться в равновесный, что достигается при помощи универсальных механизмов стабилизации норм, где главную роль играет механизм лоббирования сохранения неэффективного равновесия. Далее происходит процесс, когда механизм координации является следствием того, что сила лобби растет при увеличении числа агентов, предпочитающих промежуточный институт, и одновременно повышаются издержки индивидуального противостояния этому лобби. Агенты обучаются функционировать в рамках промежуточного института, привыкают к нему, этот институт встраивается в другие действующие нормы (эффект сопряжения). Таким образом, происходит формирование самоподдерживающейся ловушки частичной реформы — превращение переходных норм в постоянно действующие и неэффективные в долгосрочной перспективе [12, с. 3–19].

Развивая этот подход, следует указать на возможность формирования в рамках ловушки частичной реформы неэффективного равновесия смешанных норм, когда институты из разных систем эклектически соединены в определенную конструкцию, поддерживаемую агентами в качестве равновесной. Иначе говоря, локальные изменения институтов, основанные на трансплантации норм из других институциональных систем либо на целенаправленном институциональном конструировании, в силу своего ограниченного характера создают эффект частичных инноваций, не приводящих к созданию эффективной институциональной системы, но приобретающих устойчивый самоподдерживающийся характер в силу заинтересованности в таком положении вещей ключевых агентов. Такие изменения не выводят систему на новое эффективное равновесие, скорее, напротив, путем частичных улучшений позволяют ей сохранить свои базовые неэффективные основы организации, приспособившись на время к новым экзогенным или эндогенным вызовам.

Институциональное строительство государственной гражданской службы в постсоветской России и формирование институциональной ловушки

Институциональное строительство государственной службы в постсоветской России началось в условиях, когда в качестве «наследия прошлого» дан-

ный институт в консолидированном виде отсутствовал, а кадровая политика и кадровая работа в государственном аппарате регулировались закрытыми нормами, действовавшими в рамках партийно-советской номенклатуры. Распад партийно-советской системы означал утрату этого механизма. У основной части политических акторов понимание институциональной автономии государственной службы и необходимости наличия механизма управления ею явно не обнаруживалось, традиция рассматривать государственную службу как вид трудовой деятельности, не требующей отдельных институциональных элементов регулирования, действовала весьма устойчиво. Осознание необходимости институционального строительства государственной службы приходило по мере решения задач формирования новой государственности, при этом дефицит экспертных знаний и неспособность в ускоренном порядке разработать перспективную траекторию реформы привели инициаторов изменений к предложению сначала сформировать структурный механизм управления государственной службой (и соответственно ее реформой), а затем, консолидировав при помощи этого механизма экспертное знание и административные практики, осуществить содержательные реформационные действия [17]. Однако идея выстроить систему управления государственной службой не получила поддержки у тех доминирующих групп в правящей элите, что в рамках стратегии «шоковой либерализации» уделяли первостепенное внимание запуску рыночных механизмов и проявляли индифферентность к вопросам государственного строительства. Кроме того, они считали формирование бюрократической структуры, осуществляющей управление государственно-служебными отношениями, связанным с высоким риском в случае овладения этой структурой конкурирующими группами интересов [16, с. 47–48].

Установка на опасность установления контроля над государственной службой со стороны заинтересованной конкурирующей группы стала определяющей в соперничестве между структурами Администрации Президента РФ и Правительства РФ, что блокировало формирование консолидированной системы управления государственной службой на стадии так называемого постконституционного выбора после принятия Конституции РФ 1993 г. Как известно, характер и особенности институционального выбора на постконституционной стадии в значительной мере зависят от содержания конституционного выбора [9, с. 95]. Следует согласиться с мнением, что институциональный выбор в постсоветской России определяется как побочный продукт конфликтов ключевых политических акторов — различных сегментов элит, конstellации их интересов и политических ориентаций [5, с. 24]. В рамках конституционного выбора в России после декабря 1993 г. утвердился суперпрезидентский персоналистский политический режим: в новой системе отношений различные ветви власти стали самостоятельными и не находились более в субординации, но элементы разделения властей перекрывает властная иерархия, предполагаю-

щая фактическое доминирование по составу полномочий одного института над остальными [7, с. 71].

Указанная модель детерминирует характер выработки государственной политики и принятия ключевых политических решений. Предоставленная Президенту роль верховного арбитра и отсутствие подконтрольности перед другими властными институтами, сочетающаяся с необходимостью делегировать часть полномочий по реализации исполнительной власти, прежде всего Правительству, а также неразвитость партийных структур, ориентируют главу государства не столько на формулирование политической стратегии, сколько на выполнение арбитражных функций для конкурирующих групп элиты. Это ведет к тому, что государственная власть теряет способность не только реализовывать государственный интерес как отличный от интересов частных и групповых, но даже ясно его осознавать и внятно выражать [7, с. 73].

Так проявился парадокс сильного президентства, когда лидер-арбитр, наделенный широким объемом полномочий, но не располагающий средствами для дальнейшего подавления оппонентов, вынужден лавировать и вступать в «картельные соглашения» с ключевыми группами интересов [22, с. 493].

В исследовании В. Гельмана подробно проанализировано содержание этих «картельных соглашений», которые определяющим образом влияли на характер политического развития страны после принятия Конституции 1993 г., включая постконституционный выбор важных общественных институтов. В числе этих соглашений — огромные уступки региональным элитам и другим группам интересов. В части взаимодействия законодательной и исполнительной властей в условиях «разделенного правления» происходило систематическое откладывание или замораживание многих крайне необходимых стране законов, что блокировало проведение реформ [5, с. 26].

Сложившаяся конструкция при этом оказалась предельно выгодной не только для региональных элит, в полной мере воспользовавшихся плодами «неэффективной децентрализации» [11, с. 10–12], но и для специальных групп интересов, активно использовавших социально-экономические реформы в целях перераспределения и извлечения переходной ренты. Для них консолидация государственных институтов и повышение эффективности государственного управления, особенно в части контрольных функций государства или качества управления государственными активами, а также антикоррупционной политики не представлялись актуальными. Большинство групп специальных интересов, активно реализующих стратегию рентоизвлечения, перераспределения государственной собственности и частнокорпоративного использования бюджетных ресурсов, были заинтересованы в длительном сохранении попустительского стиля государственного администрирования, чему в немалой степени способствовала институциональная слабость и «рассеянность» государственной службы [18, с. 134–135].

Фактически в рамках постконституционного выбора в середине 1990-х гг. сформировалась своеобразная траектория развития института государственной службы: во-первых, не была сформулирована содержательная модель реформы; во-вторых, произошел отказ от формирования консолидированной системы управления государственной службой; в-третьих, становление законодательства о государственной службе в связи с отсутствием перспективной траектории и механизма управления приобрело несистемный, разрозненный характер, не позволяющий выстроить адекватную модель правового регулирования государственно-служебных отношений.

Решения по траектории развития государственной службы, принятые в 1993–1994 гг., определяющим образом повлияли на последующую эволюцию этого института на протяжении всей постсоветской трансформации. В своих системообразующих чертах (отсутствие содержательной модели, несформированность консолидированного механизма управления, невыстроенность законодательства) российская государственная служба так и не изменилась за почти двадцать лет реформирования на всех его основных этапах, меняя лишь локальные институциональные характеристики. Таким образом, уже в середине 1990-х гг. реформа государственной службы попала в зону притяжения неэффективного равновесия, в котором находится по настоящий момент.

Меры по институциональному строительству государственной службы, прежде всего созданию ее нормативно-правовой базы, предпринятые в 1995–1997 гг., характеризовались концептуальной невыстроенностью, отсутствием системности, комплексного подхода и политически компромиссным характером, что сформировало «эффект частичной реформы» — сам институт государственной службы и его основные элементы были в целом созданы, но многочисленные пробелы законодательного регулирования не позволяли полноценно «запустить» ни один из них. Несистемный и слабоструктурированный государственно-служебный правовой материал, не подкрепленный действием консолидированной системы управления государственной службой, дал крайне незначительные институциональные эффекты. Так, установленные в ФЗ «Об основах государственной службы РФ» (1995 г.) гарантии стабильности государственным служащим легко преодолевались посредством реорганизаций государственных органов и сокращения их штатов, а конкурсные процедуры и аттестации (как показывали результаты социологических исследований) не играли сколько-нибудь существенной роли в реализации кадровой политики в силу невыстроенности механизма управления государственной службой [19]. Фактически сформировался симбиоз неэффективных формальных государственно-служебных норм с сохранением доминирующих патронажно-клиентелистских практик служебного взаимодействия и кадровой работы (неэффективное устойчивое равновесие смешанных норм).

Предпринятая в 1997–1998 гг. попытка выработать и запустить перспективную траекторию реформы государственной службы в рамках Концепции административной реформы на основе увязки модели «*merit system*» («система заслуг и достоинств») с внедрением в российскую административную практику идей «нового государственного менеджмента» потерпела фиаско. Структура интересов основных акторов и слабость президентской власти, вынужденной углублять «картельные соглашения» для поддержания собственной устойчивости, лишь закрепили тенденцию к сохранению статус-кво в вопросах государственного строительства. К тому же авторами реформы не были проанализированы имеющиеся практики административного реформирования в условиях «догоняющего развития» и посткоммунистического транзита. Реформирование государственной службы не было концептуально встроено в постсоветскую трансформацию и набор ее приоритетов. В этом смысле методология реформы в значительной степени оставалась умозрительной и базировалась (со всеми оговорками) на установке о необходимости перенесения эффективно функционирующих институтов из одной (наиболее «передовой») институциональной среды (англосаксонских стран) в другую — гораздо менее развитую. При этом выбор трансплантатов и указание на «передовой» характер среды не были, в сущности, ничем обоснованы, кроме констатации обстоятельства, что в этой среде «менеджеризация» проведена наиболее последовательно. В какой степени это обстоятельство становилось решающим для российского варианта трансплантации, было неясно (несхожесть политико-правовой и административной культуры, а также юридических систем России и стран англосаксонского мира, принадлежащих к разным правовым семьям, очевидны). Позже одним из участников разработки концепции реформы 1997–1998 гг. будет выдвинута мысль об «управленческой диффузии» как неизбежном проникновении «передовых» административных образцов в другие институциональные среды, в том числе находящиеся в стадии трансформации и «догоняющего развития» [2, с. 4–9]. Но в 1997–1998 гг. внятного обоснования, почему на «рынке институциональных заимствований» в качестве трансплантатов были выбраны англосаксонские менеджеристские образцы, не последовало.

Повторная попытка реализовать перспективную стратегию реформы на основе синтеза «*merit system*» и **менеджеризма с попыткой выстроить** систему приоритетов и детально прописать механизм реализации трансформационных мероприятий была предпринята в рамках подготовки Концепции государственного строительства Центром стратегических разработок (ЦСР) осенью 1999 — весной 2000 г. Приход к власти нового президента и переформатирование политического режима открывали «окно возможностей» для административной реформы. К началу «нулевых» наблюдалось сочетание экзогенных и эндогенных факторов, способное нарушить сложившееся в середине 1990-х гг. равновесие в сфере институционального регулирования государственной службы. Трансформация политического режима требовала углубления рацио-

нализации государственного управления с целью восстановления способностей государства к осуществлению публичных функций; быстрый посткризисный экономический рост, увеличение налоговых поступлений и рентных платежей с экспорта сырья позволяли аккумулировать ресурсы на проведение реформы; в самом государственном аппарате произошли существенные кадровые трансформации, обновившие состав российского чиновничества и характеризовавшиеся приходом на государственную службу молодых людей с гуманитарным характером образования, располагавших качеством компетенций, позволяющих осуществлять государственно-управленческую деятельность в рыночной среде.

Концепция реформирования государственной гражданской службы ЦСР включала четыре группы направлений трансформации с подробным описанием ключевых позиций по каждой из них и обозначением в качестве основного звена блока кадровых мероприятий, среди которых приоритет принадлежал формированию в госслужбе модели «merit system». До настоящего момента эта Концепция является наиболее последовательной и проработанной попыткой выстроить перспективную траекторию реформирования государственной гражданской службы, предусматривающую наличие приоритетов, этапов, механизмов и промежуточных институтов. Однако присутствие в ней элементов маркетизации и менеджеризации российского государственного управления так и не было обосновано с точки зрения готовности институциональной среды к подобного рода изменениям, а также их адекватности наличествующей стадии модернизации российской экономической и политической систем. Подобного рода соответствие — ключевые условие успеха процесса институциональных реформ [13, с. 166–193]. Исследования П. Эванса и Д. Рауха, проведенные в 35 развивающихся странах на предмет взаимосвязи качества бюрократических структур и экономического роста, показали определяющее влияние на успех модернизации степени «веберианизации» государственного управления, т. е. его приближения к стандартам рационально-бюрократической организации, в первую очередь в сфере меритократического найма и долгосрочного вознаграждаемого карьерного роста [23, с. 38–60]. В работах Т. Рандма-Лийв аналогичные выводы были сделаны в отношении посткоммунистической трансформации восточноевропейских стран, для которых «требуется более сильное государственное регулирование, чем может предложить новый государственный менеджмент» [15, с. 73–87].

«Догоняющее развитие», как и посткоммунистическая трансформация, применительно к государственному управлению в качестве условия своей успешности выдвигает обеспечение режима законности, т. е. стабильности и верховенства «правил игры» [21, с. 41]. Таким образом, важнейшей задачей государственного строительства является создание конституционно-законодательной базы и эффективное правоприменение. Это, в свою очередь,

требует «сильных» (Ф. Фукуяма) государственных институтов, обеспечивающих высокие регулирующие способности государства. В рамках организации административных и служебных практик на первый план выдвигаются формирование стандартов беспристрастного правоприменения, а также высокого уровня административной культуры. Иначе говоря, для успеха «догоняющей модернизации» необходимо наличие у реформируемого государственного аппарата приемлемых стандартов веберовской рациональности. В случае «опережающей менеджизации» политико-административная система рискует столкнуться с феноменом, исследованным В. Полтеровичем, и обозначенным им как «ошибка преждевременного переключения», когда реформаторы пытаются применить к трансформируемой институциональной среде методы и инструменты, эффективные для более поздних стадий модернизации [13, с. 179].

Трансформация государственной гражданской службы в 2000–2010 гг. не обеспечила ее выход за рамки институциональной ловушки частичной реформы, а лишь переструктурировала неэффективное равновесие. Концепция государственного строительства, предложенная ЦСР, составной частью которой являлось реформирование государственной службы, не была реализована. В 2010 г. ключевой причиной неудачи реформ Г. Греф назвал недостаточное внимание к реформе власти, фактическое изъятие из реформационного плана Концепции государственного строительства [8].

Провал комплексной реформы государственных институтов имел структурные причины. Речь идет о качестве формирующегося нового политического режима, который на первых порах обеспечил частичное восстановление способностей государства за счет реанимации либо выстраивания новых иерархических структур и отношений (вертикаль власти). В этом плане проведение административной реформы, включая совершенствование и упорядочение институционального регулирования государственной службы, первоначально вошло в число приоритетных. Однако в новой конфигурации политических акторов не нашлось тех, кто был заинтересован в дальнейшей системной и последовательной рационализации государственно-управленческих практик. В их числе был и доминирующий игрок (верховная власть), которого интересовали в первую очередь восстановление административной управляемости на основе частичной рационализации госаппарата и снижение автономии подчиненных акторов путем формирования в политическом пространстве «навязанного консенсуса» [5, с. 27–28]. Втягивание новых элитных групп в процессы рентоизвлечения и усиления контроля за экономическими активами окончательно подорвало мотивацию к качественным административным преобразованиям, сформировав уже в новой конфигурации политического режима запрос на сохранение «рассеянности» и слабой институционализированности государственно-служебных практик и отношений.

В этом плане не случайны и отказ от проекта ЦСР, и то обстоятельство, что появившиеся за 10 лет три концептуальных документа по реформированию госслужбы (Концепция реформирования системы государственной службы 2001 г. и уже упомянутые федеральные программы) представляют собой эклектическое сочетание рационально-бюрократического и менеджеристского подходов, не выстроенных в сколько-нибудь связанную систему приоритетов. Принятый в 2004 г. ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» и на его основе подзаконные акты придали больше упорядоченности служебным отношениям, но значительное число содержащихся в них норм (особенно в части антикоррупционных практик) требует существенной конкретизации и развития. Эффективное применение большинства уже имеющихся установлений связано с наличием системы управления государственной службой в виде институционального органа и его подведомственных подразделений, которые так и не созданы. В сложившейся системе использование элементов «нового государственного менеджмента» (гибкие формы оплаты труда; назначение на должность по срочным контрактам, не предусматривающим конкурса; наличие подвижных структур государственных органов) усиливает элементы личной зависимости служащих и обеспечивает преобладание патронажно-клиентарных практик в государственных структурах (согласно результатам социологических исследований 2009 г., те или иные формы протекционизма и личной зависимости по-прежнему господствуют в государственно-служебных отношениях) [20, с. 4–5].

В ходе реформирования российской гражданской службы допущена явная «ошибка преждевременного переключения», когда менеджеристские практики имплантированы в институциональную среду, не достигшую необходимого уровня «веберизации». При этом установившееся еще в середине 1990-х г. в госслужбе неэффективное равновесие умело инкорпорировало элементы менеджизма, встроив их в сложные цепочки косвенного участия государственных служащих в предпринимательской деятельности и использования государственных ресурсов в частных интересах. В новой конфигурации институциональной ловушки, в которой продолжает пребывать российская гражданская служба, в симбиотическом виде формальные установления, призванные рационализировать государственно-служебные отношения, и встроенные элементы нового государственного менеджмента сосуществуют с господством административного усмотрения, персоналистских и клиентелистских практик служебного взаимодействия и кадровой работы.

К сожалению, среди основных акторов нынешнего политического режима нет тех, кто был бы заинтересован в выработке и реализации перспективной траектории реформы гражданской службы. Для основных групп политической элиты федерального и регионального уровней остаются выгодными сохранение высокой степени личной зависимости госслужащих от политического ру-

ководства; отсутствие четкой границы между политическими, патронажными и карьерными должностями в государственных органах; несформированность автономной системы управления государственной службой, а также в «рассеянность» служебных норм и этических стандартов (особенно антикоррупционного характера) для публичных должностных лиц. Крупный бизнес вполне устраивает сохранение теневого влияния на назначения чиновников, а также неформальные практики взаимодействия с государственными служащими. Существующие структуры, обеспечивающие развитие государственной службы (подразделения в Администрации Президента РФ, кадровые службы государственных органов и Минздравсоцразвития), имеют непосредственный интерес в сохранении неконсолидированности системы управления гражданской службой, так как создание единой системы лишит их статуса и возможностей распределения ресурсов на проведение реформы. Наконец, экспертное сообщество, которое до настоящего времени оказалось неспособно выработать перспективную траекторию реформы, заинтересовано в дальнейшем распределении средств на аналитическое обеспечение локальных изменений, которые достаются преимущественно структурам и персоналиям своего круга, при этом реформа остается в целом закрытой для общественности.

В сложившемся дизайне игроков, факторов и обстоятельств реформа государственной гражданской службы и далее обречена на осуществление частичных улучшений при невозможности осуществить кардинальную институциональную трансформацию.

Библиографический список

1. Барабашев А. В., Зайцева Т. А., Краснов М. А., Оболонский А. В. Риски реформирования государственной службы России, или Почему так трудно реформировать государственный аппарат // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. № 2–3.
2. Барабашев А. Г. Страуссман Дж. Реформа государственной службы Российской Федерации в сравнительной перспективе // Вестник МГУ. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2005. № 3.
3. Верхайнен Т. и др. Институциональная реформа в России: переход от проектирования к реализации в условиях многоуровневой системы государственного управления. М.: Всемирный банк, 2006.
4. Власть и бюрократия в новой России: круглый стол // Социологические исследования. 2006. № 3.
5. Гельман В. Россия в институциональной ловушке // Pro et contra. 2010. № 4–5.
6. Институциональная экономика / под общ. ред. А. Олейника. М.: ИНФА-М, 2005.
7. Клямкин И. Российская власть на рубеже тысячелетий // Pro et contra. 1999. № 2.
8. Кувшинова О. Не с того начали // Ведомости. 2010. 2 июня.
9. Нуреев Р. М. Теория общественного выбора: курс лекций. М.: ВШЭ, 2005.

10. Оболонский А.В. Сторонники и противники реформы государственной службы. Опыт классификации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 2.
11. Петров Н. Федерализм по-русски // Pro et contra. 2000. № 1.
12. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35, № 2.
13. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007.
14. Проблемы применения международных рейтингов: общество, государство, экономика/под общ. ред. О.К. Ястребовой. М.: Фонд «ЭРГО», 2009.
15. Рандма-Лийв Т. О применимости «западных» теорий государственного управления в посткоммунистических странах // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 2.
16. Реформа государственной службы России. История попыток реформирования с 1992 по 2000 год/общ. ред. и предисл. Т.В. Зайцевой. М.: Всемирный банк, 2003.
17. Реформирование государственной службы Российской Федерации (тезисы концепции) // Российская газета. 1993. 23 дек.
18. Слатинов В.Б. Законодательное регулирование государственной службы // Pro et contra. 2000. № 1.
19. Социологические исследования в системе государственной службы 1992–2002. Информационно-аналитические материалы кафедры государственной службы и кадровой политики РАГС при Президенте РФ. Москва; Орел: Изд-во журнала «Образование и общество», 2002.
20. Турчинов А.И., Магомедов К.О. Современные проблемы кадровой политики и управления персоналом в России. Социологический анализ. М.: РАГС, 2009.
21. Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: Хранитель, 2004.
22. Шевцова Л.Ф. Режим Бориса Ельцина. М.: Московский центр Карнеги, 1999.
23. Эванс П., Раух Дж. Бюрократия и экономический рост: межстрановой анализ воздействия «веберианизации» государственного аппарата на экономический рост // Экономическая социология. 2006. Т. 7, № 1.

РОССИЙСКИЕ ПАРТИИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

.....

Н. П. Гриценко¹

В статье рассматривается эволюция института политических партий и партийно-политической системы в России в 2000-х гг. Обосновывается тезис о том, что процесс становления политических партий синхронизировался с тенденцией усиления государственной власти, выстраивания стройной властной иерархии. Делается вывод о том, что современная российская политическая элита заинтересована в развитии и укреплении института политических партий.

Ключевые слова: политическая партия, партийная система, российская политическая система, политическая элита, избирательная кампания.

In article evolution of institute of political parties and party-political system in Russia in 2000th is considered. The thesis that process of formation of political parties was synchronised with the tendency of strengthening of the government, formings of harmonious imperious hierarchy is proved. The conclusion becomes that the modern Russian political elite is interested in development and strengthening of institute of political parties.

Key words: political party, party system, the Russian political system, political elite, election campaign.

Системные социально-политические изменения, произошедшие в российском обществе в последние десятилетия, существенная трансформация социальных ценностей и идеалов актуализируют изучение партий как политических институтов, которые оказывают существенное влияние на формирование консенсуса в обществе. Роль политических партий как института российской политической системы за последние два десятилетия подверглась значительным изменениям. Поэтому представляется важным определить основные тенденции развития партийной системы в современной России и обозначить возможные перспективы развития института партий в будущем.

По мнению С. Хантингтона, именно политические партии, а не государственная бюрократия, парламент и выборы представляют собой основной от-

¹Гриценко Николай Павлович — кандидат исторических наук, главный редактор общественно-политической газеты «Единая Россия на Кубани». Эл. почта: GritsenkoNP@mail.ru

личительный институт современной демократической политики. Прежде всего это относится к странам со сложившимися парламентскими традициями, в которых партии играют значимую роль [см.: 14]. Деятельность политических партий представляет собой борьбу политических пониманий, производство смысла, ценностей и целей. Она изменяет расстановку политических сил в политическом процессе и вносит в политический дискурс дополнительное разнообразие, иные аспекты значимости ряда социальных проблем. Эффективная политика — это всегда такое управление конфликтными взаимодействиями в обществе, которое отражается в политическом дискурсе как наиболее влиятельная идеология, политическая формула, подтверждающая легитимность властной элиты, стремящейся к сохранению сложившейся институциональной структуры, воспроизводству государственности [13, с. 84].

Становление и развитие массовых политических партий, повышение их влияния на процесс выработки и принятия государственных решений в значительной степени, на наш взгляд, продвинет Россию на пути построения гражданского общества, адекватного требованиям современной демократии. Не случайно известный российский политолог Я. А. Пляйс, анализируя проблемы и трудности демократического развития России, отмечает, что «зрелые партии и устойчивые развитые партийные системы — залог эффективной демократии и гражданского общества. Формирование таких партий и таких систем — дело длительное и сложное» [9, с. 47]. Во время переходного процесса, когда становление политических партий не завершено, их задачи, по мнению Я. А. Пляйса, может выполнить «только политическая элита, а точнее говоря, та ее часть, которая осознает цели и задачи исторического процесса и готова выполнить необходимые функции» [9, с. 53]. Но из-за своего переходного состояния далеко не вся политическая элита готова и стремится выступить в такой роли.

Во многих странах монополия политических партий на участие в избирательном процессе закреплена законодательно. Подобная ситуация характерна для стран, где выборы проходят по пропорциональной избирательной системе, т. е. проводятся полностью по партийным спискам (Швеция, Португалия, Австрия и др.). В некоторых государствах участие партий в избирательных кампаниях рассматривается как условие сохранения их статуса. Если партия в Германии шесть лет не участвует в парламентских выборах, она теряет свой статус [11, с. 129]. Все это направлено на содействие тем партиям, которые добиваются завоевания власти исключительно путем участия в демократических свободных выборах. Пропорциональная система выборов в законодательные органы достаточно тщательно апробирована, в той или иной форме она используется во многих европейских государствах (за исключением таких стран, как Великобритания и Франция).

В России в определенный момент, по мнению С.А. Колмакова, вице-президента Фонда развития парламентаризма, после ряда избирательных циклов наступил момент, когда стало понятно, что в политической системе нет сильной партийной основы; институт парламентаризма переживает явный кризис, он не способен формировать и контролировать исполнительную власть [5]. В таких условиях партии в современной России в значительной степени теряли функцию обратной связи с социумом и стеной отделялись от беспартийной исполнительной власти.

Данные тенденции послужили причиной существенных трансформационных сдвигов в российской политической системе в последние годы как в формах политического участия, так и в способах и средствах достижения целей. В этих обстоятельствах особую значимость приобретает формирование эффективной партийной системы как важного инструмента достижения консенсуса в обществе, что способствует полноценному диалогу между гражданским обществом и государством.

2001 год можно считать отправной точкой реформирования российской партийной системы. Продвижение партийных элит в первый ряд элитных групп и включение их в конкурентную борьбу за власть отвечают интересам населения России и ее гражданского общества [6, с. 165]. Поэтому на укрепление партий и усиление их роли в политическом процессе был нацелен ряд последовательных реформ, которые проводились в последние годы в России.

Одной из таких реформ было принятие Федерального закона «О политических партиях» (от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ) (впоследствии в него был внесен ряд поправок). Наиболее интересны для нас требования, предъявляемые политическим партиям (ст. 3): им необходима иметь региональные отделения более чем в половине субъектов РФ, при этом в субъекте РФ может быть создано только одно региональное отделение данной политической партии; в политической партии должно состоять не менее 50 тыс. чел. (10 тыс. в первоначальной редакции); при этом более чем в половине субъектов Российской Федерации политическая партия должна иметь региональные отделения численностью не менее 500 членов, в остальных региональных отделениях численность каждого из них не может составлять менее 250 членов политической партии.

Другая реформа — принятие нового Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. В соответствии с п. 16 ст. 35 данного закона, не менее половины депутатских мандатов в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта РФ либо в одной из его палат распределяются между списками кандидатов, выдвинутыми избирательными объединениями либо избирательными блоками, пропорционально числу голосов избирателей, полученных каждым из списков кандидатов.

На момент проведения данной реформы, как подчеркивала в своем исследовании российских региональных элит О.В. Гаман-Голутвина, стиль политического лидерства в рамках региональных команд нередко был близок к авторитарному. Неизбежным спутником авторитарных региональных режимов являлся эффект «выжженной земли»: главы регионов пытались очистить политическое поле от потенциальных конкурентов. Жесткая иерархическая система затрудняла выдвижение перспективных политиков — им надо было заручиться поддержкой доминирующей группы. Успешную политическую и административную карьеру в большинстве субъектов Федерации часто обеспечивали не личные качества, а принадлежность к той или иной группе влияния и ее поддержка [2, с. 18–19]. Поэтому, как считает А.В. Кынев, в перспективе практика смешанных выборов должна привести к развитию конкурентной политической среды во всех регионах. При смешанной системе парламент будет обладать более значительными ресурсами влияния на региональный политический процесс, являясь органом государственной власти, в котором представлены разные группы интересов, что означает большую независимость от исполнительной власти. Соответственно, политический вес обладателей депутатских мандатов в регионах существенно возрастет [7, с. 40]. Но вряд ли стоит ожидать мгновенной «демократической отдачи» от этой реформы.

Также был принят Федеральный конституционный закон РФ от 3 ноября 2004 г. № 6-ФКЗ «О внесении изменения в статью 11 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации»», позволяющий министрам занимать руководящие должности в политических партиях. Это означает возможность формирования партийного правительства, что подразумевает возможность непосредственного воздействия партий на процесс принятия решений в органах исполнительной власти.

Для нас также важна новая редакция Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ. Согласно новой редакции ст. 18 этого закона гражданин РФ наделяется полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ по представлению Президента РФ законодательным органом субъекта РФ. В случае, если после представления в третий раз кандидатуры депутаты не приняли ее, Президент РФ вправе распустить законодательный орган субъекта РФ. При подборе кандидатур используются различные согласительные процедуры. Новая редакция закона ограничивает возможность населения субъектов РФ влиять на формирование властных структур. В то же время следует помнить, что в ряде регионов нашей страны установились фактически авторитарные, клановые, режимы, где основное население было практически лишено возможности влиять на политический процесс. Выходом из такой ситуации могут служить как раз косвенные выборы главы региона по представлению

Президента РФ. Косвенным эффектом данного нововведения является увеличение ресурсов влияния на политический процесс региональных legislatures и, следовательно, региональных отделений политических партий, фракции которых представлены в парламентах субъектов Федерации.

Позднее, 18 мая 2005 г., был принят Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ» № 51-ФЗ. Согласно ст. 3 этого закона выборы в Государственную Думу проходят сугубо по партийным спискам. Благодаря этим изменениям партии могут действительно стать связующим звеном между властью и обществом, реально влияя на решения власти.

Промежуточным итогом проведения данных реформ стал целый ряд новых наметившихся тенденций в характере воздействия политических партий на политический процесс современной России. Так, если ранее политические партии представляли собой лишь один из многих субъектов политического процесса, находясь зачастую на периферии принятия политических решений, то в реформируемой партийно-политической системе они становятся ключевыми политическими акторами. В результате вступления в силу нового федерального законодательства о выборах и политических партиях наступил качественно новый этап развития политической системы России. Как итог, политические партии всё больше из необязательного инструмента политической борьбы превращаются в структурообразующий элемент политической системы. Из процессов принятия политических решений в России были исключены независимые и мультипартийные (опирающиеся на поддержку нескольких партий) политики, тем самым оставляя единственный (партийный) канал для рекрутирования новой политической элиты.

Кроме того, в формирующихся новых условиях претерпели значительные изменения и существующие прежде лоббистские механизмы, которые зачастую приобретают характер межфракционных договоренностей. В результате законотворческий процесс из поля публичной политики переместился в поле экспертных оценок и дискуссий, а основным принципом принятия решений стал не принцип политического консенсуса, а принцип политической целесообразности.

Российские политологи не раз констатировали, что исполнительная власть в регионах всячески старается отстранить политические партии от реальной власти, оставляя их как «фиговый листок» для успокоения общественного мнения [8, с. 149]. С проведением реформ ситуация начинает меняться. Многое здесь будет зависеть как от федерального центра, в том числе центрального руководства партий, так и от общественного мнения, с которым на нынешнем этапе формирования гражданского общества не считаться уже нельзя.

Летом 2006 г. произошла очередная коррекция избирательного законодательства, были внесены поправки в законы «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания

Российской Федерации» и «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Партиям запретили включать в предвыборные списки представителей других партий, а депутатам — покидать партию, от которой они были избраны. Таким образом, вслед за запретом в 2005 г. предвыборных блоков стало невозможным создание межпартийных союзов, в условиях которых члены одной партии-союзницы входили в избирательный список другой [1, с. 18].

Косвенное влияние на развитие и укрепление института политических партий в РФ оказал и ряд последующих реформ. С принятием Федерального закона от 12 июля 2006 г. № 107-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов)» было отменено голосование «против всех». В ноябре 2006 г. новыми поправками в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан» и Гражданско-процессуальный кодекс был отменен порог явки для признания выборов состоявшимися.

Новым толчком к реформированию партийной системы современной России стало избрание на пост Президента РФ Д. А. Медведева; можно отметить дальнейшее усиление роли партийных элит в региональном политическом процессе. Так, в своем первом Послании Федеральному Собранию Президент РФ Д. А. Медведев указал: «Считаю возможным, чтобы предложения по кандидатурам будущих руководителей исполнительной власти субъектов Федерации представлялись Президенту только партиями, набравшими наибольшее число голосов на региональных выборах. И, стало быть, больше никем. Таким образом, исключительное право выдвижения соответствующих кандидатур будет закреплено за публичными, открытыми политическими структурами, представляющими основную часть населения страны» [10].

Универсальный механизм политических партий стал использоваться как инструмент нового типа взаимодействия системы «центр — регионы». Федеральный центр окончательно закрепил отказ от системы личной лояльности и персональных неформальных соглашений, отдав предпочтение системе формальных отношений, закрепляемых в новом типе выстраиваемой партийной системы [см.: 4].

Результаты избирательных кампаний федерального и регионального уровней свидетельствуют о возрастающей роли политических партий в процессе формирования региональных политических элит (с одной стороны, партии становятся дополнительным каналом влияния федерального и регионального центра на политический процесс, с другой — партии могут представлять в региональных законодательных органах власти интересы различных социальных групп). Особенно усилила эту ситуацию возможность назначения на данный пост политика, не имевшего ранее связей с региональной политической

системой — по партийной линии. Появление новых лиц в региональном политическом процессе может в значительной степени сказаться на его результатах.

Законодательное закрепление института политической партии в качестве главного субъекта регионального политического процесса привело к возникновению следующей тенденции — прекращению существования такого особого типа партий, как региональные политические партии, призванные представлять в органах власти консолидированные региональные интересы. Властной политической элитой страны в качестве ориентира избрано строительство крупных и влиятельных парламентских партий, представляющих собой унитарные организации общегосударственного масштаба, а не конгломераты региональных отделений, зачастую проводящих политику, весьма отличную от той, которую отстаивает их федеральное руководство.

Как свидетельствует анализ результатов проведенной в октябре 2009 г. на территории страны избирательной кампании, последствия финансово-экономического кризиса не оказали решающего влияния на партийно-идеологические предпочтения населения страны [3]. Наряду с усилением института политических партий для российской партийной системы продолжает оставаться характерной тенденция несформированности и неосознанности социальных интересов как главной основы существования партий. В первую очередь это сказывается на программно-идеологической составляющей в деятельности политических партий.

Особенностью текущего политического процесса является то, что политические партии часто не представлены в разработке стратегических программ, нацеленных на решение самых насущных задач реформирования общественных отношений. Они не всегда занимаются систематической защитой прав и свобод человека — тактические заботы о привлечении голосов избирателей теснят проблемы стратегического плана. Отсюда и пересечение дежурного набора штампов и клише в, казалось бы, изначально несовместимых партийных программах, так как на первом месте электоральный успех, достигаемый с помощью политических технологий. Программа практически каждой партии характеризуется высоким уровнем популизма, предложением простых, радикальных и быстрых решений наиболее сложных проблем государства и общества и стремлением использовать доверие граждан к своим обещаниям.

Утверждать, что программы и платформы не имеют особого значения, нельзя, они в конечном итоге служат задачам идейной самоидентификации и самопрезентации, информирующих о целях и ценностях партии, ее ресурсах, отношениях с другими партиями. Но эта реальная, рутинная и повседневная партийная работа в настоящее время все еще нетипична для федеральной и региональной политической жизни.

На заседании Государственного совета 22 января 2010 г. Д. А. Медведев отметил: «В результате той работы, которую мы с вами вели последние годы,

количество партий стало меньше, но их влияние заметно повысилось, в том числе и на региональном уровне. Организационно все партии стали сильнее: и правящая партия, и партии оппозиционные. <...> Наша задача — добиться того, чтобы принципы политического управления были адекватны многомерности, идеологическому и культурному многообразию общества» [12]. Поэтому в качестве дальнейших мер по развитию партийного строительства в России Президентом было внесено предложение гарантировать представительство во всех региональных парламентах партий, за которые проголосовало более 5% избирателей (как ранее это было сделано на федеральном уровне). То есть в результате процесса реформирования партийной и избирательной системы отечественные политические партии в основном конституировались бы как главный субъект избирательного процесса и как один из основных субъектов всего политического процесса в Российской Федерации. Дальнейшее их развитие будет направлено на усиление политической конкуренции и повышение качества политического представительства.

Подводя итоги исследования тенденций развития современной партийно-политической системы России, следует отметить, что она переживает очередной этап своего реформирования. Общероссийские политические партии, получив монопольное электоральное право, приобретают значительно больший политический вес, причем как в обществе, так и в государственных институтах. В государственных институтах — представительных органах власти — это отразилось на процессах принятия политических решений. Значительно сократился круг субъектов законотворческого процесса до числа партийных фракций, прошедших в Государственную Думу и региональные законодательные органы власти, что сказалось и на внутренней структуре Государственной Думы и региональных законодательных органов власти, поскольку исключенными из них оказались такие формирования, как депутатские группы, региональные политические партии и т. д. Во всех региональных легислатурах сформированы фракции политических партий.

Деятельность современной российской политической элиты свидетельствует о ее значительной заинтересованности в развитии и укреплении института политических партий. Подобная заинтересованность обусловлена поисками прогнозируемых моделей электорального поведения населения.

Анализ динамики и характера современного политического процесса в России дает основания прийти к заключению, что процесс становления политических партий синхронизировался с тенденцией усиления государственной власти, выстраивания стройной властной иерархии. Доминирующей тенденцией в партстроительстве на протяжении последнего десятилетия является движение партий в сторону государства, что можно считать одним из проявлений реформ, направленных на укрепление вертикали власти.

Модернизация партийно-политической системы современной России продолжается, что делает актуальным дальнейшее изучение партийно-политических процессов. Реальность партизации политической жизни есть следствие целенаправленной политики федерального центра. Представляется, что его дальнейшая деятельность будет направлена на усиление конкуренции между сформировавшимися крупными политическими партиями и возрастание идеологической составляющей этой конкуренции.

Библиографический список

1. *Баев А. В.* Российский парламент: региональный ракурс // *Обозреватель-Observer*. 2009. № 4.
2. *Гаман-Голутвина О. В.* Региональная элита России: персональный состав и тенденции эволюции (I) // *Полис*. 2004. № 2.
3. Доклад Председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации В. Е. Чурова в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации «О прошедших выборах в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления». URL: http://www.cikrf.ru/newsite/news/cik/2009/10/23/vist_2.jsp
4. *Иванов В. В.* Партия Путина. История «Единой России». М: Олма Медиа Групп, 2008.
5. *Колмаков С. А.* Новая избирательная система и партии. URL: http://212.107.192.74/magazin.php?id=7&idnews=29321¤t_magazin=1658
6. *Кулинченко А. В.* Политические партии и развитие демократии: опыт России и Германии // *Полис*. 2004. № 2.
7. *Кынев А. В.* Переход к смешанным выборам в регионах: «принудительная трансформация» // *Полис*. 2004. № 2.
8. *Лапина Н. Ю.* Политические партии и перспективы партийного строительства в Самарской и Ярославской областях // Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2003.
9. *Пляйс Я. А.* Представительная власть в России в контексте общемировой практики парламентаризма // *Парламентаризм в России и Германии: история и современность*. М.: РОССПЭН, 2006.
10. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // *Российская газета*. 2008. 6 окт.
11. *Савченко И. А., Шпак В. Ю., Юрченко В. М.* Технология политического действия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007.
12. Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России 22 января 2010 года. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/6693>
13. *Юрченко И. В.* Безопасность как базовый концепт политической стратегии инновационного развития современной России. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.
14. *Huntington S.* Political Order in Changing Society. New Haven: Yale University Press, 1968.

ПАРТНЕРСТВО ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В ОБЛАСТИ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

.....

В. В. Гассий¹

Рассматриваются вопросы развития партнерских и кооперационных связей в области природопользования в современной России. Обозначены проблемы обеспечения устойчивого регионального развития, доказана актуальность разработки механизмов взаимодействия субъектов рыночного хозяйства на современном этапе развития экономики. Даны рекомендации по совершенствованию организационно-экономического механизма привлечения инвестиций в охрану окружающей среды в целях рационального природопользования.

Ключевые слова: рациональное природопользование, устойчивое региональное развитие, концепция социальной ответственности бизнеса.

In the article the questions of the partnership and cooperation links on wildlife management in modern Russia are considered. The problems of the sustainable regional development providing are marked, the actuality of mechanisms development of the market economy subjects interaction has been proved. The recommendations of the organizational-economic toolkit improvement of the investment attraction to the environment protection for rational wildlife management are proposed.

Key words: rational wildlife management, sustainable regional development, concept of social responsibility of business.

Экономический рост, согласно общепринятому теоретическому подходу, обусловлен тремя видами капитала: человеческим, физическим (искусственные средства производства) и природным. В последнее время экологический фактор стал все больше лимитировать экономическое развитие. Возрастает понимание того, что экономика должна не только жить по экономическим законам, но и учитывать экологические. В прошлом природный капитал интерпретировался однозначно — как природные ресурсы, которые обладают неко-

¹ Гассий Виолетта Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: vgassiy@mail.ru

торой стоимостью, привязанной к мировым ценам на эти ресурсы. В экономической теории и практике все больше осознается ограниченность интерпретации природного капитала только как природных ресурсов. Со всей очевидностью можно говорить, что природный капитал способен приносить как свои выгоды (в виде ресурсов, экосистемных услуг, ассимиляции загрязнений и др.), так и убытки (различного рода эколого-экономические ущербы) [2, с. 54–68].

Помимо негативного воздействия техногенной экономической деятельности на природный капитал (а следовательно, и на баланс выгод и убытков от него) необходимо учитывать и позитивное воздействие самого природного капитала на экосистемы и здоровье людей. Природный капитал в действительности производит экологические услуги, ценность которых для общества и в конечном итоге для экономики также недооценена или просто не учитывается (часто под этим подразумевается весьма некомпетентный подход в природе все бесплатно). В этой связи проблема разработки мер, направленных на восстановление и сохранение экосистемы путем объединения усилий государства и общества, приобретает особую актуальность.

В России эта ситуация осложняется сформировавшимся преимущественно ресурсно-ориентированным типом экономики. Основу российского экономического роста составляет добывающий сектор экономики, ориентированный на экспорт природного сырья. Перерабатывающий сектор экономики, ориентированный на внутренний спрос, находится в тяжелом положении. Это приводит к чрезвычайно высокой контрастности регионального развития.

Такое экономическое развитие крайне неустойчиво. Зависимость от конъюнктуры мировых цен на нефть, преобладание товаров с коротким производственным циклом в структуре экспорта делает экономику чувствительной к малейшим внешним изменениям и чрезвычайно уязвимой. Сильнейшая дифференциация населения по уровню жизни в различных регионах страны способствует росту социальной напряженности в обществе и усилению центробежных тенденций. Масштабная эксплуатация природного капитала в процессе хозяйственного производства ведет к истощению запасов природных ресурсов и загрязнению окружающей среды, в результате чего возможности будущих поколений населения нашей страны будут в значительной степени ущемлены. Такой тип хозяйствования не способствует сбалансированному устойчивому воспроизводству и развитию экономики и общества.

Возрастающее воздействие общества на природную среду приводит к усилению воздействия измененной людьми природы на развитие самого общества. Устойчивое экономическое развитие территории (локальной, региональной, глобальной) представляет развитие, удовлетворяющее потребностям настоящего времени, но не ставящее под угрозу способность будущих поколений удовлетворять собственные потребности. Данная концепция затрагивает все аспекты функционирования общества: политико-правовой, экономический,

экологический, социальный, международный, информативный и др. Развитие общества, производственных и информационных технологий показывает, что практически все аспекты, кроме экологического, нуждаются в продуманном контроле и регулировании. Экологическая составляющая требует дополнительного внимания и воздействий, поскольку связана с ухудшающимся критическим состоянием среды обитания самого человека. Особенно остро стоит вопрос об экологическом состоянии регионов как сложных социально-экономических систем [3, с. 4–255].

Оценивая роль природных ресурсов как производственного фактора, можно сделать вывод о том, что именно эксплуатация природного капитала является движущей силой экономического развития России. Но такое ресурсопотребляющее развитие с течением времени примет разрушительный характер: экологическая деградация, истощение запасов природных ископаемых, не сопровождающееся воспроизводством минерально-сырьевой базы.

Широкий спектр загрязнения окружающей природной среды требует классификации ресурсно-производственных, ориентированных на каждый тип природоохранных мероприятий, инвестиций, организационных и методических подходов. Следовательно, системе, обеспечивающей устойчивое развитие общества противостоит объект этой системы — загрязнение окружающей среды и нерациональное использование природных ресурсов [4, с. 42–51].

Таким образом, рациональное природопользование обуславливает решение комплекса задач, связанных с усилением экологических аспектов использования природных ресурсов и одновременным увеличением объема выпускаемой продукции на основе эффективного использования природно-ресурсного потенциала региона. Существует представление, что проблемы природопользования можно успешно решать путем совершенствования системы цен на природные ресурсы и другими экономическими мерами в рамках неограниченно развивающейся рыночной экономики. Подобное заблуждение связано с эффективностью рыночных отношений в сфере производства. В развитых странах рыночные отношения стимулируют трудовую активность, способствуют развитию экономики. Но при этом растущая рыночная экономика неизбежно вовлекает в производство и переводит в отходы все большее количество материальных ресурсов; она усугубляет экологические проблемы и не может противостоять экологической катастрофе.

В этих условиях особую актуальность приобретают природоохранные составляющие экономики любого региона и исследования процесса привлечения инвестиций в охрану окружающей среды.

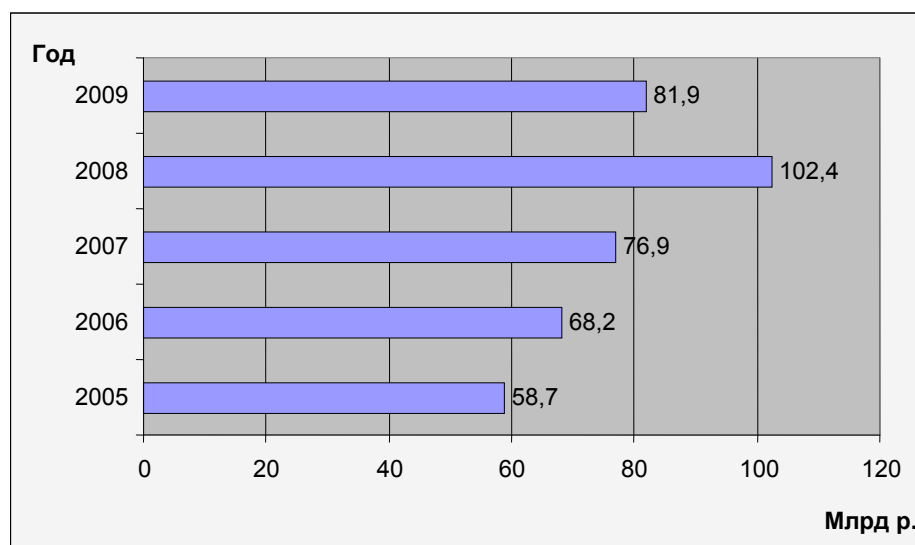
Совершенствование организационно-экономического механизма привлечения инвестиций в охрану окружающей среды направлено на экологизацию природопользования, охрану окружающей среды и воспроизводство при-

родных ресурсов, что в настоящее время это одно из важных условий выхода на траекторию устойчивого социально-экономического развития.

Структурными элементами организационно-экономического механизма являются государственное регулирование процесса привлечения отечественных инвестиций в охрану окружающей среды и рыночный механизм. Государственное регулирование процесса привлечения инвестиций в природоохранную сферу осуществляется административными и экономическими методами. Административные методы предполагают введение соответствующих нормативов, прямой контроль и лицензирование природоохранной деятельности. Экономические методы призваны заинтересовать рыночных субъектов в осуществлении рационального природопользования и необходимости инвестиционных вложений в охрану окружающей среды [1, с. 3–5]. В результате кризисных явлений последних лет и с учетом все возрастающей стоимости природоохранных мероприятий, расширения производств и тем самым увеличения нагрузки на экосистему, государство уже не способно в одиночку решать возникающие проблемы природопользования. Поэтому сегодня речь идет о формировании нового типа взаимодействия государства и бизнеса в этой области, основанного на принципах партнерства и кооперации.

В последнее время интерес к экологически обоснованной бизнес-деятельности становится все более востребованным в условиях развития социально ориентированной экономики. Это связано с тем, что природопользование сопряжено с интеграционными процессами и глобализацией экономики, поэтому важно знание особенностей управления данными процессами для обеспечения гарантий устойчивого развития. Как отмечает Н. Н. Крупина, философия современного бизнеса должна изменяться с учетом необходимости сопряжения норм и требований экономической рентабельности и экологической безопасности [6]. Она вводит понятие бизнес-природопользование, под которым понимается система обязательств специфических общественных отношений, опосредующих экологически сбалансированную бизнес-деятельность и воспроизводство экологической полезности. Следовательно, категория бизнес-природопользования представляет собой форму проявления социальной ответственности бизнеса. Последняя может оцениваться как добровольный вклад бизнеса в развитие социальной, экономической и экологической сфер жизни общества, как деятельность по совмещению и гармонизации интересов предприятия, организации с интересами общества.

Как показывает мировой опыт, одним из важных показателей экологически и социально ответственного бизнеса является финансирование природоохранной деятельности. По данным Росстата, инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в Российской Федерации, в 2009 г. снизились по отношению к уровню 2008 г. (см. рисунок) и составили 81,9 млрд р.

Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в Российской Федерации [5]

Основная инвестиционная составляющая в природоохранной деятельности — собственные средства предприятий, доля которых превышает три четверти суммарного объема инвестиций. По мнению специалистов, финансовый кризис 2009–2010 гг. существенно снизил возможности финансирования в сфере обеспечения экологически устойчивого развития. Однако следует ожидать возврата к прежним показателям и даже их рост в посткризисный период, так как развитие партнерства в области природопользования выгодно обеим сторонам.

С точки зрения развития принципов государственно-частного партнерства в сфере природопользования и охраны окружающей среды важное значение имеет обеспечение со стороны государства природопользователей информацией о ресурсосберегающих, экологически чистых технологиях, наилучших доступных технологиях, экологических стандартах, состоянии окружающей среды; поддержка научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности; поддержка деятельности организаций системы образования и просвещения, осуществляющих экологическое просвещение и образование.

Со стороны природопользователей такое партнерство включает:

— развитие добровольной нефинансовой отчетности в области устойчивого развития и переход к обязательности публикации государственными корпорациями и компаниями с государственным участием аудитуемых и заверяе-

мых третьими независимыми сторонами нефинансовых отчетов об устойчивом развитии в соответствии с международными стандартами;

— публичность, открытость и доступность информации о состоянии окружающей среды, мерах по ее охране и принимаемых решениях органов государственной и муниципальной власти;

— публичность информации деклараций и разрешений на воздействие на окружающую среду и т.п., за исключением объектов, составляющих охраняемую законом тайну.

Таким образом, развитие механизмов государственно-частного партнерства в сфере природопользования создает необходимые институциональные предпосылки, экономические стимулы, вводит различного рода этические и моральные нормы, которые позволяют гармонизировать интересы общества, бизнеса и сохранения окружающей среды.

Рационализация природопользования в России — важнейшая стратегическая задача, направленная на реализацию конституционного принципа создания благоприятных социально-экономических условий жизнедеятельности населения. Она может быть решена только при наличии устойчивых экономических и правовых отношений в обществе.

Библиографический список

1. Авдеева С.С. Основные цели привлечения инвестиций в рациональное природопользование и охрану окружающей среды // Резервы экономического роста предприятий и организаций: сборник статей V Всерос. науч.-практ. конф. Пенза: Приволжский дом знаний, 2010.
2. Аникина А.М. Роль природного капитала в устойчивом развитии регионов // Теория и практика экологического страхования: обращение с отходами: труды VI Всерос. конф. М.; Уфа: ИПР РАН, 2005.
3. Бизяркина Е.Н. Проблемы экологически устойчивого развития. М.: ИПР РАН, Полиграф-центр, 2007.
4. Гозу В.Н. Проблемы устойчивого развития региона // Экология — экономика — информатика: тезисы докладов XXVI школы-семинара «Математическое моделирование в проблемах рационального природопользования». Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 1998.
5. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2009 году». М.: АНО «Центр международных проектов», 2010.
6. Крунина Н.Н. Власть и бизнес: экологическая проекция социальной ответственности. Пятигорск: ПГЛУ, 2006.

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

.....

В. М. Юрченко ¹

В статье анализируются внутренние и внешние угрозы информационной безопасности на Юге России. Аргументируется необходимость реализации целенаправленной государственной политики в информационно-коммуникативной сфере, реализуемой посредством СМИ, в целях эффективного обеспечения национальной безопасности региона и страны в целом. Обосновывается важность научного сопровождения государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, средства массовой информации, идентичность, межэтнические коммуникации, государственная информационная политика, консолидация общества.

The article analyzes internal and external threats of information security in South Russia. The need of stable national policy in the sphere of information and communication is substantiated implemented by means of mass media in order to effectively provide national security of the region and the country as a whole. The importance of scientific back-up is proved in the sphere of national security support.

Key words: national security, mass media, identity, interethnic communication, national information policy, society consolidation.

Актуальность изучения политической наукой проблем обеспечения национальной безопасности подтверждается принятым 13 мая 2009 г. Указом Президента РФ, утвердившим Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. В Стратегии подчеркнута, что силы и средства

¹ Юрченко Виктор Михайлович – доктор философских наук, профессор, проректор, заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: politics@kubsu.ru

Статья выполнена в рамках работы над проектом «Информационная безопасность в полиэтническом социуме (на материалах ЮФО)» по программе Министерства образования и науки РФ и Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)» в рамках Мероприятия 2, Подраздел 2.1.3 «Проведение фундаментальных исследований в области гуманитарных наук», № 2.1.3./3824; статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-03-38314 а/Ю «Инновационно-стратегическое развитие Краснодарского края на основе эффективного использования его человеческого потенциала».

обеспечения национальной безопасности сосредоточены во внутривнутриполитической, экономической, социальной сферах, в сфере науки и образования, в международной, духовной, информационной, военной, оборонно-промышленной и экологической сферах, а также в сфере общественной безопасности [18].

До настоящего времени по проблеме информационной безопасности в научной литературе нет единства в определении даже базовых понятий, не говоря уже о самой концепции. Авторы в разных источниках по-своему трактуют понятия «информационная война», «информационное противоборство», дискутируя между собой. Эти теоретические споры обусловлены различными методологическими позициями исследователей и сложностью самого объекта изучения, находящегося в процессе становления [1, с. 28].

Исследователи неоднократно высказывали серьезные опасения, связанные с отсутствием системных теоретических и практических усилий в плане противодействия угрозам информационного характера. Так, президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» С.Е. Кургиян охарактеризовал ситуацию в переходном российском обществе как «консервацию катастрофы» [11, с. 23] и опасности цепной реакции распада государственности. В.И. Слипченко считает, что когда информационное противоборство сторон превратится в информационную войну, то будет поздно вносить поправки в концепцию национальной безопасности и военную доктрину. Поэтому разработка общих основ теории информационного противоборства и информационной безопасности крайне важна и актуальна, причём эта проблема выходит за чисто теоретические рамки и приобретает большое значение в политическом, правовом и других аспектах [16, с. 153]. Особую актуальность она имеет в региональном измерении Юга России, включая Черноморский макрорегион и трансграничные угрозы безопасности России.

Опираясь на принятую Стратегию национальной безопасности РФ, материалы Международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность», прошедшей в сентябре 2009 г. в Ярославле, мы разделяем следующую концепцию национальной и региональной безопасности: это защищенность жизненно важных интересов региональной социальной общности и местных институтов государства от внешних и внутренних угроз. Данная концепция предполагает диалектическую взаимосвязь национальной и региональной безопасности как ключевых компонентов политической стратегии современного российского общества в условиях постбиполярного мира, когда угрозы безопасности имеют трансграничный характер и в открытом пространстве информационного взаимодействия политических акторов актуализируется роль политического дискурса безопасности и государственности, в контексте глобализации и трансформации современного миропорядка. Особенно это актуально для Южного федерального округа, где, как недавно заявил Президент РФ Д.А. Медведев в интервью руководителям трех россий-

ских телеканалов (Первого, «Россия» и НТВ), проблема терроризма еще не закрыта [7]. Нарастающий в мире процесс глобализации рисков требует углубленного изучения природы этого явления, представляющего собой особый тип активного отношения к действительности в ситуации неизбежного выбора и оценки возможных последствий от принятия тех или иных решений.

В ситуации преодоления глобального финансового и экономического кризиса существенно изменилась вся среда безопасности и в сфере экономики, и в социально-культурной сфере, и в отношениях между акторами политического процесса. Новый подход к политике безопасности кроме традиционных аспектов, таких как соотношение военных сил и т. д., включает проблемы, связанные с глобализацией общества, миграционными процессами, поставками энергоресурсов, региональной политической стабильностью, борьбой с коррупцией, деградацией среды обитания человека и пр. Старая проблематика военно-политической безопасности (времен «холодной войны»), к сожалению, полностью не исчезла, но к ней добавились и новые проблемы безопасности, которые несут с собой серьезные потенциальные угрозы, а значит, требуют новых научных подходов и адекватных мер со стороны федерального государства, органов власти в регионах, муниципальных образованиях.

Анализ факторов, влияющих на определение политической стратегии России в условиях преодоления глобального кризиса необходим с точки зрения защиты ее национальных интересов. Выявление новых угроз и рисков поможет системно корректировать политический курс с учетом макро- и микрополитических факторов конфликтогенного политического процесса.

На пленарном заседании мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности», который состоялся в сентябре 2010 г. в Ярославле, Д. А. Медведев вновь обратил внимание на проблему безопасности и подчеркнул, что борьба с терроризмом будет продолжена и у России нет другого выбора и нет других целей в этой области. Развивая обоснование концепции российской демократии, он в числе важнейших стандартов демократического государства назвал способность защитить своих граждан от посягательств преступных сообществ, включая терроризм, коррупцию, наркоторговлю и незаконную миграцию. Д. А. Медведев подчеркнул, что эти и некоторые другие явления угрожают образу жизни граждан России, ценностям россиян, игнорируют законы государства [12].

Под информационной безопасностью понимается способность государства, социальной группы, личности обеспечить (с определенной вероятностью) достаточные информационные ресурсы и информационные потоки для поддержания своей жизнедеятельности и жизнеспособности, устойчивого функционирования и развития, противодействия информационным рискам и угрозам, негативному информационному воздействию.

Частота встречаемости информации националистического характера в различных информационных источниках, % от числа опрошенных по региону

Источники информации	Место опроса		
	Адыгея	Дагестан	Ингушетия
Интернет	50,0	36,8	52,2
Центральные каналы ТВ	23,9	22,1	29,1
Региональные каналы ТВ	9,8	7,4	14,9
Центральные печатные издания	5,4	22,1	19,4
Региональные печатные издания	12,0	27,4	11,9
Российское кино	31,5	24,2	36,6
Зарубежное кино	30,4	13,7	13,4
Художественная литература	8,7	5,3	8,2

Целенаправленным информационным воздействием можно управлять состоянием и поведением как отдельного человека, так и больших социальных групп, таких, например, как население региона. Концепция национальной и региональной безопасности предполагает защищенность жизненно важных интересов социальной общности как от внешних, так и от внутренних угроз. Одной из таких угроз может стать разжигание националистической розни в средствах массовой информации.

В ходе социологического исследования, проведенного в 2010 г. на территории Южного федерального округа, были изучены источники информации, в которых, по мнению респондентов, чаще всего размещаются сообщения или публикации откровенно националистического характера.

Всего был опрошен 321 чел., из них 92 чел. — из Адыгеи, 134 — из Ингушетии, 95 — из Дагестана.

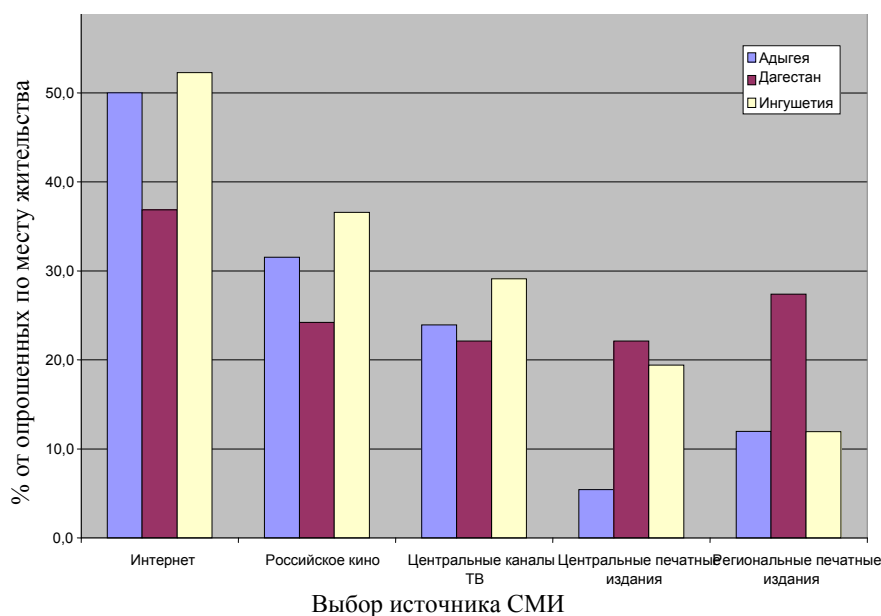
Результаты опроса представлены в таблице.

Информация националистического характера, по мнению респондентов, преобладает прежде всего в сети Интернет. С этим согласился практически каждый второй житель Адыгеи и Ингушетии и каждый третий житель Дагестана. Следует отметить, что дагестанцы после Интернета чаще жителей других регионов отмечают региональные и центральные печатные издания (около 27 и 22% респондентов соответственно).

Примерно каждый третий житель Адыгеи и Ингушетии и каждый четвертый представитель Дагестана считают, что российское кино также способствует распространению националистических взглядов. 30% адыгейцев в этом же обвиняют зарубежное кино.

Следует подчеркнуть что в отношении центральных каналов ТВ респонденты всех республик занимают примерно одну и ту же позицию. Они отмечают,

Сталкивались ли Вы с сообщениями или публикациями националистического характера в различных видах СМИ?

что информация националистического характера присутствует на центральных каналах ТВ. К этому мнению склоняются 29, 24 и 22% жителей Ингушетии, Адыгеи и Дагестана соответственно.

Наибольшие расхождения в мнениях респондентов наблюдались в отношении центральных и местных печатных изданий. Так, представители Дагестана и Ингушетии полагают, что националистические настроения чаще всего присутствуют в центральных печатных изданиях (22,1 и 19,4% от опрошенных в этих республиках). Среди жителей Адыгеи с этим согласились лишь 5%. Зачастую дагестанцы указывают на местные печатные издания (27,4% от опрошенных).

Реже всего подобные публикации и сообщения встречаются в центральных печатных изданиях и в художественной литературе, что отмечают около 5% жителей Дагестана и 8% жителей Адыгеи, Ингушетии.

Основные итоги исследования приведены на рисунке.

Таким образом, для обеспечения национальной безопасности региона и страны в целом представляется необходимым реализация целенаправленной государственной политики в информационно-коммуникативной сфере, реализуемой посредством СМИ.

Информационное противоборство становится все более сложным, тонким и требующим научной проработки во всех его компонентах. Политический дис-

курс всегда имеет конфликтный и интеграционный потенциалы, возможность дифференциации которых обеспечивает перераспределение центров власти и управление конфронтационными процессами в обществе. Появление на политической сцене новых субъектов, новых политических блоков, фракций, политических партий изменяет расстановку политических сил и вносит в политический дискурс дополнительное разнообразие, иные аспекты значимости ряда социальных проблем. Эффективная политика — это всегда такое управление конфликтными взаимодействиями в обществе, которое отражается в политическом дискурсе как наиболее влиятельная идеология, «политическая формула», подтверждающая легитимность властной элиты, стремящейся к сохранению сложившейся институциональной структуры, включающей усилия по воспроизводству государственности. В первую очередь символопорождающие элиты должны осознать свою ответственность за создание идеологии этнического согласия и патриотизма, так как, чтобы остаться геополитическим субъектом, необходимо осмысленное противодействие любым попыткам разрушить ментальную целостность российского суперэтноса. От этого в конечном итоге напрямую зависит безопасность Российского государства, российского полиэтнического социума.

Информация в современном мире является стратегическим национальным ресурсом. Военный конфликт на Кавказе в августе 2008 г. показал степень важности формирования позитивного имиджа России. Поэтому необходима более эффективная информационная политика, которая обеспечивала бы информационную безопасность нашей страны.

В августе 2008 г. были предприняты попытки фальсифицировать события вокруг Южной Осетии и навязать мировому сообществу представление о России как о стране, вмешивающейся во внутренние дела Грузии [20, с. 84]. И только ограниченный круг западных экспертов и политиков давали объективную информацию об агрессивных действиях руководства Грузии по отношению к Южной Осетии и российским миротворцам.

Сегодня более чем очевидно, что грузино-осетинский конфликт имеет намного большее количество участников, чем кажется на первый взгляд. В первую очередь это, конечно же, Россия и США, чьи геополитические интересы сталкиваются в регионе. Одними из первых на события в регионе откликнулись американские официальные лица из администрации Джорджа Буша. Свою антироссийскую позицию озвучила и госсекретарь США Кондолиза Райс, заявив, что Россия «играет в очень опасную игру» с США и ее союзниками, и предупредила, что НАТО не позволит Москве одержать победу в Грузии, дестабилизировать ситуацию в Европе и выстроить таким образом новый «железный занавес» [8].

Одну из самых жестких позиций в Европе по отношению к России заняла Польша. Польский президент, находясь с визитом в Тбилиси, заявил на митинге в присутствии лидеров стран Балтии и Украины следующее: «Мы собрались

здесь вместе, чтобы дать бой. Наши соседи показали лицо, которое мы знаем сотни лет. Эта страна — Россия. Эта страна хочет подчинить себе своих соседей. Мы говорим «нет!» Мы знаем, что сегодня — Грузия, завтра — Украина, послезавтра — государства Прибалтики, а потом, возможно, и моя страна. Мы сможем этому противостоять, если Европа будет придерживаться общих ценностей» [13]. Впоследствии МИДу Польши пришлось комментировать столь жесткую риторику своего президента. Министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский заявил, что прозвучавшие в Тбилиси в исполнении действующего в тот период президента Леха Качиньского призывы к «совместной борьбе с Россией» были «авторской» речью «господина президента» [13].

Прошедший после событий августа 2008 г. в Брюсселе саммит Евразсоюза не принял тех решений, на которые рассчитывали сторонники антироссийской линии. Европа не стала ссориться с Москвой из-за Грузии. Однако в первые дни грузинской агрессии против российских миротворцев, российских граждан, проживающих в Южной Осетии, мирного населения этой теперь уже суверенной страны в большинстве западных СМИ давалась необъективная оценка происходящего, и в первую очередь миссия России. Российскому политическому руководству, дипломатам пришлось долго и кропотливо, шаг за шагом, разьяснять суть произошедшего. Так, в интервью американской телекомпании «Си-Эн-Эн» (28.08.2008) Председатель Правительства РФ В.В. Путин отметил: «Есть серьезные основания полагать, что прямо в зоне боевых действий (во время конфликта в Южной Осетии) находились граждане Соединенных Штатов» [6]. Специалисты, даже если они обучают военному делу, должны делать это, подчеркнул В.В. Путин, не в зоне боевых действий, а на полигонах и в учебных центрах.

Некоторое сближение позиций России и ее зарубежных партнеров стало одной из предпосылок начала активного диалога о размещении противоракетной обороны США в странах Восточной Европы. 17 сентября президент США Барак Обама в телефонном разговоре сообщил премьер-министру Чехии Яну Фишеру об отказе от планов разместить в республике радиолокационную станцию ПРО США [19]. Впоследствии было объявлено и об отказе от размещения 10 противоракет в Польше. В ответ на решение США отказаться от размещения третьего позиционного района стратегической ПРО в Восточной Европе российская сторона заявила об отказе от размещения оперативно-тактических ракет «Искандер» в Калининградской области [15]. Президент РФ Д. А. Медведев в связи с корректировкой подходов США к вопросу о ПРО сделал специальное заявление о том, что обсуждал эту тему с Президентом США в ходе встреч в Лондоне и Москве. «При этом мы договорились и зафиксировали в наших договорённостях, в наших совместных заявлениях, что Россия и США будут стремиться к совместной работе по оценке рисков ракетного пространства в мире» [5].

Освещение событий августа 2008 г. в Грузии, внимание мирового сообщества, прикованное к проблемам противоракетной обороны и ограничения ядерных вооружений, подтверждает мнение, согласно которому России нужна более эффективная информационная политика, опирающаяся на глобальные СМИ и обеспечивающая информационную безопасность страны.

Информация в современном мире является стратегическим национальным ресурсом.

Именно поэтому информационные опасности, угрозы и риски должны изучаться, анализироваться, и в первую очередь научным сообществом. Западные печатные и электронные СМИ пестрят сообщениями об «агрессивном вторжении» российских бизнес-структур на западные рынки, о чудачествах российских олигархов, занявших в таблоидах место экзотических арабских шейхов, о многочисленных и совсем не бедных эмигрантах из России, которые скупают недвижимость в престижных районах Лондона [17, с. 31]. И это подается как угроза западной демократии.

Вместе с тем существует угроза для идентификационной составляющей России, накапливающейся тысячелетиями и потому хранящей наиболее устойчивые представления различных этнонациональных общностей о себе самих. Важнейшей задачей национальной безопасности является защита и сохранение российской идентичности как сущностной основы и одновременно важнейшего ресурса конкурентоспособности в современных условиях. Можно предположить, что утрата идентичности приведет к потере не только национальных ценностных ориентиров, но и государственного суверенитета. Этническое самосознание не должно вступать в противоречие с общероссийской гражданской идентичностью, на основе формирования подлинного доверия в отношениях между этническими группами должен создаваться важнейший сегмент информационного пространства как элемент социального капитала российского общества в новых геополитических условиях. Решить данную задачу можно при условии тесного взаимодействия всех уровней власти в направлении противодействия ксенофобии, экстремизму и терроризму [14, с. 126–128]. В условиях нестабильной межэтнической обстановки властные элиты должны ориентировать СМИ на создание безопасного информационного пространства, способствующего позитивной межэтнической коммуникации и формированию толерантных установок по отношению к этническим меньшинствам.

Консолидированному, преуспевающему обществу необходим набор стержневых символических элементов, которые могли бы служить его гражданам своеобразными ценностными ориентирами и критериями справедливости. В материалах прошедшего 30 сентября — 1 октября 2009 г. в Санкт-Петербурге Международного конгресса конфликтологов отмечается, что с точки зрения методологических подходов, принятых в конфликтологии, именно система ценностей может быть объектом конфликта в обществе между субъектами

конфликтных отношений [2, с. 52]. Исследование когнитивной природы российского политического центризма показывает, что в его основе заложено диалектическое понимание патриотической идеи, необходимой для консолидации общества, расколото коммунистическим экспериментом и либеральными реформами.

Противоречивые, а порой и разрушительные процессы, происходившие в постсоветский период на пространстве СНГ, актуализировали проблему поиска механизмов социальной солидарности поколенческих, этнических, политико-экономических общностей и субкультур и создания новой системы гражданского воспитания на основе коммуникативно-синергетической парадигмы информационной безопасности. В этом контексте группа ученых кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (базовой кафедры Южного научного центра РАН) осуществляет исследовательскую работу по проекту «Информационная безопасность в полиэтническом социуме (на материалах ЮФО)» по программе Министерства образования и науки РФ «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)». Эти наработки позволяют сделать обоснованные выводы и дать определенные рекомендации органам государственного управления федерального и регионального уровней, акторам политического процесса. В их числе — формирование с помощью СМИ и образовательных технологий толерантного сознания, активизация работы с религиозными организациями, национальными центрами и группами, формальными и неформальными политически активными молодежными объединениями, развитие региональной молодежной прессы, активизация деятельности молодежных общественных объединений и организаций, молодежных отделений политических партий и т. д.

Большой научный интерес представляет разработка Доктрины информационной безопасности РФ. Она опирается на Концепцию национальной безопасности РФ, утвержденную Указом Президента РФ № 24 от 10 января 2001 г., где определены угрозы стране в информационной сфере. В настоящий момент они требуют уточнения и конкретизации в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Необходимо как дальнейшее развитие понятийного аппарата проблемы, так и исследование основных методов ведения информационного противоборства и обеспечения информационной безопасности.

Успехи «цветных» революций во многом объясняются мощным информационно-психологическим воздействием на население этих государств. Именно поэтому в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. отмечено, что решение задач обеспечения национальной безопасности достигается за счет признания первостепенной роли культуры для возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей, укрепления духовного единства многонационального народа Российской Федерации

и международного имиджа России в качестве страны с богатейшей традиционной и динамично развивающейся современной культурой, создания системы духовного и патриотического воспитания граждан России, развития общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды на пространстве государств — участников Содружества Независимых Государств и в сопредельных регионах [18].

Разработанная и внедрённая в общественное сознание система обеспечения информационной безопасности способна в определённой мере выполнять функции антикризисного менеджмента, включая своевременное предупреждение, ослабление кризисов, управление кризисами с их последующим эффективным разрешением.

Важной проблемой в контексте изучения концепции и составляющих информационной безопасности является государственная политика в этой области, распределение функций между государством и гражданским обществом. Нельзя полагать, что обеспечение информационной безопасности в стране — это только обязанность органов государственной власти и государственного управления. Концептуально обоснованная и подтверждённая правовыми актами Доктрина информационной безопасности позволит оптимизировать отношения между государством и гражданским обществом.

Принятая Стратегия национальной безопасности требует от политологического сообщества глубокой проработки и концепции национальной идеи, и концепции информационной безопасности. Не просто дискуссий на эти темы, а конкретных предложений органам государственной власти и управления, предложений, опирающихся на прогнозные исследования политологов и конфликтологов.

По существу, информационная борьба никогда не прекращается, как правило, она латентна и не знает границ в пространстве и во времени. Её конечная цель — манипулирование общественным сознанием и поведением больших масс людей, воздействие на системы государственного управления. Информационно-психологические методы воздействия становятся всё более масштабными, политически результативными и всё чаще используемые. Россия, занимая особое геополитическое положение и являясь евроазиатской державой, остаётся центральным объектом сферы информационного противоборства. Это подтверждают попытки отдельных государств сформировать у широких кругов мировой общественности негативный образ Российской Федерации. Прилагаются усилия по изменению расстановки сил в наиболее важных регионах мира, основанные на антироссийских настроениях. Периодически реанимируется информационная поддержка действий сепаратистов на Северном Кавказе с основным упором на вымышленные проблемы соблюдения прав человека. Предпринимаются попытки дискредитировать руководящий состав органов государственной власти [4, с. 23–24]. Растущая

глобальность информационной сферы приводит к тому, что создаваемая информационно-коммуникационная инфраструктура страны и национальные информационные ресурсы оказываются объектами, весьма уязвимыми для внешнего воздействия.

В то же время информационное противоборство разворачивается и инициируется различными общественно-политическими силами внутри страны и направлено на дестабилизацию существующего строя и рост протестных настроений внутри общества. В условиях внешних и внутренних угроз для исторического развития российской государственности особое значение приобретает создание национальной идеологии как символической системы, рационально выражающей основные направления общественного развития, декларирующей средства и механизмы самоидентификации.

Авторы коллективной монографии «Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования)», изданной Центром конфликтологии и Институтом социологии РАН, считают что любая политическая система, политический режим представляет собой результат жесткой борьбы различных социальных сил, экстраполировавших свои требования в сферу политики, на уровень государственной власти [9]. Всякому политическому режиму присущи, пусть и в разной степени, единство и смысл, и долг политолога — увидеть это.

Поэтому научному сообществу необходимо на базе принятых основополагающих документов [18; 10; 3] выработать консолидированную программу научно-теоретического, прикладного и информационного обеспечения реализации принятых стратегических решений, которая бы соответствовала ожиданиям людей, способствовала консолидации общества в целях политической стабильности и инновационного развития страны в условиях жесткой конкуренции на мировой арене. В Кубанском государственном университете, ведущем вузе Юга России, научной разработке проблем безопасности уделяют неослабное внимание в течение достаточно продолжительного периода времени. Для кафедры политологии и политического управления КубГУ, которая, как уже отмечалось, является базовой кафедрой ЮНЦ РАН, это направление стало кафедральной темой. По нему защищен ряд докторских и кандидатских диссертаций, осуществляются грантовые проекты. В 2010 г. в КубГУ проведена Международная научно-практическая конференция «Политическая безопасность Юга России», по заказу Национального антитеррористического комитета РФ состоялся круглый стол «Информационное противодействие идеологии терроризма в сфере этноконфессиональных отношений», в котором приняли участие как ученые, так и представители органов власти и управления, практические работники. Материалы круглого стола и Международной научно-практической конференции изданы, и заинтересованные исследователи могут с ними познакомиться. По нашему мнению, исследуемая проблема требует дальнейших научных разработок, в тесном контакте науки и практики.

Библиографический список

1. *Абрамов В.Н., Соловьёв А.В.* Информационное противоборство и неправительственные организации // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2008. № 2.
2. *Байдалова О.В.* Система ценностей как объект конфликта в обществе // Конфликтология для XXI века: Наука — образование — практика: материалы Междунар. конгресса конфликтологов. СПб: Изд-во СПбГУ, 2009. Т. 1.
3. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 05.02.2010. № 146 // Российская газета. 2009. 10 февр.
4. *Горбенко А.* СМИ в сфере информационного противоборства // Власть. 2008. № 11.
5. Заявление Дмитрия Медведева в связи с корректировкой подходов США по вопросу о ПРО. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5496>
6. Интервью премьер-министра РФ Владимира Путина телекомпании CNN. URL: <http://www.rian.ru/politics/20080828/150771441.html>
7. Итоги года с Президентом России. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/6450>
8. Кондолиза Райс: НАТО не позволит Москве одержать победу в Грузии. URL: http://www.mideast.ru/350/42680?&PAGEN_1=2
9. Конфликты в современной России. Проблемы анализа и регулирования/под ред. Е.И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
10. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 05.10.2009 // Российская газета. 2009. 20 окт.
11. *Кургинян С.Е.* Консервация катастрофы // Главная тема № 6. 2005.
12. *Медведев Д.А.* Выступление на пленарном заседании мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности». URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8887>
13. МИД Польши откrestился от своего президента. URL: <http://www.utro.ru/articles/2008/08/14/759625.shtml>
14. Проблемы региональной безопасности в полиэтнической среде. Вып. 1. Информационная безопасность/отв. ред. В.М. Юрченко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009.
15. Россия может отказаться от планов размещения «Искандеров» в Калининградской области. URL: <http://www.regnum.ru/news/1207091.html>
16. *Слипченко В.И.* Война шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002.
17. *Соловьёв Э.Г., Смирнов А.И.* Международный имидж современной России: дефицит привлекательности или дефицит идей? // Полис. 2008. № 5.
18. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>
19. США отказываются от размещения систем ПРО в Чехии. URL: <http://www.regnum.ru/news/1206300.html>
20. *Юрченко В.М., Герасимов И.А.* Информационное противоборство политических субъектов в условиях военного конфликта // Конфликтология для XXI века: Наука — образование — практика: материалы Междунар. конгресса конфликтологов. СПб: Изд-во СПбГУ, 2009. Т. 1.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЧУЖОГО В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ (ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ) БЕЗОПАСНОСТИ

А. П. Романова, С. Н. Якушенков, И. В. Лебедева, М. С. Топчиев¹

В статье дается анализ феноменологической методологии исследования образа Чужого на гносеологическом и онтологическом уровнях (Э. Гуссерль, Б. Вальденфельс, Э. Левинас) применительно к системе культурной (этноконфессиональной) безопасности. Исследуется структура образа Чужого и перерастание его в концепт. Анализируются проблемы возникающие по отношению к Чужому как в мультикультурном, так и в поликультурном обществе.

Ключевые слова: Чужой, Другой, интенциональность, феноменология, культурная безопасность, конфессиональная безопасность, миграция, разрушение идентичности.

The article analyses phenomenological methodology of a Stranger image research, both on gnoseological, and at ontological level (E. Hesserl, B. Waldenfels, E. Levinas), relating to a system of cultural (ethno confessional) safety. The structure of a Stranger image and its development into a concept is investigated. Problems arising in relation to the Stranger both in multicultural, and in polycultural society are analyzed.

Key words: stranger, another, intentionality, phenomenology, cultural safety, confessional safety, migration, identity destruction.

В данной статье осуществлена попытка проанализировать концепт Чужого в системе культурной безопасности и показать, как в определенный момент элитарная философская феноменологическая методология начинает работать в политическом контексте.

¹ Романова Анна Петровна — доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета (АГУ). Эл. почта: aromanova_mail@mail.ru. Якушенков Сергей Николаевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории зарубежных стран АГУ Эл. почта: shuilong@mail.ru. Лебедева Ирэн Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент Астраханского государственного университета. Эл. почта: irenalebedeva@mail.ru. Топчиев Михаил Сергеевич — аспирант кафедры политологии АГУ. Эл. почта: dc_mail@bk.ru

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект 2010–12. 10-03-00643а «Чужой и культурная безопасность».

В основе отношения одного человека к другому лежит достаточно призрачная возможность понимания не просто одного человека другим, а Мною — Его, поскольку самость человеческая всегда является отправной точкой бытия в мире и понимания мира. Однако это понимание возможно именно в принципе, потому что в этом мире есть кто-то еще. Этот кто-то — не Я, Другой, Чужой. Актуализация феномена Чужого в рамках философских исследований, в частности в феноменологии, приходится на XX в. Причем на этом этапе понятия Чужой и Другой практически тождественны.

В классической феноменологии, начало которой положил Э. Гуссерль, проблема Другого, а он чаще прибегает именно к данной терминологии, носит прежде всего гносеологический характер. «Как я из моего абсолютного его могу выйти к другим его, которые не существуют во мне как действительные другие, но как таковые лишь интенционально осознаются во мне?» [6, с. 221]. Эти вопросы связаны с принципиальной возможностью понимания Другого как другого его, поскольку основная концептуализация этого Другого основана на нашем собственном Я. Мы по сути свое конституируем (в терминологии Э. Гуссерля) или даже конструируем (в терминологии П. Бергера и Т. Лукмана) образ Другого, исходя из наших собственных представлений о самих себе. Это так называемый трансцендентальный опыт вчувствования Другого. Э. Гуссерль в «Картезианских размышлениях» пытается создать фундаментальную феноменологию восприятия, исходя из активно конституирующей интенциональности Другого, создающей поле жизненного мира, представленное прежде всего объектами культуры, несущими на себе опыт существования этого Другого [6, 235].

Казалось бы, на первый взгляд глубоко теоретическая, выходящая на уровень метафизических размышлений феноменология Другого лежит совершенно в иной плоскости, нежели система безопасности, пусть даже и культурная. Но это только на первый взгляд. Для лучшего понимания их взаимосвязи определимся с понятием культурной безопасности.

Проблема безопасности чрезвычайно сложна и многослойна, а само понятие «безопасность» распространяется на весьма широкие сферы: от государственной безопасности до безопасности жизнедеятельности. Причем появляются все новые сферы, требующие особого внимания к безопасности, в том числе культурная и профессиональная.

Термин «культурная безопасность» новый и еще недостаточно разработанный теоретически [12, с. 92]. За рубежом первые определения культурной безопасности начали появляться именно в культурологическом ключе только в последние десятилетия, когда она стала трактоваться как «способность общества сохранить специфические характеристики несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно, это включает постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ,

национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» [27, с. 13].

В отечественной литературе термин «культурная безопасность» трактуется широко и включает в себя культуру и как объект, и как фактор обеспечения безопасности. «Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере, как то предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников, но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания... Это и защита культуры от угроз и одновременно создание условий для ее гармоничного развития» [12, 92]. Поскольку безопасность — состояние системного равновесия, то поддержание наработанных в обществе в целом культурных паттернов во многом стабилизирует ее. Вполне справедливо в этом случае замечание А. Я. Флиера о том, что по-настоящему безопасное общество то, где люди в абсолютном большинстве своем сознательно и целенаправленно соблюдают общепринятые нормы жизнедеятельности, т. е. являются культурными [18, 181–187].

Этноконфессиональная безопасность есть часть культурной безопасности. Этот термин еще недостаточно устоялся, хотя в последние годы появляется в том или ином виде в научной литературе.

Этноконфессиональная безопасность представляет собой основу культурной безопасности и может быть представлена и как «система государственных гарантий и поддержки духовного потенциала народов и наций и одновременно противодействий угрозам свободе вероисповедания и межрелигиозному согласию» [9].

Под этноконфессиональной безопасностью понимается как система сохранения контентного содержания любой конфессии и ее культовой оболочки, а также этнической идентичности, так и предотвращение конфликтов на конфессиональной и этнической почве. Этноконфессиональная безопасность — это система условий для полноценного развития различных конфессий в едином культурном пространстве, предотвращающая или, по крайней мере, смягчающая конфликты, связанные с этноконфессиональной принадлежностью. В основе основной массы таких конфликтов лежит гипертрофированное восприятие Другого человека как Чужого.

С точки зрения феноменологии за всем этим стоит важный герменевтический вопрос о возможности понимания Другого *в принципе*. Сама постановка этого вопроса в метафизической плоскости говорит о внутренней сложности проблемы, которая выходит на поверхность в форме социальных противоречий и конфликтов, поскольку жизненный мир, будучи априорно фактором объективной действительности, представляет собой на самом деле результат интенционального конституирования сознания различных субъектов.

Вопрос стоит о включенности системы чужого жизненного мира в мой жизненный мир и о принципиальных последствиях такого включения, поскольку категории одного мира будут видоизменять категории другого. Недаром последнее время в СМИ все чаще ставится вопрос не об адаптации мигрантов к европейской культуре и традициям, а об адаптации европейцев к жизненному миру мигрантов (например ток-шоу «Незванные гости» в рамках передач «Картина маслом» на 5-м канале 5 декабря 2010 г. в 19.30).

По сути уже у Гуссерля в позднем периоде его творчества эта проблема выходит за рамки чисто гносеологической и включает в себя категорию «жизненного мира», а процесс понимания Чужого рассматривается через призму отношений своей и чужой культуры.

В основе его концентрической модели жизненного мира лежит «свой», «родной мир», родная культура как нечто знакомое, принимаемое и понимаемое и одновременно как основа понимания Чужого, чужого мира, чужой культуры, на которую нанизываются, как кольца на пирамидку, элементы новой культуры. Каждая новая сфера раскрывает новые горизонты в этом жизненном мире и оказывается основанной на предыдущей и автоматически включающей ее в себя.

В более поздней феноменологии Б. Вальденфельса Чужой рассматривается как звено в пространстве «между». Это пространство становится объектом пристального внимания именно в XX столетии и анализируется М. Бубером, М. Хайдеггером, Г.Г. Гадамером. По мнению Б. Вальденфельса, «между» — это «не просто нового рода феномен, но и нового рода организация или, как сказал бы Гуссерль, нового рода логос феномена» [3,15].

Пространство «между» есть пространство диалога и пространство порядка. Причем феноменологически это две концепции порядка. Одна, восходящая к античности, универсалистская, в которой собственное «Я» расширяется до пределов Чужого, другая же, принадлежащая Новому времени, исходит из ограниченности личности нормами закона и морали. И уже гуссерлевская феноменология пронизана этой двойственностью. Собственно сам акт общения — это акт присоединения к единому целому, сообществу, коммуникация (*communio* — делаю общим, связываюсь). И одновременно наличие «между» означает разделение Я и Другого. Я конституируется по контрасту с Ты (*Husserliana* XIII). Вслед за Гуссерлем Вальденфельс пытается смягчить эту разделенность тем фактом, что образ Чужого в любом случае складывается из элементов Своего, т.е. это проекция себя вовне. «Опыт Чужого оказывается превращением опыта самого себя» [29, с.].

В феноменологии Чужого уже в гуссерлевской концепции прослеживается некая градация «Чужести». С одной стороны, это ««Чужость» внутри «Родного мира», принадлежащая к его внутреннему горизонту, и, с другой — «Чужость» вне «Родного мира». В нашей терминологии это «внешний и внутренний чу-

жой» [13]. И как справедливо замечает Вальденфельс, в современном мультикультурном пространстве эти границы становятся очень зыбкими, поскольку непонятно, «кто мне более чужой, лечащий меня индийский врач, обворовывающий меня неаполитанский карманник или немецкий сосед, заклинающий духов?» [3, с. 15].

Феноменологическая методология выстраивает две возможности анализа и понимания чужого. Первая линия — это Чужой как Другой, *отчужденный от самого себя*, «посторонний» (Камю) самому себе, по сути своей «Не-Я». И вот это «Не-Я» достаточно многогранно, в него имплицитно входит вся совокупность понятий — Иной, Другой, Чужой. И в рамках этой системы анализа, по сути метафизической, Чужость понимается как весьма относительное, субъективное свойство человеческого сознания.

Вторая возможность, на наш взгляд, исходит из постулата Э. Левинаса, что «я не есмь другой. Я — это я сам. Мое бытие, тот факт, что я существую, — мой акт-существования — представляет собою нечто совершенно непреходное, безынтенциональное, безотносительное. Существа могут обменяться между собою всем, кроме своего акта-существования. В той мере, в какой я есмь, я есмь монада. Именно благодаря моему акту-существования у меня нет ни окон, ни дверей, а вовсе не потому, что я содержу в себе нечто, что не могу передать» [8, с. 27]. И в этой ситуации «Чужость» превращается в онтологическую категорию.

С нашей точки зрения, есть необходимость разграничить в контексте исследуемой проблематики понятия Другой и Чужой. Понятие Другой характеризует практически все, чем не является Я, т.е. всю панораму «Не-Я». Оно абсолютно феноменологически нейтрально и не имеет этического оттенка. Термин же Чужой в русском языке носит негативный характер, да и в английском *stranger* — *чужой*, производное от прилагательного *strange* — что переводится как понятием «незнакомый», так и «странный», «инородный», «чужой». «Чужой как нездешний, иностранный, находящийся за границами родной культуры; чужой как странный, необычный, контрастирующий с обычным и привычным окружением; чужой как незнакомый, неизвестный и недоступный для познания; чужой как сверхъестественный, всемогущий, перед которым человек бессилен; чужой как зловещий, несущий угрозу для жизни» [5]. Чаще всего Чужой рассматривается как странник и мигрант. Именно такой подход стал классическим в социологии, например для Г. Зиммеля («Чужой» 1908); и А. Шютца («Чужой» 1950).

В феноменологической концепции Левинаса человек онтологически одинок. И прежде всего он одинок перед лицом смерти, а смерть есть «кардинальное Другое». И вот здесь Левинас ставит весьма интересный вопрос: может ли сущий вступить в отношение с другим так, чтобы другое не раздавило его? [8, 78] Правда, под Другим он имеет в виду прежде всего смерть, однако, с нашей

точки зрения, на нынешней фазе глобализационных процессов его можно экстраполировать и на социокультурное понимание Другого.

Возьмем анализ этих процессов, происходящих в мультикультурном европейском обществе. Об этом свидетельствует, например, весьма популярная сегодня в Германии книга бывшего члена совета директоров Бундесбанка и бывшего министра финансов Берлина Т. Саррацина (СДПГ) «Германия самоликвидируется. Как мы ставим на карту нашу страну» (2010) [26].

По данным журнала Штерн, это уже 15-е издание, объем продаж — около десяти тысяч в день и продано уже больше 1,5 млн экземпляров [28]. Квинтэссенцией книги является обоснованный печальный прогноз развития социальной ситуации в Германии как следствие падения рождаемости и большого притока мигрантов — мусульман, практически не способных к интеграции. «Я не хочу, чтобы страна, где будут жить мои внуки и правнуки, — пишет политик, — стала большей частью мусульманской, чтобы в ней повсюду говорили по-турецки и по-арабски, женщины ходили в платках, а ритм жизни определялся бы призывом муэдзина. Если мне захочется посмотреть на это, я могу поехать на Ближний Восток» [19].

Опираясь на статистику по безработице и преступности, где фигурирует много мусульманских мигрантов, Т. Саррацин делает вывод, что население Германии из-за постепенного изменения этнического состава теряет свой социальный и интеллектуальный уровень. Согласно данным германского Федерального статистического ведомства, более 15 млн чел., проживающих в сегодняшней Германии, имеют «миграционное прошлое», это 18,4% от общего населения, или практически каждый пятый житель страны [22]. Утверждая, что при сохранении динамики существующих процессов население ФРГ не только сократится до минимума, но и станет качественно хуже, автор опирается на следующие факты: нетто-коэффициент рождаемости (количество дочерей, приходящихся на каждую женщину) в Германии в настоящее время составляет 0,7. Это означает, что поколение внуков будет численно вполонину меньше поколения дедов. Ежегодная рождаемость в Германии сократилась с 1,3 млн в 1960-х гг. до 650 тыс. в 2009 г. Если так будет продолжаться дальше, то через 50 лет рождаемость упадет до 200–250 тысяч в год. При этом только половина новорожденных из этого числа будет потомками немцев, живших в середине 1960-х гг. XX века. Т. Саррацин отмечает, что на протяжении последних 45 лет рассуждать о демографическом кризисе считалось неприличным, и лишь когда поколение 1960-х состарилось и обеспокоилось своими пенсиями, ситуация изменилась и об этом стало можно говорить [26, с. 4]. Именно этим и объясняют немецкие педагоги низкие показатели в успеваемости современных школьников, поскольку родители-мигранты сами плохо знают язык и не хотят или не могут повлиять на то, чтобы их дети учились лучше. Такая печальная картина — следствие того, что, получив гражданство, мигран-

ты в Германии официально по статистике считаются немцами или немецкими гражданами с миграционным прошлым, хотя более корректно было бы придумать для их обозначения отдельный термин, отражающий суть сложившейся ситуации.

Особая скандальность данной ситуации заключается в том, де юре эти высказывания считаются властями нетолерантными и критикуются в средствах массовой информации как расистские и псевдонаучные, де факто же разделяются большинством по умолчанию. Собственно Т. Саррацин и отразил в своей книге точку зрения большинства коренного населения страны.

Т. Саррацин в своей тревоге не одинок. Мысль о том, что встреча с Другим как Чужим по сути своей не может не раздавить, что Чужие могут значительно повлиять на ход современной истории и глобально изменить «лицо» Европы, высказал еще пять лет назад Й. Бухштайнер в книге «Час азиатов. Как вытесняется Европа» (2005). В ней он поэтапно показывает процесс уничтожения Европы за счет большой активности азиатского населения как в самой Европе, так и во всем мире. По его мнению, такие черты, как активность, уверенность, решимость, помогут азиатам захватить Европу, которая не готова к такому исходу событий [20]. Этому же посвящены и монографии Я. Росса «Что останется от нас? Конец господства Запада» [25] и Т. Буро и С. Штамер «Моя Германия — твоя Германия» [21].

Итак, главную характерную черту современной Чужести можно выразить крылатой фразой: «Понаехали тут». И это уже не только отношение коренных жителей российских «столиц» к выходцам из провинции и гастарбайтерам из сопредельных стран СНГ, европейцев к азиатским мигрантам, но и представителей азиатской части Европы к переселенцам. Турецкий исследователь С. Илькан приводит слова одного местного торговца о торговцах — цыганах: «Они заполонили наши улицы» [24]. Так искомая нами горизонтальная мобильность приводит к ломке привычных стереотипов и хаосу. А это уже проблема культурной безопасности. На уровне глобализации проблема Чужого выходит за рамки формирования просто *образа*, Чужой превращается в *концепт*.

Поскольку в российской философской традиции термин концепт закрепляется именно в русле осмысления культуры, то он охватывает гораздо более широкий спектр культурных форм и в рамках постструктуралистского анализа [7] в определенной степени не просто объясняет, а конституирует реальность. Это результат взаимодействия целого ряда факторов, таких, как этнические особенности, специфический менталитет, национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [1, с. 3]. Более того, само понятие культуры определяется как «совокупность концептов и отношений между ними, выра-

жающихся в различных «рядах» (прежде всего в «эволюционных семиотических рядах»), а также в «парадигмах», «стилях», «изоглоссах», «рангах», «константах» и т. д.» [15, с. 38].

Концепт «Чужой», подобно любому другому культурному концепту, формируется как «своего рода бытовое понятие, элемент «наивной», «народной», очень изменчивой картины мира» [16, с. 17], имеющий, в том числе, и очень важный этнический характер. Культурный концепт — это всегда произведение людей определенной этнической культуры, «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. ... концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [15, с. 40].

Таким образом, в структуру концепта входит все, что делает его не просто фактом, а *фактором культуры* [15, с. 40]. «Концепт являет собой выражение этнической специфики мышления, и его вербализация обусловлена лингвокогнитивно этнокультурно маркированной ассоциативной компетенцией носителя концептуальной системы» [17, 144].

В современную эпоху глобального переселения народов Чужой превращается из образа в концепт, из факта — в фактор не только культуры данного этноса, но и всех культур, включенных в орбиту его движения. И феноменологически это концепт не гносеологической, а онтологической парадигмы. Мы рассматриваем Чужого как не своего, принадлежащего к другому этносу, стране, нации, городу и т. д. Это «человек, пришедший из другого мира, среды, культуры, сообщества, способный разрушить наш гомогенный мир, культуру, бытие» [10, 168]. В крайнем варианте — это враг.

Таким образом, внутри этой парадигмы выстраивается довольно сложная структура концепта Чужого. «Внешний Чужой» — пришлый, мигрант, представитель другого этноса. «Внутренний Чужой» — это, во-первых, представитель своего этноса, но Чужой как представитель другой среды или места обитания. И в данном случае это некая промежуточная форма, это условно «внутренне-внешний Чужой, поскольку он внутренний по своей гражданственности, но «внешний как пришлый». Во-вторых, это некая крайняя степень чужести, отчуждение от своей среды и самого себя.

Нас интересует прежде всего внешний по отношению к Я Чужой и два полюса его восприятия, поскольку огромную роль в формировании этого образа играет наше воображение. Один полюс — это явление ксенофобии и формирование образа Чужого как страшного, опасного, угрожающего нашему миру, или как неприятного, недостойного, отталкивающего. Такой образ Чужого, в котором все негативные оттенки формируются на основе этнорелигиозных характеристик, является, по сути, объектом террористических и экстремист-

ских действий. «Восприятие другого как чужого питает агрессию по отношению к другим этносам и нациям» [10, 165].

Другой полюс — это формирование толерантного отношения к Чужому как к Другому, восприятие его как инаковости, но не враждебности, а как способа познания себя в зеркале «Не-Я». Таким образом, на первый план выходит процесс *формирования* образа чужого, поскольку эмпирические исследования показывают, что «источником представлений о национальных особенностях какой-либо этнической группы является не столько опыт реального взаимодействия с ее представителями, сколько собственные фантазии, обывательские стереотипы, тенденциозные сообщения средств массовой информации» [10, 173].

Поэтому в системе восприятия целого мира как Чужбины особое место начинает занимать проблема культурной безопасности, носящая комплексный характер, имеющая как вертикальный историко-культурный вектор, так и горизонтальный — стратегический. Хотя эта проблема становится актуальной в последние десятилетия практически для всего мира и начинает играть особую роль в мультикультурных регионах и мегаполисах, на понятийном и стратегическом уровнях она недостаточно изучена. Столкновение традиционной культуры региона и чужой культуры мигрантов, все расширяющийся разрыв между культурой образованной элиты и профессионалов и культурой улиц и масс-медиа заставляет нас внимательнее отнестись к анализу перспектив будущего культуры не только в форме сохранения культурных ценностей, но и в виде формирования системы толерантного сознания, выводящего на первый план этническую и конфессиональную толерантность.

Концепт Чужого формируется не только в определенной этнической среде, но и в глобальной культурной модели (моно-, мульти- или поликультурной). Культурная модель определяет параметры концепта.

Есть разница в формировании концепта Чужого в мультикультурном и поликультурном регионах. Мультикультурализм — это явление эпохи глобализации, когда нерегулируемые миграционные потоки превратили западные мегаполисы в многокультурные образования в течение довольно короткого времени. В мультикультурном образовании каждый этнос существует обособленно, поддерживая свои традиции с очень четкой гранью между своими и чужими.

С одной стороны, культурная мобильность предполагает культурную ассимиляцию и интеграцию. «Переселяясь в пределах Европы, люди определенной национальной принадлежности меняют постепенно с языком и культурную идентичность, а позднее их дети становятся полностью интегрированными членами сообщества страны, которую они выбрали. Так французы, итальянцы и поляки становятся немцами и наоборот» [23, с. 10] Интеграция и ассимиляция невозможны друг без друга, так как «тот, кто интегрируется, обязательно немного ассимилируется, поскольку нельзя интегрироваться, не ассимилиру-

ясь при этом» [26, 195]. Эта та промежуточная полоса понимания, которая делает возможным восприятие Я моим Я другого. При наличии интенции к адаптации и интеграции со временем Чужой может стать Другим.

Однако специфика мультикультурного общества, в котором соединяются представители кардинально противоположных культурных традиций, таких как христианство и ислам, не способствует процессам интеграции. Мультикультурная политика стран-реципиентов с исторически сложившейся нехристианской культурой направлена на капсулизацию своих бывших граждан в иной конфессиональной среде. Так, премьер-министр Турции Р. Эрдоган добивается продолжительной консервации турецкого меньшинства в Германии, численность которого на данный момент в странах Евросоюза насчитывается около 5 млн, и которые, по замечанию Саррацина, «слушаются Эрдогана, а не руководство страны своего пребывания. Если бы было по-другому, то произошла бы ассимиляция, которую Эрдоган расценивает как преступление против человечества» [26, 196]. Он настаивает на доминанте не только культурных, но и законодательных принципов мигрантской среды над принципами страны-донора внутри своего сообщества. После того как телеканал АРД выпустил в эфир передачу об убийстве в семье турецких мигрантов, Эрдоган разразился филиппикой в адрес цензуры. «Свобода прессы не может быть безграничной. Свобода мнения никогда не может быть безграничной. Свободы распространяются только до границ области других свобод» [26, 196]. И это тут же получило оценку германской стороны. «Турция Эрдогана не подходит Европе в культурном отношении. Страна, которая хвалит своих мигрантов за то, что они не ассимилируются в странах пребывания, является нарушителем спокойствия в мирной совместной жизни» [26, 196]. Если считать, что слова Эрдогана отражают сущностные черты турецкого менталитета, то понятны и неудачи интеграции турецких мигрантов в европейскую культуру. Необходимо учитывать и факт высокой рождаемости в их среде. Со временем это будет угрожать культурной идентичности самих немцев. «Я не признаю того, — пишет Саррацин, — кто живет за счет государства, отвергает это государство, безответственно относится к образованию своих детей и постоянно производит на свет маленьких девочек в платках. К ним относятся 70% турецкого и 90% арабского населения Берлина» [19].

Мерилом готовности к интеграции, по мнению Т. Саррацина, является брачное поведение. Оно управляет ликвидацией параллельных обществ, точнее, предотвращает появление их в большом объеме. В случае с турками ситуация крайне сложная, поскольку «только 3 процента молодых мужчин и 8 процентов молодых женщин турецкого происхождения заключают брак с немецким партнером, в то время как у российских немцев этот показатель достигает 67%» [26, 186]. Мусульманские мигранты, а среди них и турки, интегрируются значительно медленнее, чем мигранты других конфессий, однако и они тоже меня-

ются. Это не является ассимиляцией в чистом виде, но в определенной степени размыванием традиционной идентичности. Если турок вырос в Германии, то в Турции замечают, что он теперь «онемеченный», а не настоящий турок. И это уже проблема тех, кто находится «между», поскольку многие «онемечившиеся» перестают быть «настоящими турками», но и «настоящими немцами» тоже не становятся.

Поликультурное общество предлагает несколько иное восприятие концепта Чужого на уровне представителей тех же базовых конфессий, что и в мультикультурном. Поликультурность, с нашей точки зрения, — это исторически, веками сложившаяся многокультурность, с уже устоявшейся системой толерантных отношений, единственно возможной в процессе совместного выживания. Здесь нет столь резких границ между Своим и Чужим. Примером такого поликультурного общества является Астраханский регион, поскольку он исторически сложился как поликонфессиональный и полиэтнический. Исторически же сформировавшиеся традиции совместного общежития предполагали толерантность и неконфликтность. Отсюда и традиция восприятия чужих этносов, давно проживающих на данной территории как своих, в системе мира в целом. Социологический опрос, проведенный в Астраханском государственном университете в 2010 г., показал, что только 1,5% обозначили как Чужого представителя другой религии и 7,6% — представителя другой национальности. Для большинства чужие — это иностранцы (35,9%) либо представители другой сексуальной ориентации (50,4%).

Однако в последнее время прослеживается нарушение исторически установившегося баланса сил и изменение мировоззрения коренного населения по отношению к мигрантам. Это проявляется в агрессивности, в конфликтности самих мигрантов. Несмотря на принципиальное невосприятие представителя другой этнической группы как чужого, у большинства респондентов есть все же определенный негативизм к представителям ряда этносов. Так, не желают иметь общие дела с представителями кавказских республик 43% респондентов, с евреями — 12, с цыганами — 9%.

Отсюда и первые ростки мигрантофобии, которые в определенной степени провоцируют коренное население на собственную миграцию. Изменяется объем понятия «Чужой», оно становится более сложноструктурированным и многоаспектным. Наличие новых граней этого образа начинает все сильнее влиять на культурную безопасность, все сложнее выявить корреляцию этого образа и нарастания культурных проблем. В силу этого требуется серьезный комплексный подход к изучаемой проблеме.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
3. Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск: Пропилеи, 1999.
4. Васильев А. С. Комплекс «свой — чужие» // Мы и они. Конформизм и образ «другого»: сб. статей на тему ксенофобии. М.: КДУ, 2007.
5. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
6. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука; Ювента, 1998.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. М.: Алетейя, 1998.
8. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.
9. Нысанбаев А. Безопасность Казахстана // Казахстанская правда. 2003. 19 февр.
10. Природа этнорелигиозного терроризма. М.: Аспект-Пресс, 2008.
11. Рикёр П. Я — сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008.
12. Романова А. П. Концепт Чужого в системе толерантных отношений // Каспийский регион. 2009. № 3.
13. Романова А. П., Мармилова В. О. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 2.
14. Романова А. П., Якушенков С. Н. Современный Китай глазами российских ученых (Путевые заметки астраханцев, в первый раз увидевших Китай) // Астраполис. 2005. № 1 (13).
15. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академический проект, 2004.
16. Сусов А. А., Сусов И. П. Размышления о концептах // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. № 726. Серія: Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. 2006. Вип. 49.
17. Фесенко Т. А. Концептуальные системы как контекст употребления и понимания вербальных выражений // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. тр. Рязань: Изд-во РГПУ им. С. А. Есенина, 2000.
18. Флиер А. Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. 1998. № 3.
19. Aussagen von Sarrazin (SPD) sind «dämlich» und «gewalttätig» // Focus. 2010. 25 aug.
20. Buchsteiner J. Die Stunde der Asiaten Wie Europa verdrängt wird. Berlin: Rowohlt Verlag, 2005.
21. Buhrow T., Stamer S. Mein Deutschland — Dein Deutschlan. Berlin: Rowohlt Digitalbuch, 2008.
22. Bundesministerium des Inneren. Statistiken zu Migration und Integration. URL: http://www.bmi.bund.de/cln_174/DE/VeroeffDokumente/Statistiken/MigrationIntegration/statistiken_node.html
23. Eibl-Eibesfeldt A. Der Brand in unserem haus // Süddeutsche Zeitung? 1993. № 105, Mai.
24. Ilcan S. Social space and the micropolitics of differentiation. An example from Northwestern Turkey // Ethnology. 1999. Vol. 38.
25. Roß J. Was bleibt von uns? Das Ende der westlichen Weltherrschaft. Berlin: Rowohlt Verlag, 2008.

26. *Sarrazin T.* Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Verlag: DVA.
27. *Scott F.* Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security // Northern Research Forum. Plenary on Security. Yellowknife, NWT. 2004. September 18.
28. Thilo Sarrazin dominiert auch Weihnachten den Sachbuchmarkt. URL: <http://www.stern.de/news2/aktuell/thilo-sarrazin-dominiert-auch-weihnachten-den-sachbuchmarkt-1635595.html>
29. *Waldenfels B.* Erfahrung des Fremden in Husserls Phnomenologie // Profile der Phnomenologie. Freiburg-München: Verlag Karl Alber, 1989.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЗАВИСТЛИВОСТИ

.....

Т. В. Бескова¹

В статье приводятся результаты эмпирического исследования по выявлению особенности завистливости в зависимости от гендера, возраста и семейного статуса респондентов, полученные с использованием авторских методик: «Представления о зависти и ее самооценка», «Методика исследования завистливости личности». Различия в завистливости в анализируемых группах выявлены лишь по отдельным предметным областям зависти. Совмещение социально-демографических характеристик позволяет выделить группу респондентов (женатых мужчин), зависть у которых с возрастом нивелируется, причем это выражается в уменьшении зависти-неприязни и зависти-уныния.

Ключевые слова: зависть, предметы зависти, отношение, гендер, возраст, семейный статус.

The results of the empiric research in envy peculiarities revealing depending on gender, age and marital status of respondents obtained by means of the author's methods «Envy concepts and envy self-assessment» and «Personality envy research methods» are given in the article. The differences in the envy level of the analyzed groups are exposed only in several envy subject fields that doesn't allow speaking about its considerable manifestation. The combination of socio-demographic characteristics allows distinguishing a group of respondents (married men) whose envy is leveled with the age that is expressed both in decrease of envy-enmity and envy-despondency.

Key words: envy, envy subjects, relation, gender, age, marital status.

Новые социально-экономические условия в значительной степени обострили проблему межличностных отношений субъектов. Перемены, произошедшие в обществе за последние десятилетия, привели к значительному социальному неравенству и расслоению, а образ успеха, понимаемый обычно

¹ Бескова Татьяна Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной психологии и педагогики Института социального образования (филиал) Российского государственного социального университета, Саратов. Эл. почта: tatbeskova@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 10-06-00091а «Социально-психологические детерминанты зависти как характеристики межличностных отношений».

как материальное благополучие, активно тиражируется в средствах информации и становится частью массового сознания. Стремление соответствовать идеалам общества потребления неизбежно активизирует зависть.

Анализ современных философских, социологических и психологических трудов по данной проблематике показал, что до сих пор в научной литературе не существует единого подхода к определению понятия «зависть». В зависимости от позиций исследователей она может трактоваться как «чувство», «состояние», «неприятное, враждебное отношение», «порок», «проявление мотивации достижения», «личностная характеристика» и др. Вместе с тем с явным преимуществом лидируют определения зависти, в которых она интерпретируется как эмоциональное состояние, эмоция, чувство («Зависть — это чувство, возникающее, когда индивид не имеет того, чем обладает другой человек, и страстно желает иметь этот предмет (качество, достижение, успех) либо лишить предмета зависти другого человека» [7, с. 225]). Однако при объяснении этого концепта ведущей категорией должна, на наш взгляд, стать категория «отношение». Еще в концепции отношений личности, выдвинутой А. Ф. Лазурским и разработанной В. Н. Мясищевым, основной акцент делается на том, что именно система отношений определяет характер переживаний личности, особенности восприятия действительности, характер поведенческих реакций на внешние воздействия.

Итак, с позиции рассмотрения зависти как деструктивного по своей сути отношения представляется возможным предложить следующее ее определение: зависть — враждебное отношение к другому человеку, детерминированное его превосходством в значимых сферах, сопровождающееся негативными эмоциями, имеющими двунаправленный характер (на другого и на себя), и проявляющееся в желании лишить его прямо или косвенно этого превосходства.

Несмотря на то что существуют определенные проблемы в методологической проработанности этого понятия, необходимо признать, что в последние годы активизировались усилия социальных психологов в изучении данного феномена, подтверждением чему служат работы В. А. Лабунской, К. Муздыбаева, Е. Е. Соколовой, А. С. Архангельской, У. Лукан, О. Р. Бондаренко. Основное внимание при изучении зависти уделяется выявлению ее внешних детерминант, реже — внутренних. Вместе с тем изучение социально-демографической структуры зависти было проведено лишь одним исследователем — К. Муздыбаевым. В статье «Завистливость личности» [8] он предпринимает попытку определить, какие социальные группы в большей мере предрасположены к завистливости, а какие в меньшей (в зависимости от возраста, пола, социального статуса).

Однако одного исследования для определения социально-демографической структуры зависти, на наш взгляд, явно недостаточно. Кроме того, влияние на завистливость личности социально-демографических характеристик следует рассматривать во всех их совокупности (гендер, возраст, семейный, об-

разовательный и профессиональный статусы, материальный достаток, место проживания (село, город) и др.). В настоящей статье выявляются особенности завистливости в зависимости от гендера, возраста и семейного статуса респондентов.

Исследование проходило в два этапа. На первом этапе был использован авторский опросник «Представления о зависти и ее самооценка» [4, с. 184–188], а именно один из его блоков вопросов, касающихся самооценки завистливости личности (блок III). Вопросы данного блока были направлены на самооценку зависти по пятибалльной шкале и на выявление предметных сфер зависти по 17 показателям. На данном этапе выборка составила 421 чел. На втором этапе применялась сконструированная нами методика исследования завистливости личности (МИЗЛ) [4, с. 177–183], состоящая из двух шкал: «зависть-неприязнь» и «зависть-уныние», главное назначение которых — выявить доминирующие состояния, эмоции и способы поведения субъекта зависти. В данном случае в исследовании участвовали 240 чел. Обработка результатов осуществлялась при помощи корреляционного анализа, биномиального критерия z , t -критерия Стьюдента.

Гендерные особенности завистливости. Следует отметить, что в настоящее время существуют два подхода к тому, как обозначать пол респондентов. В основе первого подхода лежит убеждение, что понятие «пол» необходимо использовать в тех многочисленных случаях, когда не изучаются представления личности о своем поле. Второй подход, поддерживаемый гендерными исследователями, базируется на том, что, обозначая в анкете свой пол, респондент фактически манифестирует некоторый аспект своей гендерной идентичности. Л. Н. Ожигова отмечает, что ««поле», в котором происходит конструирование гендерной идентичности, включает три важнейшие составляющие: индивидуальные свойства человека, социокультурные факторы и собственно личностные особенности человека. Гендерная идентичность — это результат сложного процесса согласования всех факторов. В ходе этого процесса человек решает задачу принятия или выработки способов социокультурной презентации своих индивидуальных/биологических качеств в той манере и форме, которая отвечает его собственным личностным особенностям и смыслам» [9, с. 94]. Вслед за гендерными исследователями мы придерживаемся второго подхода и будем говорить о гендерных различиях при дифференциации взрослой выборки.

В обыденном сознании существует достаточно устойчивый стереотип о большей склонности к зависти женщин, нежели мужчин, что подтверждают и данные нашего предыдущего исследования [4, с. 87–88]. Так, 54,8% респондентов убеждены, что чаще и сильнее завидуют женщины, 38,7% предполагают, что зависть не зависит от пола, и лишь 6,5% респондентов считают, что мужчины более завистливы. При сравнении трех выделенных групп ответов было обнаружено, что их эмпирические частоты статистически значимо

различаются (между первой и второй группами ответов $z = 2,39$, между второй и третьей $z = 6,99$ (различия значимы, $p = 0,01$). То есть завистливость женщин в представлениях респондентов значительно выше мужской. Если же в рассматриваемом исследовании изучались лишь представления о гендерных особенностях склонности к зависти (т.е. производилась *субъективная* оценка), то в работах К. Муздыбаева и Р. Векчио были предприняты попытки сравнения уровня склонности к зависти у мужчин и женщин при помощи оригинальных тестовых методик (т.е. целью было выявление *объективно* существующих гендерных различий в склонности к зависти). Однако результаты, полученные названными авторами, весьма противоречивыми. Так, К. Муздыбаев, применяя разработанную им шкалу диспозиционной завистливости, отрицает наличие подобных различий: «Завистливость скорее всего не зависит от пола респондентов. По крайней мере, не существует надежных данных, чтобы можно было уверенно говорить, кто более завистлив — мужчины или женщины» [8, с. 43–44]. Результаты, полученные эмпирическим путем Р. Векчио на небольшой выборке работающих людей ($n = 111$), напротив, показывают большую склонность к завистливости мужчин, нежели женщин. Он объясняет это тем, что по сравнению с женщинами мужчины больше настроены на соперничество, на занятие определенного положения на работе [12, р. 219].

Итак, на первом этапе проводимого нами исследования выборка состояла из 194 мужчин и 227 женщин. Изначально для определения общей самооценки зависти респондентам предлагалось оценить ее уровень у себя по пятибалльной шкале, минимальное значение которой было обозначено как «никогда никому не завидую» (1), максимальное — «завидую часто и многим» (5). В результате средний балл склонности к зависти у мужчин составил 2,29, а у женщин — 2,35. Иначе говоря, полученные нами результаты указывают на отсутствие статистически значимых различий в склонности к зависти мужчин и женщин ($t = 1,65$). Подобные результаты получены нами и при сравнении уровня зависти, измеренного косвенным способом (среднее арифметическое уровня зависти к различным предметным сферам) ($t = 0,167$).

На втором этапе исследования с использованием теста МИЗЛ получены аналогичные результаты ($n_m = 132$ и $n_{ж} = 108$): по шкале «зависть-неприязнь» $t = 1,080$, по шкале «зависть-уныние» $t = -0,882$, по итоговому показателю завистливости $t = 0,238$ (все коэффициенты больше уровня значимости 0,05).

Таким образом, результаты исследования говорят об отсутствии значимых различий как в общем уровне завистливости мужчин и женщин, так и в завистливости по шкалам «зависть-неприязнь» и «зависть-уныние», что совпадает с выводами К. Муздыбаева и имеет расхождение с субъективной оценкой завистливости (в массовом сознании женщины завистливей мужчин).

Ранжирование средних баллов предметов зависти позволило выявить из них наиболее значимые. Для мужчин ими являются материальный доста-

ток (средний балл — 2,76), карьерный рост (2,69), досуг (2,6), социальный статус (2,59) и профессиональные (учебные) успехи (2,53). Для женщин наиболее распространенные предметы зависти — материальный достаток (2,98), досуг (2,82), внешняя привлекательность (2,75), карьерный рост (2,69) и интеллект (2,64). Иначе говоря, выявляются как инвариантные (типичные для всех), так и вариативные предметы зависти, проявляющиеся в зависимости от гендерной принадлежности. К первым относятся материальный достаток, карьерный рост и досуг; а ко вторым для мужчин — социальный статус и профессиональные (учебные) успехи, а для женщин — внешняя привлекательность и интеллект, т. е. структура предметов зависти у них несколько различается.

Сравнение средних баллов зависти по выделенным семнадцати предметным областям показало, что лишь по трем из них уровень интенсивности зависти женщин статистически значимо превышает уровень зависти к ним мужчин. Этими предметами являются: внешняя привлекательность ($t = 3,787, p < 0,001$), дорогие или модные вещи ($t = 3,347, p < 0,001$) и наличие преданных друзей ($t = 2,217, p < 0,05$). В этой связи отметим, что Д. Басс утверждал: «Мужчины реагируют на внешность женщины, а женщины реагируют на экономические и карьерные достижения мужчин, поскольку эти переменные представляют источники, необходимые для них самих и их потомства» [11]. И внешняя привлекательность и дорогие (модные) вещи образуют внешний имидж женщины, позволяющий ей чувствовать себя на высоте. Что касается большей зависти женщин к наличию преданных друзей, то причиной этого, вероятно, может являться как большее стремление женщин к общению, так и негативные особенности «женской дружбы». Стоит отметить, что мужчины не превосходили женщин по уровню «предметной» зависти ни по одной из выделенных позиций.

Возрастные особенности завистливости. Проведенное нами ранее исследование, направленное на изучение представлений о возрастных особенностях завистливого человека, дало следующие результаты: 7,9% респондентов считают, что уровень зависти не зависит от возрастного периода, остальные же предполагают, что зависть имеет «возраст». Наибольшая группа респондентов как самых завистливых выделяет подростков (28,3%). Далее в порядке уменьшения завистливости следуют юноши (девушки) (19,7%); дети (18,1%); люди среднего возраста (15,3%), и практически одинаковый процент принадлежит людям зрелого (5,4%) и пожилого возраста (5,3%). Следует отметить, что частота выбора подростков как завидующих чаще всего из всех возрастных категорий статистически значимо выше, чем частота выбора следующего по частоте встречаемости возраста (юношей) на статистически значимом уровне ($z = 2,21, p = 0,05$). Очевидно, это связано с тем, что в подростковом возрасте обостряется ряд социальных потребностей (в признании, в идентификации со сверстниками и одновременно в обособлении), возникают переживания, связанные с соотношением себя с другими и т. д. [4, с. 88].

Таблица 1

Взаимосвязь шкал МИЗЛ и возраста испытуемых ($n = 240$)

Шкалы МИЗЛ	Коэффициент корреляции Пирсона		
	Мужчины ($n = 132$)	Женщины ($n = 108$)	Выборка в целом
Зависть-неприязнь	–0,107	–0,086	–0,101
Зависть-уныние	–0,110	0,001	–0,060
МИЗЛ (итоговый показатель)	–0,120	–0,053	–0,091

К. Муздыбаев, анализируя завистливость в разных возрастных группах, выявляет три периода, в которых она достигает максимального значения: 18–24 года, 30–34 года и 55–59 лет. Во всех трех случаях ее рост ученый связывает со сравнительной оценкой собственных достижений на значимом этапе жизненного цикла. В первый период, по мнению исследователя, оценивается образовательная и профессиональная деятельность, ориентированная на преуспевание молодых людей; во второй — реальные жизненные успехи; в третий — жизненные достижения в связи с окончанием трудовой деятельности [8, с. 42–43].

Таким образом, и в этом случае наблюдается расхождение объективных и субъективных оценок.

Предпринятые нами попытки поиска возрастных периодов, отличающихся максимальной завистливостью, не показали результатов, о которых пишет К. Муздыбаев. В разных возрастных интервалах наблюдаются некие колебания завистливости, но различия в ней не являются статистически значимыми. Причем это касается как первого, так и второго этапов исследования, выборка в которых по возрастному критерию была соответственно представлена интервалами от 18 до 55 лет и от 15 до 74 лет, при этом использовали различные методики («Представления о зависти и ее самооценка» и «Методика исследования завистливости личности»).

Так как сравнительный анализ не дал положительных результатов, нами было принято решение далее использовать метод корреляции. Анализ корреляций между возрастом и склонностью к зависти субъекта, позволяет сформулировать следующие выводы:

— общий уровень зависти, измеренный как прямым, так и косвенным способом, не имеет статистически значимых взаимосвязей с возрастом ($r = -0,057$; $r = -0,03$ соответственно);

— показатели, полученные по шкалам «зависть-неприязнь» и «зависть-уныние», также не связаны с возрастом респондентов (табл. 1).

Далее нами анализировались взаимосвязи возраста с завистью к различным предметным сферам (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь возраста испытуемых с завистью к различным предметным сферам
($n = 421$)

Предметные сферы зависти	Коэффициент корреляции Пирсона
Внешняя привлекательность	-0,109*
Здоровье	0,008
Молодость	0,187***
Карьерный рост	-0,148**
Социальный статус	-0,154**
Похвала значимого человека, популярность	-0,106*
Материальный достаток	-0,011
Дорогие или модные вещи	-0,178***
Профессиональные (учебные) успехи	-0,053
Интеллект, способности	0,061
Личностные качества	0,101*
Умение общаться	0,135**
Успех у противоположного пола	-0,114*
Наличие преданных друзей	0,040
Семейное благополучие	0,071
Дети (их наличие или их успехи)	0,033
Досуг	-0,049

Примечание: в этой и последующих таблицах использованы следующие обозначения:
* — уровень значимости 0,05, ** — уровень значимости 0,01, *** — уровень значимости 0,001.

Итак, анализ корреляций возраста испытуемых с завистью к выделенным предметным сферам позволил нам дифференцировать названные сферы на три группы.

Первая, самая многочисленная группа предметов зависти представлена сферами, не коррелирующими с возрастом, т. е. зависть к ним не зависит от возрастных параметров субъекта. Это здоровье, материальный достаток, профессиональные (учебные) успехи, интеллект, наличие преданных друзей, семейное благополучие, дети (их наличие или их успехи), досуг. При рассмотрении перечисленных предметов зависти не представляется возможным сформулировать однозначный вывод. Здесь возможны варианты: зависть к выделенным предметам либо всегда незначительна, либо, напротив, велика во все анализируемые возрастные периоды.

Во *вторую группу* входят предметные области, зависть к которым с возрастом увеличивается. К ним относятся молодость, личностные качества, умение общаться.

Что касается молодости, то ностальгия по ней является вполне естественной. Однако ностальгия не означает зависть. Зависть к молодости проявляется прежде всего в неприязни к ней и даже в некоторой враждебности. Подтверждение тому меткое высказывание Дж. Галифакса: «Ядовитые замечания, которые старики отпускают в адрес молодых, — это попытка старости расквитаться с молодостью» [5], а также расхожие в обыденной жизни выражения: «Молодой еще мне указывать», «Мне бы ваши годы, я бы на этом месте не задержался» и др.

Личностные особенности и умение общаться как предметы зависти, положительно коррелирующие с возрастом, на наш взгляд, связаны с переоценкой человеком своего бытия, когда на второй план отступают меркантильные потребности, а на первый выходит нечто более значимое, а именно те характеристики, которые и делают человека человеком. Е. П. Ильин подчеркивает, что зависть возникает не просто к тому, кто располагает тем, чего нет у завидующего. Она возникает только по поводу того, к чему у человека имеется пристальный интерес, что им высоко *ценится* и в чем у него имеется потребность [6, с. 318–322]. Вероятно, с возрастом человек не столько завидует внешним и статусным характеристикам другого, сколько испытывает невыносимое неприятие его «хороших» личностных качеств. Эта тенденция отражается и в обыденной речи человека: «Строит из себя альтруиста, а на самом деле...», «Знаю я его — щедрым только прикидывается, а на самом деле снега зимой не выпросишь» и др.

Третью группу образуют предметы, зависть к которым, напротив, с возрастом уменьшается: внешняя привлекательность, карьерный рост, социальный статус, похвала значимого человека, популярность, дорогие или модные вещи, успех у противоположного пола. Данные предметы не требуют дополнительного пояснения, а еще раз подтверждают правильность наших выводов по поводу переоценки с возрастом ценностей, что влечет за собой и смену предметов зависти.

Стоит отметить, что взаимосвязи возраста с завистью к определенным предметам очень близки у женщин и мужчин. Разница лишь в большем числе статусных характеристик у мужчин, зависть к которым с возрастом нивелируется.

Таким образом, зависть с возрастом не ослабевает, а меняет лишь свои предметы. Перефразировав известную фразу, можно сказать: «Зависти все возрасты покорны». Факт отсутствия связи общего уровня завистливости и возраста, подтвержденный эмпирически, явно не согласуется с многочисленными публикациями, которыми перенасыщена популярная литература: «В 20 лет завистников — 75%, а в 60 — уже только 33%», «Уровень зависти у людей снижается, начиная с 60 лет», «Склонность к зависти снижается только с возрастом.

Согласно статистике, до 30 лет завидуют трое их четырех, после 60 — только один из трех» и др.

Особенности завистливости в зависимости от семейного статуса. Сравнение замужних и незамужних женщин, а также женатых и неженатых мужчин показало, что различия, как в общей оценке зависти, так и по шкалам МИЗА, отсутствуют.

Выявив основные предметные сферы зависти в каждой группе (как инвариантные, так и вариативные), отметим, что значимым предметом зависти, не зависящим от семейного статуса и гендера, является материальный достаток. Кроме того, если у женщин независимо от их семейного статуса общими являются два предмета зависти (внешняя привлекательность и досуг), то у мужчин — один (карьерный рост). Иначе говоря, при вступлении в брак предметные области зависти более претерпевают изменения у мужчин, нежели у женщин.

Далее нами были выявлены отдельные статистически значимые различия в зависти к отдельным предметным сферам у мужчин и женщин с разным семейным статусом. Так, замужние женщины более завидуют умению общаться ($t = 2,145, p < 0,05$), а незамужние — успеху у противоположного пола ($t = 2,178, p < 0,05$). Неженатые мужчины более проявляют зависть к социальному статусу ($t = 3,055, p < 0,01$), дорогим и модным вещам ($t = 3,027, p < 0,01$) и проведению досуга ($t = 1,976, p < 0,05$). Уровень зависти женатых мужчин не превосходит уровень неженатых ни по одной предметной сфере. Таким образом, между группами с разным семейным статусом выявлены лишь минимальные различия в склонности к зависти (как, впрочем, и по другим анализируемым параметрам).

Однако совмещение трех рассматриваемых нами социально-демографических характеристик в их связи с завистью позволило нам взглянуть на предмет исследования несколько под другим, весьма неожиданным на первый взгляд углом зрения. Нами были обнаружены статистически значимые взаимосвязи между возрастом и завистливостью в зависимости от гендера респондентов и их семейным статусом (табл. 3).

Аналогичные данные получены и при использовании опросника «Представления о зависти и ее самооценка» для измерения зависти как прямым, так и косвенным способом (табл. 4).

Таким образом, совмещение социально-демографических параметров, а именно гендера, возраста и семейного статуса, и соотношение их с характеристиками зависти, позволяет нам сформулировать следующий вывод: у мужчин, состоящих в супружеских отношениях, с возрастом уменьшается завистливость и уровень зависти ко многим предметным сферам. Ни в одной из других групп такой зависимости не наблюдается.

Таблица 3

Взаимосвязь между возрастом и завистливостью (МИЗЛ) в группах с различным семейным статусом

Характеристики выборки	Зависть- неприязнь	Зависть- уныние	Итоговый по- казатель
Мужчины			
Общая выборка ($n = 132$) [15–74 года]	–0,107	–0,110	–0,120
Женатые ($n = 45$) [19–60 лет]	–0,334*	–0,383**	–0,376*
Неженатые ($n = 75$) [15–35 лет]	–0,100	0,015	–0,053
Разведенные и вдовцы ($n = 12$) [26–74 года]	0,326	–0,153	0,177
Женщины			
Общая выборка ($n = 108$) [15–57 лет]	–0,086	0,001	–0,053
Замужние ($n = 53$) [17–50 лет]	–0,056	–0,256	–0,152
Незамужние ($n = 41$) [15–37 лет]	–0,105	–0,062	–0,091
Разведенные и вдовы ($n = 14$) [21–57 лет]	–0,033	0,128	0,052

Несмотря на пересекающиеся возрастные интервалы в группах с разным семейным статусом, все же изначально мы не исключали возможность того, что значимые корреляционные связи возраста с завистливостью в выборке мужчин, состоящих в браке, могут быть обусловлены исключительно возрастными особенностями, т. е. допускали вероятность существования у мужчин некой возрастной точки «перегиба», после которой у них, независимо от семейного статуса, снижается зависть к другим. Однако поиск такого возрастного периода не увенчался успехом, несмотря на многочисленные попытки, которые состояли как в сравнении средних показателей завистливости в разновозрастных группах (причем критерии их дифференциации были весьма разнообразны: от возрастного интервала в 5 лет до 10 и 15), так и в анализе корреляций возраста и завистливости в указанных группах.

Отсутствие искомой возрастной точки, а также детальный анализ корреляций в различных по гендеру и семейному статусу выборках убедительно показывают, что отрицательная взаимосвязь возраста с завистливостью детерминирована именно семейным положением мужчины. В связи с этим возникает ряд вопросов: «Почему именно у женатых мужчин, а не у мужчин с другим семейным статусом с возрастом зависть нивелируется?», «Почему у женщин, находящихся в браке, такая закономерность не наблюдается?».

Первый вопрос подразумевает анализ изменений в структуре личностных качеств мужчины в процессе семейной жизни. Исходя из результатов эмпирического исследования в рамках данной проблематики, Т. В. Андреева делает вывод о том, что женатым мужчинам более свойственны оптимизм, реалистичность, тревожность, а менее — фрустрированность, вальяжность и рас-

Таблица 4

Взаимосвязь между возрастом и уровнем зависти в группах с различным семейным статусом

Характеристики выборки	Самооценка зависти	Косвенная оценка зависти	Количество предметов зависти, взаимосвязанных с возрастом
Мужчины			
Общая выборка ($n = 194$) [17–55 лет]	–0,139	–0,098	4/1
Женатые ($n = 69$) [21–55 лет]	–0,288*	–0,281*	7/0
Неженатые ($n = 113$) [17–34 лет]	0,172	0,098	0/2
Разведенные и вдовцы ($n = 12$) [19–55 лет]	–0,363	0,183	0/0
Женщины			
Общая выборка ($n = 227$) [17–55 лет]	0,023	0,028	3/2
Замужние ($n = 116$) [21–51 лет]	–0,082	–0,068	2/0
Незамужние ($n = 78$) [17–35 лет]	0,076	–0,102	3/0
Разведенные и вдовы ($n = 33$) [22–55 лет]	0,048	0,273	0/3

слабленность [1, с. 390–392]. Неженатые мужчины реже берут на себя ответственность, у них присутствует некий элемент социальной незрелости. На наш взгляд, с возрастом динамика этих характеристик лишь усиливается. Данное предположение подтверждает тот факт, что мужчины, состоящие в браке, как правило, более успешны в профессиональной сфере и достигают больших вершин, о чем свидетельствуют многочисленные примеры известных политиков, дипломатов, бизнесменов и т.д. Все перечисленное, а также учет одних из условий возникновения зависти — фрустрации потребностей в значимых сферах и в большей степени фрустрации потребности в позитивном самоосуществлении — объясняют причины снижения зависти в процессе семейной жизни у мужчин.

Второй вопрос, с нашей точки зрения, наиболее сложен и прежде всего предполагает поиск ответа по двум основным направлениям: а) анализ гендерных особенностей зависти во всей совокупности ее взаимосвязей с личностными и субъектными характеристиками человека; б) анализ особенностей реализации потребности в самоосуществлении в браке в зависимости от гендерной принадлежности человека.

Прежде было установлено, что у мужчин самоотношение не имеет статистически значимых связей с уровнем их зависти; у женщин, напротив, наблюдается отрицательная взаимосвязь уровня зависти с когнитивной составляющей позитивного самоотношения (положительным результатом сопоставления себя с другими), а также прямая связь с эмоциональной составляющей

негативного самоотношения (отрицательным результатом сравнения себя «реального» с теми требованиями, которые человек предъявляет самому себе) [2, с. 25]. Таким образом, зависть у мужчин может быть представлена упрощенной схемой: «увидел — позавидовал — забыл» (ситуативная зависть), тогда как женская зависть, негативно сказывающаяся на отношении к себе, вполне может перерасти из ситуативной в навязчивую. Иначе говоря, долговременная и глобальная социальная установка женщины по отношению к другим из частного отношения «зависть» может трансформироваться в долговременную мотивационно-характерологическую личностную черту — завистливость.

Также доказано, что у мужчин зависть возникает при рассогласовании ценностей, а у женщин это условие никак не влияет на уровень их зависти [3, с. 217]. Иными словами, зависть у мужчин возникает при фрустрации потребностей в определенных сферах («хочу, но не имею»). У женщин зависть может проявляться и в других ситуациях: «Имею, но хочу иметь больше» или «Не надо, но все равно хочу».

Кроме того, по мнению А. Р. Тиводар, в условиях социокультурного транзита современного общества, сопровождающегося гендерными трансформациями, женщина и мужчина по-разному позиционированы как субъекты брачного события, им свойственны различия в ориентированности на предпочитаемые виды активности в брачных отношениях. Изменившаяся позиция женщины в обществе приводит к тому, что она изначально рассматривает брак как способ самоосуществления посредством него. Так, женщины, вступая в брак, ориентированы на «проект» с неспецифическими ценностями, который не реализуется, но и не подвергается пересмотру [10, с. 30]. С возрастом у семейных женщин вновь появляются условия для самореализации в значимых для нее сферах (семейный быт налажен, дети выросли), что приводит к переориентации их ценностей: с семьи на профессиональную деятельность и общение. По мнению того же автора, у мужчин в «проекте» брачного события происходит лишь частичная переориентация ценностей и можно говорить об адекватизации «проекта» в соответствии с изменившимися в процессе ддящегося события обстоятельствами.

Изложенные результаты исследований вполне объясняют наличие отрицательной взаимосвязи завистливости с возрастом у мужчин, состоящих в браке, и отсутствие таковой у женщин.

Таким образом, по результатам проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы:

— различия в завистливости личности по гендерному, возрастному признаку, а также в зависимости от семейного статуса выявлены лишь по отдельным предметным областям зависти, что не позволяет говорить о большей или меньшей её выраженности в анализируемых группах;

— совмещение названных социально-демографических параметров дает основание утверждать, что лишь среди женатых мужчин зависть с возрастом нивелируется, причем это выражается как в уменьшении зависти-неприязни, сопровождающейся озлобленностью, гневом, раздражением, направленными на того, кто добился большего, так и зависти-уныния, субъект которой переживает несколько иной спектр чувств: обиду, досаду, грусть, уныние, отчаяние.

Кроме того, в рассматриваемой выборке возраст отрицательно коррелирует и с самооценкой уровня зависти, и с завистью ко многим предметным сферам.

Библиографический список

1. Андреева Т. В. Психология современной семьи: монография. СПб.: Речь, 2005.
2. Бескова Т. В. Гендерные особенности взаимосвязи отношений к себе и другим (в аспекте проблемы зависти) // Международный научный альманах/под ред. М. В. Воронцовой, А. А. Калюжного. Таганрог; Актюбинск: Изд-во Ступина, 2010. Вып. 8.
3. Бескова Т. В. Гендерные особенности взаимосвязи ценностных ориентаций личности и ее склонности к зависти // Личность и бытие: субъектный подход: материалы V Всерос. науч.-практ. конф./под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.
4. Бескова Т. В. Социальная психология зависти. Саратов: ООО «ИЦ «Наука»», 2010.
5. Галифакс Дж. С. Мир афоризмов. URL: <http://www.miraforizmov.ru/aforizm.php?f=12-3&i=223>
6. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб. Питер, 2001.
7. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погорьша В. М. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2003.
8. Муздыбаев К. Завистливость личности // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 6.
9. Ожигова Л. Н. Смысловые механизмы гендерной и профессиональной реализации личности в полиэтнической среде: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009.
10. Тиводар А. Р. Личность как субъект со-бытия в брачных отношениях: автореф. дис.... д-ра психол. наук. Краснодар, 2008.
11. Buss D. M. Love acts: The evolutionary biology of love // R. J. Stenberg & M. L. Barnes (Kbs.) The psychology of love. New Haven, CT: Yale University Press, 1988.
12. Vecchio R. P. It's not Easy Being Green: Jealousy and Envy in the Workplace // Research in Personnel and Human Resources Management. 1995. Vol. 13.

ПРОБЛЕМА ОБЩЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ И В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПСИХОЛОГОВ КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

.....

Г. Г. Танасов ¹

Проведен краткий обзор защищенных в России докторских диссертаций по проблеме общения. Проанализировано изменение подходов к изучению общения в отечественной науке. Сделан обзор научных работ, ученых КубГУ по тематике, затрагивающей феномены общения.

Ключевые слова: общение, субъектно-бытийный подход, личность, переговоры.

A review of doctoral dissertations on problems of communication that were created in Russia is made. Change of approaches to communication researching in a national science is analyzed. Made a review of the scientific works of scientists of KubSU concerning the phenomenon in communication.

Key words: communication, phenomenon, subject-being approach, personality, negotiations.

В психологической науке проблематике общения принадлежит существенное место. Понятие «общение» по праву относится к базовым категориям психологии. И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев, А.Ф. Лазурский, В.Н. Мясищев, Л.С. Выготский, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов и многие другие выдающиеся деятели отечественной науки внесли свой вклад в теоретическое осмысление этого многогранного феномена. «Сущностный статус этого феномена в бытии человека предопределяет неистощимый интерес к познанию его закономерностей, а изменчивость, многоликость возможных проявлений, влияний, оказываемых общением на становление личности, изменение его характеристик с течением исторического времени объясняют невозможность достижения какого-либо окончательного знания об этом феномене» [23, с. 45]. Характеризуя современное состояние знания об общении в психологии, а также особенную направленность его исследования, А. А. Бодалев утверждает следующее: «В настоящее время стремление ученых ко все более разностороннему изучению

¹ Танасов Георгий Георгиевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета, докторант. Эл. адрес: Lyoha@econ.kubsu.ru

макрофеномена общения нарастает, поскольку общение имеет такое же значение в бытии и развитии и отдельного человека, и больших общностей людей, вплоть до всего человечества, как труд и познание действительности во всех ее формах» [4, с. 3].

Одним из показателей внимания психологической науки к проблемам общения служит количество защищенных докторских диссертаций, посвященных этой предметной области. Конечно, развитие научных воззрений и достижения научной психологической мысли не исчерпываются тем, что связано с содержанием докторских исследований, но, понимая относительность этого критерия, полагаем возможным и целесообразным обратиться к нему, поскольку докторская диссертация предполагает утверждение и официальное признание значимости сложившегося в научном рассуждении автора диссертации теоретико-методологического тренда, в рамках которого оформляется категориально-понятийный аппарат (т.е. определенные феномены, явления, закономерности, получив название, становятся достоянием научного знания), расширяется и уточняется представление о феноменологии и закономерностях.

Сложность рассмотрения докторских диссертаций с целью выделения среди них тех, которые связаны с проблематикой общения, заключается в *полипредметности масштабных исследований*. Иногда бывает трудно абстрагироваться от смежных проблем, которые охватывает докторское исследование, и однозначно категоризировать его как обращенное к проблемам общения.

Тем не менее мы осуществили такой анализ на основании существующих справочников [1] и официального сайта ВАК. С 1935 по 1965 г. отечественными учеными были защищены 72 докторские диссертации, заложившие основу отечественной психологии советского периода. Среди авторов этих работ — С. А. Рубинштейн, А. Р. Лурия, Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев и др. Работ, посвященных собственно проблемам общения как актуального отношения между взаимодействующими субъектами, в этом ряду нет, но активно исследуется область проблем, связанных с речью (Н. И. Жинкин, Б. В. Беляев, Ф. Ф. Рау, В. М. Коган и др.), особенностями ее становления и факторами, обуславливающими затруднения в этом процессе (глухота и иные нарушения).

Первой докторской работой, в фокусе внимания которой находились собственно проблемы общения, является диссертация А. А. Бодалева «Восприятие и понимание человека человеком», защищенная в 1965 г. Ее по праву можно считать пионерской в отечественной психологии.

С 1965 по 1973 г. защищено 95 докторских диссертаций, но среди них нет исследований, специализированных в области проблем общения. И только в 1973 г. И. А. Зимняя защищает диссертацию на тему «Психология слушания и говорения».

Статистика по защищенным докторским диссертациям с 1974 по 2010 г.

Год	Общее кол-во дисс-ий	Диссертации по проблемам общения		Исследование социально-психологических феноменов, связанных с общением
		кол-во	%	
1974	16	4	25	
1975	13	—	—	
1976	5	—	—	
1977	11	1	9	
1978	9	—	—	
1979	7	2	29	
1980	10	1	10	
1981	7	—	—	
1982	16	2	12,5	
1983	9	1	11	
1984	16	—	—	
1985	21	2	9,5	Руководство и лидерство, тренинг
1986	12	1	8	
1987	13	1	8	
1988	27	1	4	
1989	29	4	14	
1990	16	1	6	
1991	28	2	7	
1992	24	2	8	
1993	15	3	20	
1994	33	3	9	
1995	26	4	15	Эмпатия
1996	31	3	10	Конфликт
1997	32	2	6	Управление
1998	36	3	8	Управление, доверие
1999	56	2	3,5	Управление
2000	45	8	18	
2001	45	2	4	
2002	60	5	8	Лидерство, конфликт, тренинг
2003	35	2	6	Имидж
2004	54	4	7	Гендерные отношения
2005	43	4	9	
2006	48	1	3	Доверие
2007	24	2	8	Имидж, репутация в коммуникации
2008	18	4	20	Имидж, со-бытие
2009	48	—	—	
2010	42	2	3	Имидж

Далее работы, связанные с проблематикой общения, его отдельных аспектов и феноменов, защищаются почти каждый год. В таблице приводятся статистические данные о подобного рода работах по отношению к общему количеству докторских диссертаций.

Рассмотрение динамики относительного и абсолютного количества защищенных диссертаций по проблемам общения позволяет обнаружить интерес к данной области психологии в определенные годы (1974, 1979, 1989, 1993, 2000, 2008 гг.). Особенно отметим 2000 г., когда прошла защита 8 диссертационных работ по темам, связанным с общением.

Анализ обнаруживает отсутствие понятийного единства. Авторы включают в названия своих тем помимо общения такие понятия, как «отношение», «взаимодействие», «взаимоотношение», «контакты между людьми», «коммуникация». Эти понятия близки, но не тождественны, каждое из них имеет свою специфику, акцентирует, нечто особенное в многогранной феноменологии общения.

Первоначально (1974–1984 гг.) исследователи обращены к самым общим проблемам общения и темы исследований формулируются соответствующим образом: «Психология речевого общения» — (А. А. Леонтьев), «Межличностное понимание и его роль в общении» (С. В. Кондратьева), «Психология межличностного взаимодействия» (Н. Н. Обозов), «Общение как предмет социально-психологических исследований» (В. Н. Панферов) и др.

В названия диссертаций также выносятся явления, непосредственно связанные с ситуациями общения, но при этом названия не включают понятие «общение» или близкие ему понятия (например, диссертация Н. В. Крогиуса «Познание людьми друг друга в конфликтной деятельности»). Предметом исследования выступают возникающие, оформляющиеся, проявляющиеся в общении психологические процессы и феномены: межличностное познание, руководство, лидерство, коммуникативная компетентность, диалог, эмпатия, конфликт, доверие, имидж и др. Эта особенность в обозначении предмета исследования проявилась в названии докторской работы Р. А. Кричевского «Психологические основы руководства и лидерства в первичном коллективе» (1985 г.), и в последующие годы данная тенденция упрочилась. То есть с 1985 г. проблематика исследований общения в большей степени, чем ранее, связана с отдельными социально-психологическими феноменами: руководство и лидерство (Р. А. Кричевский, Ю. В. Синягин и др.), эмпатия (И. М. Юсупов), конфликт (Б. И. Хасан, Н. И. Леонов и др.), имидж (Е. Б. Перелыгина), доверие (Т. П. Скрипкина, И. В. Антоненко) и пр. В связи с этим в приведенной таблице эти феномены, подвергнутые анализу в диссертационных исследованиях, выделены в отдельную колонку.

Необходимость исследования указанных феноменов общения обусловлена более очевидной востребованностью, практической значимостью этих изыска-

ний (проблема манипуляции; проблема лжи и доверия в отношениях человека с человеком; проблема «прочтения» внутреннего мира личности, ее намерений посредством анализа экспрессии и т. д.).

Но интерес к частным феноменам одновременно отражает состояние современного знания об общении. Это знание можно охарактеризовать как «ло-скутное», пофрагментное, атомистичное, что в целом соответствует состоянию современного научного знания, ориентированного на расчленение человека. Рефлексия этой методологической проблемы и направленность на ее преодоление привели к оформлению холистических идей, прослеживающихся в мировоззрении многих зарубежных психологов и именитых отечественных авторов. Завершая свою книгу, А.Н. Леонтьев писал о необходимости вернуть целостного человека в психологию [11], отойти от атомизации, вернуться к целостному человеку как предмету психологического исследования, анализа и интерпретации, образно говоря, от психики человека к человеку с психикой. В.В. Знаков отмечает связь обострившегося, усилившегося интереса отечественных психологов к проблематике общения именно в связи с рассмотрением фундаментальной проблемы психологии личности — поиск и обоснование фактора, обуславливающего возможность представления ее структуры как целостности. Принцип целостности в отечественной интерпретации личности (Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев и др.), противопоставленный атомизму функционального подхода, обрел поддержку в осмыслении роли общения в становлении личностного в человеке. В связи с этим В.В. Знаков пишет, что уже в 1970-е гг. проявилась тенденция к подчеркиванию диалогической природы личности, принципиальной незавершенности ее структуры. Эта тенденция отражает стремление психологов изучать личность как динамическую систему, постоянно находящуюся в процессе развития, одним из важнейших источников которого является общение» [10, с. 127].

С 1991 г. по настоящее время выполнено и защищено несколько исследований, в которых предприняты попытки представить общение в контексте более общих проблем личности: «Психология управления общением личности» (Н.Д. Творогова), «Психология коммуникативного развития человека как личности» (В.И. Кабрин), «Продуктивный конфликт как механизм развития личности» (Б.И. Хасан), «Патология общения и личность» (Ж.М. Глозман). Эта тенденция отразила сложившуюся в отечественной науке ситуацию с психологией общения. В 1990 гг. были переведены на русский язык известные учебники К. Холла и Г. Линдсея, Л. Хьелла и Д. Зиглера «Теории личности» [29; 31], а также отдельные работы многих известных западных персологов. Изданы монографии, сборники научных статей, новые учебники, хрестоматии по проблеме личности, написанные известными отечественными психологами [12; 17; 18; 20; 24; 27 и др.]. Привычной стала тема личностно ориентированного подхода в образовании, в профессиональном становлении и других областях

социальной практики [3; 32 и др.]. В. А. Петровский констатировал проявившуюся тенденцию выделения психологии личности «в самостоятельную область, не сливающуюся с общепсихологическими, социально-психологическими, дифференциально-психологическими и педагогическими разработками» [17, с. 126].

Особым аспектом, отразившим специфику теоретико-методологических достижений отечественной психологии, является тема связи, отношения общения и деятельности. С одной стороны, деятельность может возникать, развиваться, трансформироваться, обретать значение и смысл только в отношениях одного человека с другим (с другими). С другой стороны, общение, отношение с другим человеком возникают во *взаимодействии субъектов* и определяются характером этого взаимодействия. Б. Ф. Ломов писал: «Общение между индивидами является необходимым условием формирования совокупного субъекта... деятельности» [13, с. 255].

В отечественной психологии оформление деятельностной концепции личности обусловило большую глубину и большую проработанность концепта «деятельность» и вызвало многочисленные дискуссии о соотношении понятий «деятельность» и «общение», в результате которых сформировались различные по содержанию утверждения о характере названного отношения. Одно безусловно: категории «общение» и «деятельность» являются ключевыми для российской психологии. «Нет деятельности без общения и нет общения без деятельности», — утверждал А. В. Брушлинский [6, с. 101].

Оценивая «роль» этих категорий в психологической науке своего исторического времени, Б. Ф. Ломов писал: «Пока категория общения по охвату изучаемого психологии круга явлений уступает категории деятельность. Но этот круг с развитием исследований все более расширяется» [13, с. 256]. Данное суждение о перспективах и сегодня продолжает оставаться актуальным, с одной стороны, это свидетельствует о том, что «сущностный статус этого феномена в бытии человека предопределяет неистощимый интерес к познанию его закономерностей» [23, с. 45], с другой — обнаруживает отсутствие такого научного, теоретико-методологического осмысления этого феномена, которое не только декларативно утвердило бы его статус как методологического принципа, но и дало бы механизм научного анализа, инструмент и подняло бы этот принцип до уровня принципа деятельности в психологии.

Поддерживающие это суждение высказывания формулируются многими авторами. Л. И. Анцыферова, рассматривая основные методологические принципы, которых придерживаются в своих исследованиях отечественные психологи, отмечала: «В качестве *нового* принципа исследования личности и ее развития... выдвигается принцип общения» [2, с. 12]. Основания для подобного вывода представлены в фундаментальном труде коллектива авторов под руководством Б. Ф. Ломова [14], а также в его монографии [13]. В названных работах

представлен развернутый теоретико-методологический анализ рассмотрения проблематики общения в психологической науке.

В. В. Знаков подчеркивает, что методологическая ситуация в психологической науке обусловила то, что «с периферии в центр психологического анализа переместилась проблема общения, а особенности общения стали одним из важнейших фокусов психологического знания. Из специфического объекта, предмета исследования (в социальной психологии) общение превратилось одновременно и в способ, *принципы* изучения вначале познавательных процессов, а затем и личности человека в целом» [10, с. 123].

Проблема общения в исследованиях психологов Кубанского государственного университета

Научные исследования по проблемам общения и межличностного познания в КубГУ начались в 1971 г., когда под общим руководством А. А. Бодалева была организована лаборатория по социальной перцепции. Через три года лаборатория была реорганизована в кафедру психологии, которую возглавил О. Г. Кукосян. Общекафедральной темой научных исследований стала психология познания людьми друг друга. В 1970–1980-е гг. велись диссертационные исследования, был опубликован тематический межвузовский сборник научных статей, проведены две всесоюзные конференции по теоретическим и прикладным проблемам психологии познания людьми друг друга [8; 26]. Это было первой попыткой в нашей стране в целом оценить состояние дел в области изучения психологических процессов, состояний и свойств человека, когда он, взаимодействуя с другими людьми, выступает в роли объекта и субъекта познания.

По итогам проводимых О. Г. Кукосяном исследований была издана монография «Профессия и познание людей». Под общим руководством А. А. Бодалева изучались особенности отражения субъектом качеств личности другого человека (А. А. Горбатов), межличностного взаимопонимания во временном спортивном коллективе (А. А. Баштинский) и др.

В последующих исследованиях проблем общения психологам Кубанского университета был свойственен акцент на личности как субъекте отношений с другим человеком. В докторской диссертации А. А. Лузакова личность рассмотрена как субъект категоризации в межличностном познании [15]. Автором разработана когнитивно-мотивационная концепция субъективной категоризации, раскрыт характер взаимодействия когнитивных и ценностно-мотивационных структур.

В продолжение идей, заложенных трудами Б. Г. Ананьева, А. А. Бодалева, Б. Ф. Ломова, С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой-Славской и других выдающихся отечественных психологов, в КубГУ сложился *субъектно-бытийный подход к личности* (Рябикина З. И., Фоменко Г. Ю.,

Ожигова Л. Н. и др.), реализованный в изучении различных аспектов *общения как со-бытия*.

В субъектно-бытийном подходе подчеркивается направленность человека на переустройство пространств своего бытия в соответствии со *структурой сложившихся личностных смыслов*, т. е. на преобразование реальности внешнего мира (и внутреннего мира другого человека) таким образом, что он становится следствием объективирования субъективного и продолжением личности, следствием ее экспансии.

Анализируя процессы функционирования личности, особенности ее саморегуляции с позиции субъектно-бытийного подхода, исследователи изучают, как человек опредмечивает замысел (объективирует смысл), как он создает реальность своего бытия и как он сам изменяется в этом процессе объективации, сталкиваясь с сопротивлением бытия других людей (бытие всегда есть *со-бытие*), воплощающих иные смыслы, создающих личное бытие в пространстве тех же предметов и событий, в то же время, что и он. Таким образом, как подчеркивает З. И. Рябикина, при анализе личности, создающей реальность своего бытия, перед ученым стояла задача увидеть и понять проблемы — принципиальной важности, возникающие в связи с *сопротивлением бытия других людей* [19; 21; 22]. Но бытие другого человека может также быть и *поддерживающим ресурсом* для личности. О *со-бытийности* можно говорить, когда бытийные пространства двух и более человек характеризуются *структурно-смысловой общностью*. В идеале со-бытийность предполагает: а) единый образ мира (структурированную совместно предметно-пространственную среду, время и прочие пространства со-бытия); б) сходство поведенческих паттернов, сложившихся способов распредмечивания реальности; в) достижение телесной (организмической) синтонности партнеров, единства или сходства их мотивационно-потребностных состояний [23].

Субъектно-бытийный подход к личности позволил по-новому рассмотреть и дефинировать феноменологию общения в бытийном поле супружеских отношений, по-новому интерпретировать практики супружеской жизни. Наглядно, выпукло и очевидно это проявляется в конкурирующих, избегающих или поддерживающих отношениях, складывающихся между живущими вместе субъектами, реализующими свою субъектность в организации предметно-пространственной среды квартиры (дома). Со-бытийность строится в непрерывном *диалоге* субъектов. В исследованиях супружеского со-бытия интерсубъектность партнеров может рассматриваться как реализованная не только в вербальном диалоге, но и в предметном пространстве квартиры.

Исследования А. Р. Тиводар показали, что субъектная позиция личности в браке обусловлена ее потребностью в достижении приватности в жилище [28]. Вступив в брак, человек переструктурирует границы своего личного поля в связи с новой конфигурацией отношений как с брачным партнером, так

и с другими членами семьи. Каждый из партнеров очерчивает границы своего частного пространства (организуется предметно-пространственная среда квартиры, строится и согласуется временной распорядок жизни, выстраиваются приоритеты в отношениях с внешними Другими и т. д.) и пространства своей сформировавшейся молодой семьи. Разделенность среды и выделение в ней частного пространства позволяют личности, с одной стороны, реализовать свою субъектность, а с другой — стать средством для балансирования ее потребностей в совместности и автономности. В отношении личности с предметной средой жилища прослеживается ее субъектно-интерпретационная претворенность (формирующийся «образ дома») и субъектно-деятельностная претворенность (изменение внешних признаков жилища).

В диссертационной работе О.В. Бондаревой выделены три уровня эгоизма, обуславливающие качественно различные типы организации субъектом события в браке [5]. Высокий уровень эгоизма личности обуславливает ее недостаточное эмоциональное самораскрытие в близких отношениях и непринятие самораскрытия другого человека, преобладание соперничества в конфликтных ситуациях и, как следствие, низкую удовлетворенность брачной жизнью. Средний уровень эгоизма личности связан с высоким уровнем суверенности её психологического пространства, средними показателями эмоционального самораскрытия и компромиссным решением конфликтных ситуаций, что в целом обуславливает высокую удовлетворенность супругов своей брачной жизнью. Низкий уровень эгоизма связан с низким уровнем суверенности психологического пространства личности, *чрезмерным* эмоциональным самораскрытием и ориентацией на сотрудничество при решении конфликтных ситуаций, что обуславливает средний уровень удовлетворенности брачной жизнью.

В качестве особого случая, проанализированного в исследовании Д.А. Панова, предстает ситуация со-бытия в обстоятельствах с делегированной субъектностью [16]. Создавая частное пространство своего дома (квартиры), человек может делегировать право быть субъектом, создающим для него бытийное пространство, профессионалу-дизайнеру. Это решение оказывается совсем не простой психологической коллизией для участников ситуации. Проблема со-бытийности в данном случае остро заявляет себя, хотя участвующие в процессе субъекты не живут вместе. Создание одним субъектом пространства жизни для другого включает их в диалог с непредсказуемым исходом, поскольку привлечение другого человека для создания своего частного пространства всегда содержит угрозу нарушения целостности личностного бытия и вследствие этого возможность ослабления чувства личностной идентичности.

Исследование Д.А. Панова показало, что людям художественного типа, выбирающим работу дизайнера в качестве своей профессиональной деятельности, свойственна ориентация на создание творческого продукта, в котором

находит выражение их творческая натура, на автономность в процессе его создания. Это вступает в противоречие с требованиями профессии, предполагающей активные контакты с клиентами, готовность считаться с их представлениями и предпочтениями, поскольку дом (квартира) создается для них. Это противоречие обуславливает *усиление коммуникативной направленности* в процессе профессионализации.

Сложность взаимодействия дизайнера и пользователя (клиента) определяется тем, что в этом процессе (обусловленном характеристиками частного жизненного пространства пользователя и уровнем профессиональной компетентности дизайнера) необходимо «включить» механизмы *со-регуляции* и *со-организации*, чтобы прийти к согласованному результату, устраивающему обе стороны. Различия в образе результата у двух субъектов могут стать препятствием в достижении согласованного решения и разрушить саморегуляцию каждого из них.

Приведенные результаты исследований показывают, что в тех отношениях, которые возникают, когда человек строит свое бытие на общей территории с другими людьми, саморегуляция должна в определенной мере стать *со-регуляцией*, т. е. такой саморегуляцией двух создающих свое *со-бытие* субъектов, в которой принятые каждым из них цели деятельности, их «субъективные модели значимых условий», «программы исполнительских действий», «критерии успеха» и пр. должны быть соотнесены и скоординированы. Достижение этой дуальности в процессах оформления средовой (и иной) личностной идентичности каждым из субъектов *со-бытия* и переживание каждым из них своего бытия как аутентичного — условие удовлетворенности.

В исследовании А. В. Бурмистровой «Личностные особенности средового поведения, направленного на регуляцию границ бытийного пространства» выявлены эмоционально-поведенческие паттерны, которые служат индикатором нарушения границ бытийного пространства личности [7]. В исследовании показано, что локус контроля, являясь интегральной личностной характеристикой, в значительной степени обуславливает репертуар средового поведения, направленного на регуляцию границ бытийного пространства личности. Интерналы проявляют субъектную позицию по отношению к среде, им свойственен более широкий репертуар средового поведения, эмоционально позитивная экспрессия в ситуациях вторжения в их бытийное пространство, большая удовлетворенность своей личной жизнью (тем, что наполняет их бытийное пространство и тем как оно организовано). Экстерналы чаще переживают из-за недостаточной структурированности своего бытия, из-за неспособности определить границы своего бытийного пространства в отношениях с другими. Это создает непредсказуемость внешних вмешательств, зависимость личности от них и ощущение неаутентичности.

Т.К. Хозяинова, исследуя особенности самоактуализации личности матери как фактор ее отношения к детям [30], выявила, что чем более выражен у матери потенциал самоактуализации, тем более позитивно складывается ее отношение с ребенком: матери становятся более требовательными и последовательными, в то же время они предоставляют ребенку больше самостоятельности, автономии, при этом возрастает позитивная эмоциональность в отношениях. Матерям со сниженными показателями самоактуализации свойственен более жесткий контроль за ребенком, непоследовательность, что проявляется в ухудшении эмоциональных отношений: в отвергающем поведении, эмоциональной дистанцированности, снижении удовлетворенности отношениями.

Е.М. Забазнова, работая над темой диссертации «Влияние Я-концепции на формирование конгруэнтного имиджа личности», установила, что 55% респондентов осознают дискомфорт, возникающий вследствие чрезмерной зависимости личности от сложившегося стереотипизированного взгляда на нее, это препятствует аутентичному поведению, реализации себя и создает эффекты деперсонализации и отчуждения [9]. Как показало исследование, существенное содержательное различие между тем, что предъявляется, и действительными характеристиками личности, а также чрезмерная зависимость личности от сложившегося имиджа обусловлены неадекватной Я-концепцией и низкими показателями принятия себя. Такой имидж и был назван *неконгруэнтным*.

Одна из распространенных причин неконгруэнтного имиджа — отказ личности от субъектности во имя соответствия ожиданиям значимых других (К. Роджерс, К. Хорни, В. Сатир и др.). Итог такого процесса — внутренняя конфликтность, невротизация личности (И. С. Кон, В. А. Петровский, А. Б. Орлов, К. Юнг и др.). У такого индивида нарушается целостность Я-концепции, происходит отвержение или сегментированное принятие себя, возникает и постоянно усиливается страх быть отвергнутым другими, что в итоге приводит к поведению, которое не обеспечивает возможность канализировать внутренние энергии, насытить интенции. Нарастает разрыв между ядерными образованиями личности (потребности, организмический опыт, личностные смыслы и пр.) и формами поведения, способами организации человеком своего бытия.

В исследовании Г.Г. Танасова «Личность в переговорном процессе» автор обращается к важной для личности потребности в самотождественности, личностной идентичности (Э. Эриксон, Г. Олпорт, К. Роджерс, А. Маслоу и др.), к переживаемой личностью проблеме адекватности ее «внутренней сути» внешним, активно выстраиваемым личностью пространствам и обстоятельствам ее бытия [25]. Одним из таких пространств является *пространство отношений с другими людьми*. Выстраивая его, человек находится под влиянием потребности получить от партнеров по общению подтверждение реальности своего внутреннего мира, подтверждение знания о себе, сложившихся в опы-

те его предшествующей жизни самооценочных суждений (В.А. Лабунская, Ю.А. Менджерицкая, З.И. Рябикина, Е.Г. Сомова и др.). Такое подтверждение выступает необходимым фактором, обеспечивающим чувство идентичности.

В ситуации переговоров человек испытывает потребность в поддержании и развитии чувства личностной идентичности, потребность быть подтвержденным окружающими, значимыми для него партнерами по общению, потребность в открытости. Но в переговорной ситуации именно эти потребности могут входить в противоречие с решаемыми деловыми задачами. Решение этой проблемы побуждает личность либо к углубленной рефлексии, либо к манипулированию партнером (макиавеллизм) с целью защиты от возможного разрушительного для идентичности личности влияния со стороны оппонента. Недостаточный уровень идентичности в переговорном процессе чреват опасностью потери ценностных ориентиров. Но и сосредоточенность личности на поиске отчетливой самоидентификации в условиях переговорного процесса может стать причиной сниженной эффективности в решении профессиональных задач.

В исследовании Г.Г. Танасова выявлены существенные различия в переживаниях и оценке переговорных ситуаций личностью в зависимости от статуса партнера. Более высокий статус партнера по переговорам имеет тенденцию оказывать негативное воздействие на личностную идентичность переговорщика, мобилизуя его к подтверждению собственной значимости, а также обуславливает более выраженное беспокойство перед переговорами, усиление прогноза неблагоприятного исхода, большую вероятность восприятия своей роли как отрицательной и пр.

В завершение обзора можно констатировать недостаточное, на наш взгляд, внимание, уделяемое в отечественной психологической науке проблематике общения, состояниям личности, сопутствующим и определяющим процессы общения. Вклад ученых Кубанского государственного университета в разработку темы общения довольно весомым и отличается наличием собственного подхода. В настоящее время исследования различных аспектов общения с позиции субъектно-бытийного подхода к личности и ее со-бытию в КубГУ продолжают.

Библиографический список

1. Анцупов А. Я. и др. Проблемы психологического исследования: указатель 1050 докторских диссертаций 1935–2007 гг./А.Я. Анцупов, С.А. Кандыбович, В.М. Крук, Г.Н. Тимченко, А.Н. Харитонов М.: Студия «Этника», 2007.
2. Анцыферова Л.И. Методологические принципы и проблемы психологии // Психологический журнал. 1982. Т. 3, № 2.
3. Асмолов А.Г., Ягодин Г.А. Образование как расширение возможностей развития личности // Вопросы психологии. 1992. № 1–2.

4. *Бодалев А. А.* Психология общения 2009: десять лет поиска // Психология общения XXI век: 10 лет развития: материалы Междунар. конф., 8–10 октября 2009 г.: в 2 т. М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2009. Т. 1.
5. *Бондарева О. В.* Особенности проявления эгоистической направленности личности в пространстве супружеских отношений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2009.
6. *Брушлинский А. В., Поликарпов В. А.* Мышление и общение. 2-е дораб. изд. Самара: Самарский дом печати, 1999.
7. *Бурмистрова А. В.* Личностные особенности средового поведения, направленного на регуляцию границ бытийного пространства: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2004.
8. Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга: материалы конф./отв. ред. О. Г. Кукосян. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1979.
9. *Забазнова Е. М.* Влияние Я-концепции на формирование конгруэнтного имиджа личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2001.
10. *Знаков В. В.* Понимание в познании и общении. Самара: Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 2000.
11. *Леонтьев А. Н.* Философия психологии. М.: Изд-во МГУ, 1994.
12. *Леонтьев Д. А.* Гуманистическая психология как социокультурное явление // Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии/под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1997.
13. *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
14. *Ломов Б. Ф.* Проблемы общения в психологии/под ред. Б. Ф. Ломова. М.: Владос, 2001.
15. *Лузаков А. А.* Личность как субъект категоризации в межличностном познании: взаимодействие когнитивных и ценностно-мотивационных структур: автореф. дис. ... докт. психол. наук. Краснодар, 2008.
16. *Панов Д. А.* Личность как субъект предметно-пространственной среды дома: дизайнер и пользователь: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2005.
17. *Петровский В. А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
18. Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров/ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1997.
19. *Рябикина З. И.* Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1995.
20. *Рябикина З. И.* Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия/под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
21. *Рябикина З. И.* Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2.
22. *Рябикина З. И.* Субъектно-бытийный подход к анализу общения как со-бытия личности со значимыми другими // Психология общения: XXI век: 10 лет разви-

- тия: материалы Междунар. конф. 8–10 октября 2009 года: в 2 т. М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2009. Т. 1.
23. *Рябикина З.И., Сомова Е.Г.* Личность и ее самоактуализация в общении // Мир психологии. 2001, № 3.
 24. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология человека: введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс, 1995.
 25. *Танасов Г.Г.* Личность как субъект переговорного процесса: бытийный подход // Субъект, личность и психология человеческого бытия/под ред. В.В. Знакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
 26. Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга: материалы конф./под ред. А.А. Бодалева. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1975.
 27. Теории личности в западно-европейской и американской психологии: хрестоматия по психологии личности/сост. Р.Я. Райгородский. Самара: Бахрах, 1996.
 28. *Тиводар А.Р.* Психология со-бытия личности в браке. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.
 29. *Холл К., Линдсей Г.* Теории личности. М.: КСП+, 1997.
 30. *Хозяинова Т.К.* Отношение матери к ребенку: личностный аспект. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
 31. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер Пресс, 1997.
 32. *Якиманская И.С.* Требования к учебным программам, ориентированным на личностное развитие школьников // Вопросы психологии. 1994. № 2.

ПОЛОЖЕНИЯ СИСТЕМОГЕНЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТА ТРУДА. ЧАСТЬ 2

.....

Ю. П. Поварёнков¹

В статье дана оригинальная классификация критериев профессионального становления, проанализированы тенденции проявления гетерохронности профессионального развития, определено психологическое содержание кризисов профессионального становления, дана классификация ведущих периодизаций профессионального становления личности, предложен авторский вариант периодизации.

Ключевые слова: профессиональная продуктивность, профессиональная идентичность, профессиональная зрелость, неравномерность профессионального становления, кризисы профессионального становления, задачи профессионального становления личности, единицы периодизации профессионального становления личности.

The paper presents an original classification criteria for professional development, to analyze trends manifestations Heterochrony professional development as defined psychological content of the crises of professional development, a classification of the leading periodization of professional growth is presented, the author's option periods.

Key words: professional productivity, professional identity, professional maturity, the unevenness of professional development, crisis of professional development, professional growth objectives, units of the periodization of professional growth.

4. Диахронические критерии профессионального становления личности

Критерии профессионального становления — это объективные и субъективные показатели, по которым можно судить об уровне развития профессионала, об уровне его профессионализации, об уровне сформированности субъекта труда.

¹ Поварёнков Юрий Павлович — доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. Эл. адрес: y.povarenkov@yspu.yar.ru

Первая часть статьи была опубликована в №4 за 2010 г.

В педагогике и психологии становления профессионала используются различные критерии профессионализации: производительность, качество и надежность, профессиональная пригодность, профессиональная компетентность, профессиональное мастерство, профессиональная готовность и ряд других.

В соответствии с содержанием основного противоречия профессионального становления и с учетом активной роли субъекта труда в процессе профессионального развития выявлены три ведущих критерия профессионализации: профессиональная продуктивность, профессиональная идентичность и профессиональная зрелость.

Профессиональная продуктивность (ПП) характеризует эффективность профессионального развития личности и степень соответствия результатов данного процесса социально-профессиональным требованиям. ПП оценивается на основе показателей производительности, качества и надежности, которые имеют свою специфику в зависимости от того, какая задача решается: поиск и выбор профессии, профессиональное обучение и адаптация, построение профессиональной карьеры и смена этапов профессионализации. Так, для профессионального обучения показателем продуктивности является обученность, для профессиональной адаптации — адаптированность, для реализации карьерных ожиданий — ее успешность.

Профессиональная идентичность (ПИ) характеризует уровень значимости для субъекта профессии и профессионализации в целом. ПИ свидетельствует о степени принятия субъектом профессии и профессионализации как средства удовлетворения своих потребностей и самореализации; о степени принятия себя как профессионала; о степени принятия системы ценностей соответствующей профессиональной общности. ПИ оценивается на основе субъективных показателей, включая удовлетворенность трудом, профессией, карьерой, собой, профессиональную самооценку, индексы самореализации и самоактуализации личности, показатели ценностно-ориентационного единства.

Наиболее сложным является критерий профессиональной зрелости (ПЗ), который был предложен Д. Сьюпером. ПЗ говорит о сформированности личностного контура регулирования процессом профессионального развития, о степени осознания своих возможностей и потребностей, которые ей предъявляются. Для профессионально зрелой личности характерно умение соотносить свои возможности, потребности и профессиональные требования, выбирать оптимальную стратегию профессионального становления, в том числе и сознательно, идти на риск или снижать уровень притязаний и т. д. ПЗ — ведущий показатель становления субъекта профессионального пути.

При изучении представителей различных профессий удалось установить, что различные подструктуры индивидуальности профессионала (профессиональный опыт, профессиональная подструктура профессиональных мотивов,

подструктура черт личности, профессиональное самосознание и т. д.) значительно коррелируют со всеми критериями профессионализации (профпродуктивность, профидентичность и профзрелость).

Однако, учитывая величину и уровень значимости корреляции, можно говорить о ведущей роли отдельных подструктур в их влиянии на соответствующие критерии. Принимая во внимание данные, которые получены в ходе экспериментов, есть основание утверждать, что уровень профессиональной продуктивности зависит прежде всего от развития профессиональной одаренности и профессионального опыта, уровень профессиональной идентичности определяется подструктурой профессиональных мотивов и характерологических качеств личности, а уровень профессиональной зрелости наиболее тесно связан с подструктурой профессионального самосознания.

Последующая экспериментальная проверка показала что, уровень развития ведущей подструктуры не всегда прямо влияет на уровень проявления соответствующего критерия профессионализации. Например, высокий уровень профессиональной одаренности не гарантирует нам высокий уровень профессиональной продуктивности. Одной из причин такого положения является сознательное фиксирование индивидом уровня своих профессиональных достижений.

Другая причина связана с тем, что нельзя судить об уровне профессионального становления личности лишь по одному критерию профессионализации. В плане подтверждения данной гипотезы в ходе экспериментального исследования было показано, что отдельные критерии профессионализации и на стадии профессионального обучения, и на стадии самостоятельной профессиональной деятельности активно взаимодействуют между собой и образуют интегральный, или комплексный, критерий, в котором объединяются три исходных.

Комплексный критерий профессионального становления личности формируется на более поздних этапах профессионализации и для каждого индивида имеет характерную степень выраженности, которая определяется абсолютной величиной критериев и особенностями их сочетания. Есть все основание утверждать, что соотношение критериев внутри комплексного так же, как и их уровень, может сознательно определяться и задаваться самим индивидом.

В ходе экспериментального анализа нам не удалось полностью подтвердить гипотезу К. М. Гуревича о прямом соответствии профессиональной продуктивности (на уровне профессиональной эффективности) и профессиональной идентичности (на уровне удовлетворенности трудом). Другими словами, мы не смогли доказать, что высокий уровень профессиональной продуктивности гарантирует и высокий уровень профессиональной идентичности. При изучении представителей различных профессий были выявлены периоды, когда между профпродук-

тивностью и профидентичностью вообще отсутствует связь, а также периоды, когда эта связь является положительной или отрицательной.

Полученные данные указывают на относительную независимость критериев профессионализации друг от друга, что позволило выдвинуть гипотезу о существовании трёх подструктур субъекта труда.

Первая подструктура образуется ПВК-ПЗК профессионала, которые влияют на продуктивность деятельности и на стремление ее добиваться. Основными критериями развития данной подструктуры в условиях профессионализации являются производительность, качество и надежность деятельности. На уровне оценки эффективности профессиональной деятельности речь может идти о профессиональном мастерстве, а на уровне оценки учебно-профессиональной деятельности — об обученности и т. д.

Вторая подструктура образуется на основе ПЗК-ПВК субъекта труда, которые обеспечивают профессиональную идентичность личности и заинтересованность в достижении ее определенного уровня. Ведущий компонент данной подструктуры — мотивационная сфера личности профессионала, а ведущие критерии — удовлетворенность трудом, профессиональная самооценка, состояние самореализованности. Высшим проявлением профессиональной идентичности является профессиональное счастье.

Третья подструктура включает ПВК-ПЗК профессионала, которые обеспечивают саморегуляцию и самодетерминацию профессионального становления и стремление это делать на определенном уровне. Поиск и выбор профессии, построение и реализация модели профессиональной карьеры, переход на другую работу — это все проявления действия данной функциональной системы, которая связана с такими понятиями, как смысл профессиональной деятельности, профессиональная совесть и профессиональная честь. Ведущим компонентом данной структуры выступает профессиональное самосознание, а ведущим критерием — профессиональная мудрость.

Исходя из приведенной модели критериев, индивидуально-психологический смысл профессионализации для человека можно определить как обретение профессионального мастерства, профессионального счастья и профессиональной зрелости-мудрости.

5. Гетерохронность профессионального становления

Процесс профессионального становления человека характеризуется гетерохронностью, неравномерностью и цикличностью.

Гетерохронность проявляется в том, что на каждом этапе профессионального становления субъект решает тот комплекс задач, который перед ним возникает. Поскольку процесс становления профессионала разворачивается как решение субъектом труда некоторой последовательности задач професси-

онального развития, то для решения каждой из них складывается специфическая функциональная система профессиональной активности.

Можно предположить, что формируются функциональные системы профессиональной активности поиска и выбора профессии, профессионального самоопределения, профессионального обучения, профессиональной адаптации, планирования и реализации профессиональной карьеры и ряд других. Особенно наглядно гетерохронность проявляется в процессе становления психологической системы профессиональной деятельности (СПД).

Мы исследовали процесс становления СПД в ходе обучения студентов в педагогическом вузе. Результаты проведенного эксперимента показали, что данный процесс осуществляется в несколько этапов (т. е. не сразу, а гетерохронно). И начинается он с использования студентом школьных форм учебной деятельности, которые сформировались у него в старших классах средней школы, и осознания их неэффективности в условиях вузовских требований.

Студент-первокурсник, как, впрочем, и любой другой человек, попадающий в новую для него ситуацию, начинает свою студенческую жизнь с использования старых проверенных временем школьных способов учебной деятельности для решения вузовских образовательных задач. Причем использует он их скорее всего механически, поскольку реальная ситуация профессионального развития им осознается слабо и фактически не принимается, т. е. не является еще руководством к действию.

В ходе реализации школьного опыта студент сталкивается с определенными трудностями, и даже относительно невысоких учебных результатов он достигает путем высокого напряжения своих энергетических возможностей. Именно низкая результативность обучения при высоких энергозатратах заставляет студента задуматься об адекватности используемых им способов обучения и в конечном счете побуждает его к поиску новых способов учебной деятельности, соответствующих требованиям высшей школы.

Надо признать, что осознание такой необходимости приходит к студенту в конце первого — начале второго года обучения. Этот момент следует считать критическим, так как он связан с принятием студентом конкретной ситуации профессионального развития и началом очередного нового этапа становления профессионала.

Невысокая успеваемость у студентов второго курса указывает на то, что учебная деятельность в это время фактически отсутствует (старые школьные ее формы отвергнуты, а новые еще не сформировались) и все внимание студента сосредоточено на выработке новых способов учебно-познавательной активности. Становление новой формы учебной деятельности, которую мы называем учебно-академической, завершается в конце второго курса, что и приводит к резкому скачку академической успеваемости и обученности на 3-м курсе.

На 4-м курсе социальная ситуация профессионального развития изменяется: из учебно-академической она превращается в учебно-профессиональную. Новая ситуация фиксирует в ходе педагогической практики, в рамках которой студент уже сталкивается не с учебно-познавательными, а с профессиональными задачами.

Участие в решении последних убеждает студентов в том, что накопленные на 1–3-х курсах фундаментальные знания требуют преобразования в форму, удобную для передачи школьникам. Снижение академической успеваемости на 4-м курсе говорит о том, что активность студентов в основном направлена на преобразование академических знаний, на включение их в качестве предметных в структуру профессиональной деятельности, элементы которой начинают формироваться в ходе педагогической практики.

Таким образом, на четвертом курсе происходит дифференциация форм активности студента: во-первых, начинает складываться система профессионально-педагогической деятельности в форме учебно-профессиональной; во-вторых, учебно-академическая деятельность меняет свою направленность: из средства накопления фундаментальных знаний она превращается в средство формирования профессиональной деятельности, окончательное становление которой происходит на стадии самостоятельной работы в школе.

Проведенный анализ позволяет выделить следующую последовательность становления системы профессионально-педагогической деятельности: реализация школьной формы учебной деятельности — мораторий (отказ от школьной формы учебной деятельности как неэффективной и формирование учебно-академической деятельности) — реализация учебно-академической формы деятельности — мораторий (отказ от учебно-академической формы деятельности как неэффективной в новых условиях и формирование учебно-профессиональной деятельности) — реализация учебно-профессиональной формы деятельности как адекватного средства формирования профессионально-педагогической деятельности.

Еще раз необходимо отметить, что каждая предыдущая форма деятельности не разрушается, не вычеркивается из опыта субъекта, а свертывается и в свернутом и снятом виде включается в состав новой формы деятельности, превращается в средство ее реализации.

6. Неравномерность и кризисы профессионального становления

Неравномерность становления профессионала проявляется: а) в несовпадении динамики развития критериев профессионализации; б) в одновременности развития отдельных подструктур личности и в различной скорости их развития; в) в непостоянстве связей между критериями профессионализации и отдельными качествами или подструктурами личности; г) в смене ведущей

роли отдельных подструктур, а также в изменении значимости влияния социальных и индивидуальных факторов развития.

Ведущим признаком неравномерности профессионального развития являются профессиональные макро- и микрокризисы. В энциклопедическом словаре кризис определяется как резкий, крутой перелом, тяжелое переходное состояние. В данном определении зафиксировано два существенных момента психологического кризиса. Во-первых, каждый кризис свидетельствует о завершении одного этапа жизни, развитии человека и о начале перехода к следующему или о начале поиска такового. Во-вторых, любой психологический кризис сопровождается трудными психическими состояниями и тяжелыми эмоциональными переживаниями.

Многочисленные психологические исследования отечественных и зарубежных авторов свидетельствуют, что кризисность является характерной особенностью индивидуального развития человека. Это находит свое отражение не только в материалах научных исследований, но и в обыденном сознании человека, подтверждение чему мы находим в большом количестве поговорок, пословиц, посвященных различным сторонам жизненного пути личности.

Каких-либо устойчивых классификаций психологических кризисов в литературе не зафиксировано. Тем не менее есть ссылки на макро- и микрокризисы, нормальные и патологические, нормативные и случайные, кризисы детства и взрослости.

Кризисы профессионального становления (КПС) — это особая группа психологических кризисов, которые возникают на различных этапах профессионального пути личности, отражают его специфические закономерности, несводимые с закономерностями жизненного пути человека. КПС — это проявление общей неравномерности профессионального развития человека на различных этапах трудового пути. В основе их возникновения лежит целый комплекс различных факторов: изменение социальной ситуации профессионального развития, возрастание профессиональных требований к человеку, рост или снижение профессиональных притязаний личности, обострение противоречий профессионального развития и ряд других.

Необходимое условие эффективного разрешения КПС — осознание индивидом противоречий профессионального становления, осознание предъявляемых требований и своих возможностей, осознание ситуации профессионального развития. Процесс осознания содержания кризиса и динамика его последующего протекания (разрешения) характеризуется определенной этапностью. На первом этапе человек стремится не замечать, как изменилась ситуация профессионального развития, хотя при этом он может ощущать себя несчастным, разочарованным, чувствовать нависшую угрозу. На втором этапе ситуация привлекает внимание индивида, он начинает анализировать причины ее возникновения, причины несоответствия между своими возможно-

стями, способами деятельности и требованиями, которые к нему предъявляются. На третьем этапе осуществляется поиск адекватных средств решения возникших проблем, формирование необходимых способов деятельности и адекватного отношения к новой ситуации. Четвертый этап — это использование найденных средств для решения проблемы, переход на новый уровень функционирования, который часто связан с обретением новой идентичности личности. В данном случае представлена конструктивная стратегия разрешения кризиса, естественно в реальности возможны и другие сценарии выхода из кризиса, включая и катастрофические.

Кризис, в том числе и профессиональный, всегда сопровождается глубокими эмоциональными переживаниями, которые могут приводить к психологически неблагоприятным состояниям. Возникает вопрос: нужны ли кризисы профессионального развития. Мы считаем, что кризисы необходимы, так как благодаря возникающему в его рамках эмоциональному взрыву человек осознает необходимость смены старых способов деятельности, находит новые способы решения проблем, мобилизует свои духовные ресурсы для преодоления возникших противоречий. Таким образом, кризисы необходимы как средство развития личности, но чтобы смягчить их последствия, человек должен знать о кризисах, уметь их преодолевать, исходя из своих реальных возможностей.

Профессиональный кризис — это всегда отрицание старых неадекватных средств и способов профессиональной активности. Поэтому принципиальным моментом профессионального становления личности является выбор самого механизма отрицания. Гипотетически таких механизмов может быть довольно много, остановимся на двух из них: абсолютном отрицании и диалектическом. В первом случае речь идет о полном отказе от всего того, что накоплено к началу кризиса. Объективно такое практически невозможно, но на психологическом уровне такое отрицание существует в форме негативного отношения ко всему старому, в форме нежелания пользоваться старыми средствами. Наиболее продуктивно диалектическое отрицание, когда отрицается лишь та часть опыта, которая мешает дальнейшему развитию личности. Эмоциональная энергия профессионального кризиса как раз и необходима для того, чтобы дифференцировать в опыте позитивное от неадекватного, разрушить укрепившиеся связи, по-новому взглянуть на уже привычное, стереотипизированное.

Строго говоря, КПС нельзя назвать собственно возрастными, так как они напрямую не связаны с хронологическим возрастом человека, а определяются фазой, периодом или стадией профессионального развития. Поэтому временным показателем, с которым соотносится КПС, выступает так называемый профессиональный возраст личности.

В зависимости от стадии профессионального становления можно выделить кризисы поиска и выбора профессии, кризисы профессионального обучения,

кризисы самостоятельной профессиональной деятельности. Изучение профессионального развития студентов педагогического университета позволило нам выделить два основных кризиса — 2-го курса и 4-го курса.

Первый кризис (кризис 2-го курса) возникает в результате осознания и принятия студентами новой ситуации социально-профессионального развития, отличной от той, которая имела место в старших классах средней школы. Началу кризиса предшествуют безуспешные попытки студентов использовать школьные методы учебной работы для решения новых учебных задач. Поэтому данный кризис начинается с понимания студентами того, что сложившиеся в средней школе методы учебной деятельности не могут обеспечить эффективное усвоение вузовской программы. Главным результатом преодоления данного кризиса является формирование академической формы учебной деятельности и личности студента. Те студенты, которые не смогли перестроиться, покидают вуз или продолжают учиться с большим трудом.

Второй кризис возникает тогда, когда студенты 4-го курса в ходе педагогической практики впервые сталкиваются с реальными профессиональными задачами. Кризис начинается с осознания того, что фундаментальная теоретическая подготовка на 1–3-м курсах — необходимое, но не достаточное условие для решения задач обучения школьников. В результате преодоления данного кризиса начинает формироваться психологическая система профессионально-педагогической деятельности, закладываются основы профессионального интеллекта, профессиональной идентичности и системы профессиональной мотивации.

В зависимости от типа учебно-профессионального образовательного учреждения время возникновения и форма разрешения описанных кризисов может существенно изменяться. Так, в педагогическом колледже первый и второй кризис совмещены по времени и приходятся на 2-й год обучения. В этом типе учебных заведений и академическое, и профессиональное развитие начинается одновременно, что имеет как свои положительные, так и отрицательные стороны.

Рассмотренные КПС относятся к группе адаптационных, так как они инициируются изменением ситуации профессионального развития и разрешаются благодаря формированию психологических новообразований, которые обеспечивают приспособление индивида к новым условиям профессионального становления и реализации.

Вторую группу КПС образуют кризисы, которые мы условно называли «над-ситуационными». Главная их особенность заключается в том, что они возникают в условиях стабильной ситуации профессионального развития и инициируются не путем изменения предъявляемых требований, а через повышение требований к себе, снижение своей профессиональной самооценки, повышение уровня притязаний и т. д.

К этой группе относятся кризисы, которые возникают примерно на 4–5-м году самостоятельной деятельности (выявлены у учителей и менеджеров). Что касается учителей, то к этому времени они достигают нормативного одобренного уровня профессиональной продуктивности. Они без особых проблем начинают справляться с решением всех нормативных учебно-воспитательных задач, обретают определенный и устойчивый статус в структуре педколлектива, авторитет у администрации школы и учеников, начинают свободно и вариативно оперировать учебным материалом и т.д. Стабильность ситуации, по нашим данным, нарушает сам учитель путем изменения отношения к себе и своим профессиональным успехам. Тем самым он создает новую ситуацию профессионального развития, которая и переживается человеком как кризисная. Разрешаются эти кризисы не через адаптацию к ситуации, а через реализацию индивидуальности профессионала, которая проявляется в его отношении к своим профессиональным достижениям и перспективам, в оценке реализации своих требований, своего потенциала, своих потребностей.

В заключение выделим еще одну группу КПС, главная особенность которой заключается в том, что они инициируются кризисами жизненного пути, но по форме и по содержанию являются профессиональными, т.е. оказывают существенное влияние на процесс становления и реализации профессионала.

Данные кризисы связаны не с профессиональным, а с хронологическим возрастом человека и наиболее сильно, по нашим данным, проявляются в возрасте 29–33 и 39–43 лет, т.е. совпадают по времени с нормальными кризисами взрослости 30 и 40 лет. На поведенческом уровне эти кризисы проявляются в различных формах текучести кадров (повышение, понижение, переход на другое место), а также в смене профессии. Психологически данные кризисы связаны с переоценкой профессиональных ценностей, с изменением своих представлений о себе как профессионале, т.е. о своих возможностях, о своих профессиональных успехах и ожиданиях от профессиональной карьеры. В период этих кризисов человек ставит перед собой вопросы, затрагивающие основы его профессионального бытия: «Чего я достиг в профессии?», «Действительно ли я выбрал ту профессию, которая мне нужна?», «Каковы мои реальные профессиональные возможности?», «Как строить дальше профессиональную карьеру?», «Что для меня важнее: профессиональная карьера или семейная жизнь?», «Нужно ли дальше профессионально совершенствоваться или нет?».

В зависимости от того, какие вопросы ставит перед собой профессионал в периоды этих кризисов и как он на них отвечает, существенно зависит содержание и направление его дальнейшего профессионального пути.

7. Периодизация профессионального становления человека

Цикличность процесса профессионального становления человека отражается в его периодизации. В психологических словарях определение поня-

тия «периодизация» отсутствует, а в энциклопедическом дается следующее: «Периодизация — деление процессов развития на основные, качественно отличающиеся друг от друга периоды в соответствии с объективными закономерностями природы и общества». Из данного определения следует, что в основе создания любой периодизации лежит решение двух ведущих проблем: определение оснований для разбиения процесса развития на этапы и содержательное обоснование их качественной специфики.

В психологии выделяется несколько подходов к периодизации профессионализации. В зарубежной психологии наиболее распространена периодизация Д. Сьюпера, которая опирается на периодизации жизненного пути личности, предложенные Ш. Бюллер и Э. Эриксоном. В отечественной литературе представлены периодизации Е. А. Климова, Т. В. Кудрявцева, А. К. Марковой, В. А. Бодрова и ряда других авторов. Для большинства существующих периодизаций профессионального становления человека характерны следующие особенности.

Во-первых, все периодизации в качестве временного параметра используют лишь хронологический возраст человека и не учитывают его профессионального стажа. Тем самым решение отдельных профессиональных задач связывается с конкретным возрастом (например, поиск работы — с юношеским возрастом, окончание профкарьеры — со старостью). Но такая тесная связь прослеживается далеко не всегда.

Во-вторых, для ряда периодизаций характерна редукция содержания профессионального развития; например, некоторые авторы (Сьюпер, Кудрявцев) сводят психологическую сущность профессионального становления к развитию профессионального самоопределения или самопознания, забывая о существовании профспособностей, профопыта, мотивации и других подструктур личности.

В-третьих, для психологических периодизаций характерно абстрагирование от внешних социально-профессиональных требований, которые предъявляются к индивиду и которые он должен учитывать, определяя содержание и направление своего профессионального развития. При таком подходе профессиональное развитие представляется как спонтанное, полностью подчиненное интересам индивида.

В-четвертых, большинство профессиональных периодизаций опираются на те или иные представления о жизненном пути человека в целом и пытаются копировать его. В силу этого основные тенденции жизненного пути маскируют ведущие закономерности становления профессионала, что существенно сказывается на адекватности наших представлений о данном процессе.

В рамках предлагаемого нами подхода к периодизации процесс становления и реализации профессионала рассматривается как последовательное

или параллельное решение комплекса задач профессионального развития, которые ставит перед собой субъект на основе познания и принятия социальной ситуации профессионального развития (ССПР), учитывая свои жизненные и профессиональные цели.

Такой подход позволяет принципиально решить три основные проблемы периодизации: 1) определить основания для деления целостного процесса становления профессионала на отдельные элементы; 2) зафиксировать длительность каждого элемента периодизации, которая соответствует времени решения задач профессионального развития и измеряется в единицах профессионального возраста человека; 3) обозначить качественное своеобразие каждого элемента периодизации, исходя из специфики конкретной задачи профессионального становления человека.

Принципиальным моментом любой периодизации является определение ее единиц, или элементов. Учитывая специфику СППР и особенности ее отражения человеком, мы согласны с В. А. Ганзеным и Л. А. Головей, что должна существовать уровневая система различных по объему единиц периодизации. Имеет смысл говорить как минимум о трех уровнях единиц периодизации профессионального становления: стадиях, периодах и фазах [1].

Стадии — самые крупные единицы периодизации; они соотносятся с основными этапами профессиональной социализации, но не совпадают с ними по времени и содержанию. К главным критериям выделения стадии относится принятие субъектом конкретной ситуации профессионального развития как руководство к действию. Можно выделить пять таких стадий: допрофессионального развития, поиска и выбора профессии (оптация), профессионального обучения, самостоятельной профессиональной деятельности, послепрофессионального развития.

Границы между стадиями размыты, т.е. наблюдается весьма специфический процесс их взаимного проникновения. Реально каждая стадия начинается несколько позже формального момента смены формы профессиональной социализации. Имеющиеся в нашем распоряжении экспериментальные данные свидетельствуют о том, что студенты педагогического вуза принимают новую по отношению к школе ситуацию развития лишь в конце первого — начале второго курса обучения. До этого времени они воспринимают ситуацию вузовского обучения фактически как школьную и используют для решения соответствующих учебных задач приемы и средства, выработанные в школе. Подобную инерционность профессионального становления мы наблюдали и у начинающих учителей в первый год работы.

Стадии по своему психологическому содержанию являются неоднородными и в свою очередь могут делиться на отдельные периоды. Основанием для выделения периодов является уточнение ситуации профессионального развития и конкретизация задач профессионального становления. В общем

случае можно выделить три нормативных периода в составе стадии: адаптация или завершение решения задач развития предыдущей стадии, период решения основной задачи профессионального становления данной стадии, подготовка к переходу на новую стадию развития.

В реальном исследовании периоды могут маскироваться их спецификой конкретных видов профессионального становления. Так, стадия профессионального обучения в вузе первоначально делится на две подстадии (учебно-академическую и учебно-профессиональную), а они уже делятся на три периода.

Периоды также могут быть поделены на элементы, которые мы называем фазами. Например, период адаптации можно поделить на следующие фазы: осознание необходимости адаптации, поиск путей и средств адаптации, процесс адаптации, выход на необходимый уровень адаптации. Второй период на стадии самостоятельной профессиональной деятельности описывается еще большим количеством фаз.

Описанные единицы периодизации выявлены экспериментально, и их соотношение является отражением иерархии нормативных задач профессионального развития, которые ставит перед собой субъект труда по мере конкретизации ССПР. Более мелкое дробление единиц периодизации означает переход на иной уровень ее изучения, который связан с анализом не нормативных, а индивидуальных задач профессионального развития.

Независимо от величины единиц периодизации и их вклада в процесс становления профессионала все они описываются одинаковым набором параметров: конкретной ССПР или задачей профессионального становления, ведущей формой профессиональной активности, специфическими профессионально важными и значимыми качествами, профессионально ориентированными новообразованиями субъекта труда и конкретными критериями профессионализации.

Заключение

Итак, проведенный анализ свидетельствует о том, что с позиций системогенетического подхода, развиваемого В. Д. Шадриковым и его учениками, психологическая сущность профессионализации заключается в становлении и реализации субъекта труда. Этот вывод подтверждается результатами как теоретических, так и эмпирических исследований, которые были представлены в данной статье.

В основе детерминации профессионального становления субъекта труда лежит отражение и принятие человеком конкретной ситуации профессионального развития, осознание своих возможностей и потребностей, а также тех требований, которые предъявляются к нему на различных этапах про-

фессионального пути. Естественно, что конкретная ситуация может влиять на профессиональное становление человека и непосредственно, без ее осознания, но в этом случае речь должна идти не о становлении субъекта труда, а о подготовительных этапах к данному процессу.

Модель психологической системы деятельности В.Д. Шадрикова позволяет зафиксировать и структуру субъекта труда, которая описывается на двух уровнях. На первом уровне раскрывается содержание активности (деятельности) субъекта с использованием таких понятий, как мотив, цель, программа деятельности и т.д. На втором уровне описываются профессионально важные и профессионально значимые качества (ПВК и ПЗК), через которые реализуется операциональная составляющая и которые влияют на ее эффективность.

Выделены четыре основные формы профессиональной активности субъекта: 1) профессиональное развитие и научение; 2) профессиональная реализация или функционирование; 3) регулирование профессионального развития; 4) регулирование профессиональной реализации. Первая форма активности субъекта направлена на его собственное преобразование, в направлении становления профессионала, вторая форма обеспечивает достижение социально и индивидуально значимых результатов на основе имеющегося уровня развития. Третья и четвертая формы активности обеспечивают «тонкую настройку» механизмов развития и реализации. В полном соответствии со спецификой активности выделены и четыре типа ПВК и ПЗК. Для субъекта труда характерна циклическая и непрерывная смена этапов развития и реализации.

Ведущими критериями профессионального становления субъекта труда являются профессиональная продуктивность, профессиональная идентичность и профессиональная зрелость. В соответствии с выделенными критериями представляется возможность выделить три подструктуры субъекта труда. В состав первой входят ПВК-ПЗК, которые обеспечивают продуктивность активности и свидетельствуют об уровне профессионального мастерства; в состав второй формы входят ПВК-ПЗК, которые обеспечивают необходимый уровень профессиональной идентичности, а в состав третьей подструктуры — ПВК-ПЗК, которые определяют профессиональную зрелость субъекта труда.

Цикличность профессионального становления субъекта труда проявляется в наличии стадий, периодов и фаз данного процесса. Выделенные этапы пересекаются с традиционными этапами профессиональной социализации, но не совпадают и в ряде случаев вступают в противоречие. На каждом из этапов решается своя, специфическая задача профессионального развития. Поэтому есть основания говорить о различных этапах и уровнях становления субъекта труда, причем высшим уровнем его проявления выступает субъект профессионального пути.

Важную роль в становлении и реализации субъекта труда играют кризисы профессионального становления. Их возникновение определяется либо вну-

тренней логикой профессионального развития, либо внешними факторами, в том числе и возрастными кризисами. Нормативные профессиональные кризисы чаще всего возникают на стыках циклических процессов развития, одной из ведущих их функций является «активизация субъектности». В результате данного процесса происходит переход на новый, более высокий уровень развития субъекта труда.

Библиографический список

1. Ганзен В.А., Головей Л.А. К системному описанию онтогенеза человека // Психологический журнал. 1980. Т. 1, № 6.

КИНОТЕРАПИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ САНОГЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

.....

М. М. Данина¹

В статье описываются результаты теоретического и эмпирического исследования возможностей использования кинотерапии для развития саногенного мышления. В работе уточняется структура саногенного мышления, выделяются критерии его развития, приводится разработка авторской методики активной кинотерапии, позволяющей осуществлять целенаправленное развитие компонентов саногенного мышления.

Ключевые слова: кинотерапия, саногенное мышление, кинотекст, кинообраз, психотерапевтические паттерны, семейная групповая логопсихотерапия.

The article describes the results of theoretical and empirical research of cinema-therapy opportunities for healthy-thinking development. The paper clarifies the structure of healthy-thinking, shows the criteria of its development. The author's methodic of active cinema-therapy, which is helpful for targeted development of healthy-thinking components, is presented.

Key words: cinematherapy, healthy-thinking, psychotherapeutic patterns, family-oriented group logopsychotherapy.

В настоящее время некоторые исследователи критически отзываются о нарастающей экспансии кинотекста во все сферы человеческой деятельности. Согласно их мнению, кино, в отличие от литературы или театрального искусства, представляет собой образ, восприятие которого не требует глубинной переработки и порождает пассивность. В подобных работах рассматриваются самые простые формы восприятия кинотекста (чаще всего телевизионные), не требующие высокой включенности и активности зрителя, точно так же, как почти автоматически протекает процесс чтения простых слов и предложений родного языка. Однако для прочтения сложных форм кинотекста необходим особый навык [2; 5; 6]. Так, кажущиеся сегодня привычными формы презентации киноматериала первоначально вызывали недоумение, негодова-

¹ Данина Мария Михайловна – младший научный сотрудник лаборатории научных основ психотерапии и консультирования, Психологический институт РАО, г. Москва. Эл. почта: mdanina@yandex.ru

ние со стороны зрителей (пример — крупные планы, без которых сегодня немыслима кинематографическая эстетика).

Значительное количество современных психологических исследований посвящено изучению негативного влияния кинофильмов, рекламы и другой видеопродукции, транслируемой средствами массовой информации и культуры, на психоэмоциональное состояние людей, их установки и поведение. Изучено воздействие фильмов с агрессивным содержанием на степень напряжения, тревожности и уровень агрессии у зрителя. В то же время практически отсутствуют работы, в которых выявлялись бы компоненты оказывающие на аудиторию воспитательное, развивающее и психотерапевтическое воздействие, способствующие укреплению психического здоровья и развитию саногенного мышления.

Современное состояние проблемы социореабилитации и психотерапии, в частности лиц с различными формами неврозов, требует активной разработки эффективных творческих психолого-педагогических восстановительных приемов и методов. Возрастающая популярность кинематографического материала позволяет использовать его и как средство обучения, и как средство психологического воздействия с целью реабилитации или коррекции личности пациента в психотерапии.

Кинотерапия по сравнению с другими методами арттерапии (библиотерапией, изотерапией, музыкотерапией и т. п.) — наименее разработанная и исследованная область. Специфика кинотерапии определяется тем, что ряд терапевтических приемов здесь реализуется не в собственно содержании, например, речи героев, их поступках (как это бывает на классическом психотерапевтическом сеансе — через речь и поведение терапевта, обращенные к клиенту), а посредством работы оператора (наложения кадров, крупные планы, стоп-кадры, манипуляции с четкостью, яркостью, приближенностью — отдаленностью картинки и звуков и т. п.), через введение музыкального сопровождения, повторы определенных эпизодов, переносы действия во времени, обратную временную перспективу. В этом смысле кинорежиссер обладает большей степенью свободы в обращении с материалом, чем психотерапевт. Все сказанное делает поиск «терапевтического» кинофильма тонкой и требующей обоснованного подхода работой.

С 1986 г. кино используется в авторской системе групповой логопсихотерапии Ю.Б. Некрасовой — коррекционной работе с заикающимися подростками и взрослыми [7]. О работе групп Ю.Б. Некрасовой были сняты научно-документальные фильмы «Человек может все» (1986, Творческое объединение «Экран», режиссёр А.И. Шувиков) и «Я, конечно, вернусь...» (1988, режиссёр А. Гарибян). В процессе всех киносъемок обнаружилось, что у участников групп стали проявляться спонтанные психотерапевтические эффекты, способствующие восстановлению нарушенного речевого общения.

С 1995 г. в группах семейной логопсихотерапии под руководством Н.А. Карповой стал активно развиваться метод кинотерапии, и в 2001 г. был снят научно-документальный фильм «Человек может все-2» (Центр «СКИП-фильм», режиссёр А.И. Шувиков). С 1995 г. участники проходят все стадии встречи с кино: организуется просмотр фильмов о работе предыдущих групп, ведется видеосъемка групповых занятий с целью подбора материалов для будущих научно-методических фильмов и просмотр видеозаписей занятий с их обсуждением. Также в группах осуществляется просмотр и обсуждение специально подобранных художественных и документальных фильмов. Эффекты от просмотра фильмов «Человек может все» и «Человек может все-2» как самими участниками групп, так и их гостями и заинтересованными зрителями были описаны в совместной статье Н.А. Карповой и А.И. Шувикова [4].

В отличие от игрового кино, которое используется во всех классических кинотерапевтических методах, фильмы о системе логопсихотерапии — это документы, в которых представлена реально проживаемая жизнь конкретных групп социореабилитации, дающая многомерные возможности для переживания и сопереживания. К 2008 г. метод кинотерапии в системе семейной групповой логопсихотерапии уже строился на основе нелинейности процессов просмотра, участия и создания кинофильмов, что требовало отделить его от классического метода кинотерапии, принятого в мировой практике. Результатом стало введение в психотерапевтический тезаурус понятия «активная кинотерапия». Исследованию кинотерапии как средства развития саногенного мышления посвящено настоящее исследование.

В отечественной психологии наиболее заметной концепцией психического и соматического здоровья, оперирующей понятиями продуктивного мышления и поведения, является теория саногенного мышления Ю.М. Орлова. Он выдвинул предположение о том, что любая эмоция, возникающая у человека, сопряжена с его мышлением и спецификой умственных операций. Таким образом, произвольная регуляция эмоций и изменение состояния человека связаны с формированием особых мыслительных схем, предотвращающих возникновение негативных эмоций. Проблеме развития продуктивного (по Ю.М. Орлову, саногенного) мышления у детей и педагогов в отечественной психологии посвящены работы Т.Н. Васильевой, Э.М. Александровской, А.Б. Добровича, И.В. Дубровиной, А.И. Захарова, В.А. Леви, В.Я. Семке и др. К настоящему моменту технология обучения саногенному мышлению доведена до уровня, позволяющего достичь его самостоятельного усвоения и используется для коррекции негативных эмоционально насыщенных отношений человека к себе, к другим людям.

Ю.М. Орлов определяет саногенное мышление как философию обыденной жизни, способствующую физическому и психологическому здоровью [8]. Т.Н. Васильева подчеркивает: «В отличие от традиционного понимания мыш-

ления как совокупности умственных действий, с помощью которых в уме решается определенная проблема (в основе — внешние цели), термин «саногенное мышление» отражает решение внутренних проблем (например, как ослабить страдание от обиды, переживание неудачи и т.д.)» [1]. Выделяются следующие черты, свойственные саногенному мышлению: 1) высокий уровень сосредоточения и концентрации внимания на объектах размышления; 2) знание природы конкретных психических состояний, нуждающихся в контроле; 3) способность к рефлексии как умение рассматривать как бы со стороны свои отрицательные образы памяти, сопутствующие им эмоции, свои поступки и прошлый опыт в целом; 4) умение создавать для рефлексии благоприятный фон глубокого внутреннего покоя; 5) достаточно высокий уровень общего кругозора и внутренней культуры человека; 6) умение вовремя выполнять акт прекращения мышления, т.е. исполнять стоп-реакцию в ситуациях эмоционального напряжения [8].

Отметим, что в концепции Ю.М. Орлова и его последователей черты саногенного мышления имеют несколько обобщенный характер, что затрудняет их эмпирическую операционализацию. Кроме того, практика и теория психотерапевтической работы с патогенно мыслящими клиентами показывает, что описанных Ю.М. Орловым компонентов саногенного мышления недостаточно. Так, для саногенно мыслящего человека важна не только способность к диссоциации с отрицательными переживаниями, но и ассоциация с позитивным опытом, состояниями. Значимой можно назвать и способность человека распознавать ресурсы, которыми он обладает или должен обладать для достижения желаемой цели. Еще одна необходимая составляющая — способность к дифференцировке компонентов ситуации, которые могут быть полезны для развития личности.

Мы определяем саногенное мышление как совокупность умственных действий, направленных на разрешение трудных жизненных ситуаций и способствующих повышению психического и физического здоровья. Предлагаемое исследование основано на следующей идее: в кинотексте могут содержаться психотерапевтические паттерны, заложенные авторами (осознанно или неосознанно). Чем более насыщен ими фильм, тем больше оздоравливающего смысла он несет, тем выше его коммуникативный потенциал в психотерапевтическом общении.

Исследование состояло из четырёх основных этапов.

I этап — теоретико-эмпирическое исследование психотерапевтических паттернов, способствующих развитию саногенного мышления, их апробация на кинематографическом материале. На данном этапе в исследовании принимали участие 2 группы экспертов-психологов, имеющих опыт практической работы в психотерапии, — 80 чел. участвовали в создании общего перечня

психотерапевтических техник, 20 чел. выполняли процедуру групповой классификации перечня психотерапевтических паттернов.

II этап — исследование психотерапевтической структуры кинофильмов с целью построения их индивидуальных психотерапевтических профилей, включающих в себя текстово-вербальные и образные компоненты. На данном этапе в исследовании принимали участие 40 экспертов-психологов, имеющих опыт практической работы в психотерапии, прошедших обучение использованию авторской методики анализа саногенного мышления в кино (АСМК).

III этап — эмпирическое исследование развития компонентов саногенного мышления в зависимости от психотерапевтического профиля кинофильмов. Участвовали группы семейной логопсихотерапии в Москве (11 заикающихся и 27 их родственников), Владивостоке (9 заикающихся и 22 их родственника), Таганроге (8 заикающихся и 15 их родственников), Самаре (9 заикающихся и 16 родственников).

IV этап — эмпирическое исследование развития компонентов саногенного мышления в результате прохождения систематического кинотерапевтического воздействия, адаптированного под решение проблемы нарушенного речевого общения у заикающихся подростков и взрослых (участвовали 11 пациентов группы семейной логопсихотерапии «Москва-2009»).

В эмпирической части исследования проверялась гипотеза о том, что распознавание специфических паттернов фильмов может способствовать развитию саногенного мышления, а это, в свою очередь, будет проявляться в увеличении частоты и вариативности вербальных конструкторов, отражающих структуру саногенного мышления.

Использовался следующий методический аппарат: а) методы экспертных оценок и групповой классификации, опросник САН, тест «Ригидность», модифицированная шкала самооценки Дембо-Рубинштейна, методика «Мнемошахматы» В.В. Нурковой, личностный семантический дифференциал, проективные рисунки «Я и моя речь», «Я среди людей», авторская методика анализа саногенного мышления в кино (АСМК) (М.М. Данина, Н.В. Кисельникова), авторская анкета «Использование психотерапевтических паттернов в обыденной жизни» (М.М. Данина). При обработке собранных данных применялись кластерный и корреляционный анализы, методы непараметрической статистики (Т-критерий Вилкоксона).

Результаты исследования и их обсуждение

На I этапе исследования был осуществлен анализ литературы по различным направлениям психотерапии с целью выделения полного перечня психотерапевтических техник из мировой практики психотерапии. В результате анализа был составлен перечень, включающий 113 пунктов. После этого груп-

пой экспертов-психотерапевтов (20 чел.) была проведена процедура групповой классификации с целью определения близости тех или иных техник с точки зрения оказываемых ими эффектов.

По итогам проведенной классификации была построена первичная групповая матрица, элементами которой являются частоты отнесения пары классифицируемых объектов к одной группе. С помощью метода кластерного анализа полученной первичной матрицы был выделен 21 кластер (группы) психотерапевтических техник, которые получили свое название и описание производимого ими эффекта.

Далее эксперты соотносили психотерапевтические паттерны с критериями саногенного мышления. Результаты соотнесения представлены в следующем распределении паттернов по 8 группам (с соответствующими подгруппами):

1) устойчивость фокуса внимания в процессе саногенной рефлексии: а) ориентация на решение в настоящем и будущем; б) установление позитивной желаемой цели;

2) знание закономерностей функционирования психики и способов управления ими: а) позитивное намерение; б) установление истинных потребностей; в) аналоговая маркировка (якорь); г) инсценировка; д) информирование; е) идентификация проблемы; ж) пересмотр ограничивающих убеждений;

3) способность к диссоциации с негативными переживаниями: а) юмор; б) диссоциация;

4) широкий спектр культурных моделей, с которыми человек знаком и способен к ним обращаться: а) предоставление позитивного альтернативного выбора; б) различие между восприятием и реальностью; в) сдвиг референтного индекса;

5) владение навыками прерывания патогенных паттернов мышления и поведения: а) прерывание деструктивной коммуникации, б) идентификация ограничивающих убеждений;

6) способность к ассоциации с позитивным опытом, состояниями: а) ассоциация; б) усиление позитивных чувств и поведения;

7) способность человека распознавать ресурсы, которыми он обладает или должен обладать для достижения желаемой цели: а) равенство; б) идентификация ресурсов, в) идентификация возможностей — будущих ресурсов;

8) способность к дифференцировке компонентов ситуации, которые могут быть полезны для развития личности: изменение критериев оценки событий.

Показатель согласованности экспертных оценок в данной процедуре значительно высок (коэффициент конкордации $W = 0,8$, $W > W_3$, $p = 0,006$).

Просмотр отобранных художественных, документальных и мультипликационных фильмов второй группой экспертов-психологов (20 чел.) дал оценки

Результаты отчета о потенциале фильмов для развития саногенного мышления

Компонент саногенного мышления	Кол-во экспертов, выделивших данный компонент в отчете	
	Фильм «Человек может все»	Фильм «Человек может все-2»
Устойчивость фокуса внимания в процессе саногенной рефлексии	2	5
Знание закономерностей функционирования психики и способов управления ими	7	10
Способность к диссоциации с негативными переживаниями	3	4
Широкий спектр культурных моделей, с которыми человек знаком и способен к ним обращаться	10	19
Владение навыками прерывания патогенных паттернов мышления и поведения	0	7
Способность к ассоциации с позитивным опытом, состояниями	14	17
Способность человека распознавать ресурсы, которыми он обладает или должен обладать для достижения желаемой цели	17	19
Способность к дифференцировке компонентов ситуации, которые могут быть полезны для развития личности	11	11

их потенциала для развития саногенного мышления. По отчетам экспертов был построен перечень соответствия каждого просмотренного фильма задаче развития саногенного мышления (его компонентов). Примеры данных по суммарной встречаемости того или иного компонента саногенного мышления в отчетах экспертов представлены в таблице.

По данной методике наблюдалась низкая степень согласованности экспертных оценок (коэффициент конкордации $W = 0,4$; $W < W_3$), что свидетельствует о ненадежности использования произвольной оценки потенциала кинофильмов для решения задачи развития саногенного мышления. Этот факт подтверждает, что для оценки психотерапевтического потенциала фильма требуется специально разработанный и верифицированный инструмент.

На II этапе исследования был организован первичный ознакомительный просмотр анализируемых фильмов группой экспертов (40 чел.), проведена апробация авторской методики анализа саногенного мышления, в кино (АСМК) и выявлены психотерапевтические паттерны, способствующие развитию саногенного мышления в кинофильмах, использующихся в семейной

групповой логопсихотерапии, построены профили фильмов «Человек может все» и «Человек может все-2».

По итогам направленного анализа данных фильмов группой экспертов были созданы протоколы АСМК и произведен отбор оценок для построения профилей фильмов. Критериями отбора оценок выступали: а) их согласованность в группе экспертов (больше 80%); б) число проявлений паттерна; в) длительность представленности паттерна в фильме.

На III этапе был организован просмотр фильмов «Человек может все» и «Человек может все-2» участниками групп семейной логопсихотерапии в разных городах с их предварительным и последующим комплексным тестированием. Динамика саногенного мышления от просмотра каждого фильма измерялась по самоотчетам. Анализ самоотчетов проводился по методике АСМК. Динамика мотивационных, эмоциональных, когнитивных компонентов проблемы заикания и характеристики взаимоотношений с окружающими измерялась с помощью стандартизованных опросников (тест «Ригидность», опросник САН и др.) и рисуночных проективных методик («Я и моя речь», «Я среди людей» и др.).

В обеих сериях исследования (до и после просмотра фильма) проективные рисунки показали значимые изменения состояния зрителей, в то время как опросные методы их не выявили. Эффекты кинотерапевтического воздействия, которые прямо апеллировали к сознанию зрителей (прямые внушения, мотивирующие сообщения, призывы к действию и решению проблемы), проявились лучше. Менее явные компоненты кинотекста осознавались хуже, но тем не менее произвели необходимые эффекты, которые были зафиксированы рисуночными проективными методиками. Более глубинные изменения, связанные со смысловым отношением к проблеме, обнаружены не были. Это может быть связано с тем, что осознание подобных изменений происходит лишь со временем при наличии нового (возможно, альтернативного) опыта переживания ситуаций.

Наиболее выраженные эффекты от просмотра фильмов «Человек может все» и «Человек может все-2» были выявлены в таких параметрах рисунков, как: а) увеличение размера рисунка — у 60%, б) увеличение размера фигур людей — у 70%; в) увеличение изображения фигуры Я — у 100%; г) усиление детализации изображения людей — у 70%; д) увеличение количества фигур людей на рисунке — у 70%; е) отображение особенностей контакта с окружающим миром — у 70% испытуемых; ж) центрирование рисунка — у 60% испытуемых. Полученные параметры анализа проективных рисунков говорят об укреплении Эго, усилении ориентации на социальные отношения и децентрацию, а также идентификацию с текущим моментом.

Также была зафиксирована динамика компонентов саногенного мышления, отраженная в самоотчетах испытуемых в виде фраз, соответствующих

тем или иным паттернам АСМК. При этом учитывались только те паттерны, которые обозначались испытуемым как новые, приобретенные им в результате просмотра (это служило критерием изменения, динамики компонентов саногенного мышления). В результате были построены индивидуальные и групповые профили изменения компонентов саногенного мышления. Для построения групповых профилей использовалось значение медианы по выборке, позволившее наиболее точно выявить тенденцию употребления тех или иных паттернов в самоотчетах. Сопоставление построенных кинотерапевтических профилей и групповых профилей динамики компонентов саногенного мышления в самоотчетах испытуемых выявило следующие показатели коэффициента линейной корреляции Пирсона: 0,82 для фильма «Человек может все» и 0,83 для фильма «Человек может все-2» (при уровне значимости $p < 0,05$). Данные показатели свидетельствуют о том, что наибольшая динамика наблюдается относительно тех компонентов саногенного мышления, которые интенсивнее всего проявлялись в кинофильме.

На IV этапе исследования были получены и проанализированы результаты проведенного систематического кинотерапевтического воздействия в группе семейной логопсихотерапии (курс активной кинотерапии). Рассмотрим данную методику подробнее.

1. Проведение цикла занятий, направленных на обучение участников группы распознаванию психотерапевтических паттернов в киноматериале. Первым шагом к обучению данному специфическому навыку является подробное описание выделенных психотерапевтических паттернов, описание их критериев, приведение соответствующих примеров. Второй шаг: группа старается придумать как можно больше примеров для каждого паттерна, руководитель процесса корректирует и подтверждает групповые решения, пока все члены группы не усвоят схему работы того или иного паттерна. Третий шаг: организуется просмотр короткометражных фильмов или мультфильмов, содержащих не более 5 основных паттернов, во время которого каждый участник группы ведет протокол индивидуального анализа. Последующее групповое обсуждение позволяет дополнить индивидуальные протоколы. Обучение продолжается до тех пор, пока руководитель кинотерапии не убеждается в том, что все участники группы хорошо понимают каждый из предложенных к изучению психотерапевтических паттернов и научаются распознавать их на материале разнообразных фильмов.

2. Проведение цикла занятий по переносу усвоенных схем работы психотерапевтических паттернов на события собственной жизни, личные проблемы.

3. Организация создания собственного фильма группы с учетом усвоенных психотерапевтических паттернов. Данный этап позволяет аккумулировать и закрепить все, что было усвоено, обнаружено и осознано за предыдущие занятия, и таким образом продлить терапевтический эффект.

В качестве критерия эффективности усвоения психотерапевтических паттернов, способствующих развитию саногенного мышления участниками группы семейной логопсихотерапии, выступил показатель частоты и широты употребления данных паттернов в письменных текстах — отзывах, дневниковых записях, анализе проблемных ситуаций. Также учитывалась индивидуальная вариативность в их употреблении, фиксировались наиболее используемые паттерны для каждого отдельного испытуемого. Интегральный показатель развития компонентов саногенного мышления после прохождения активной кинотерапии сопоставлялся с показателем, полученным до лечения на основе анализа результатов пропедевтической диагностики (библиотерапевтических произведений, самоотчетов, ответов на опросники).

На основании анализа письменных текстов было показано значимое различие в частоте использования психотерапевтических паттернов, способствующих развитию саногенного мышления, что свидетельствует об их усвоении в ходе активной кинотерапии и свободном использовании в процессе рефлексии ($T = 10,5$, $p = 0,002$). В среднем по группе частота использования психотерапевтических паттернов увеличилась с 0,06 до 0,12 (отношение числа слов, относящихся к тому или иному паттерну, к общему числу слов в тексте). Было показано, что наиболее явные изменения (частота повысилась более чем на 0,1 единицы) в структуре саногенного мышления касались следующих ее компонентов: «Позитивное намерение» и «Пересмотр ограничивающих убеждений» (компонент «Знание закономерностей функционирования психики и способов управления ими»), «Предоставление позитивного альтернативного выбора» (компонент «Широкий спектр культурных моделей, с которыми человек знаком и способен к ним обращаться»), «Идентификация ограничивающих убеждений» (компонент «Владение навыками прерывания патогенных паттернов мышления и поведения»), «Ассоциация» (компонент «Способность к ассоциации с позитивным опытом, состояниями»). Вариативность их употребления в среднем по группе увеличилась с 10 до 14 разнообразных паттернов (почти в 1,5 раза).

В качестве критерия эффективности использования психотерапевтических паттернов в повседневной жизни испытуемых для поддержания благоприятного эмоционально-психологического состояния была использована авторская анкета «Использование психотерапевтических паттернов в обыденной жизни» (М.М. Данина). Как показали результаты анкетирования усвоенные психотерапевтические паттерны применялись спонтанно и осознанно в среднем от 1 до 5 раз в неделю, что, по мнению участников группы, способствует улучшению их эмоционального состояния во время и после трудных жизненных ситуаций. Согласно опросу психотерапевтические паттерны саногенного мышления чаще всего применялись участниками группы в таких сферах жизни, как общение со сверстниками и в семье.

Заключение

Теоретический анализ проблемы саногенного мышления позволил выделить следующие его обобщённые компоненты: 1) устойчивость фокуса внимания в процессе рефлексии; 2) знание закономерностей функционирования психики и способов управления ими; 3) способность к диссоциации с негативными переживаниями; 4) широкий спектр культурных моделей, с которыми человек знаком и способен к ним обращаться; 5) владение навыками прерывания патогенных паттернов мышления и поведения; 6) способность к ассоциации с позитивным опытом; 7) способность распознавать ресурсы для достижения желаемой цели; 8) дифференцировка компонентов ситуации, которые могут быть полезны для развития личности.

Результаты эмпирического исследования позволяют сделать вывод о том, что наличие в структуре кинофильмов специфических паттернов делает этот фильм способствующим развитию саногенного мышления. К перспективам исследования относится разработка и адаптация методики активной кинотерапии к разному контингенту пациентов для решения различного рода психотерапевтических и педагогических задач.

Библиографический список

1. *Васильева Т.Н.* Формирование саногенного мышления младшего школьника: учеб. пособие. Калининград: Изд-во КГУ, 1997.
2. *Жинкин Н.И.* Психология киновосприятия // Кинематограф сегодня. М.: Искусство, 1971. Вып 2.
3. Карпова Н.А. Основы личностно-направленной логопсихотерапии: учебн. пособие. М.: Флинта, 2003.
4. Карпова Н.А., Шувиков А.И. Метод кино- и видеотерапии в логопсихотерапии // Психологические, логопедические и психотерапевтические аспекты восстановления нарушенного речевого общения при заикания: материалы науч.-практ. конф. памяти Ю.Б. Некрасовой. М.; Самара: Изд-во НТЦ, 2006.
5. *Леонтьев А.А.* Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М.: Смысл, 2008.
6. *Лотман Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.
7. Некрасова Ю.Б. Лечение творчеством. М.: Смысл, 2006.
8. *Орлов Ю.М.* Саногенное мышление: метод. пособие для обучения. М.: Изд-во Международной академии информатизации, 1993.

О ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТА ВУЗА К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л. С. Моцарь, С. Д. Некрасов¹

В статье рассматриваются показатели готовности студента вуза к профессиональной деятельности. Эмпирически обосновано предположение о том, что готовность студента к профессиональной деятельности — один из феноменов, посредством которых возможно выделить особенности профессиональной самореализации личности в процессе обучения в вузе. Описаны три основных вида готовности выпускника вуза к будущей профессиональной деятельности: проявленная готовность, квазиготовность, псевдоготовность.

Ключевые слова: готовность студента к профессиональной деятельности, оценка собственной готовности к профессиональной деятельности, реальная профессиональная занятость, экспертная оценка уровня исследовательской деятельности.

In article key indicators of readiness of the student of high school to professional work are allocated. It is empirically proved the assumption that readiness of the student for professional work can be considered as one of phenomena by means of which it is possible to feature of professional self-realization of the person to allocate during training in high school. Three basic kinds of readiness of the graduate of high school to the future professional work are described: the shown readiness, quasireadiness, pseudo-readiness.

Key words: readiness of the student for professional work, an estimation of own readiness for professional work, real professional employment, an expert estimation of a level of research activity.

Обучение студента в вузе — один из этапов обретения профессиональной субъектности, формирования и становления профессионализма. Под воздействием современных социально-экономических преобразований приоритеты подготовки студента в вузе претерпевают изменения. Приоритетная ранее задача обучения профессии посредством передачи студентам определенного объема знаний и умений профессиональных навыков сегодня трансформируется и дополняется необходимостью обретения студентом способностей

¹ Моцарь Лариса Степановна — помощник проректора Кубанского государственного университета. Эл. почта: motsar@kubannet.ru

Некрасов Сергей Дмитриевич — кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии КубГУ. Эл. почта: nekrasow@manag.kubsu.ru

решать профессиональные задачи, готовности к будущей профессиональной деятельности и максимальной самореализации в будущей профессии [1–3].

Категория *готовности* личности к деятельности широко представлена в разнообразных подходах и научных контекстах, связанных с проблематикой развития личности (А.А. Деркач, Ю.М. Забродин, Л.А. Кандыбович, Я.Л. Коломинский, Н.Д. Левитов, Л.М. Митина, Н.В. Нижегородцева, С.А. Печерская, К.К. Платонов, Ю.П. Поваренков, А.Ц. Пуни, Р.Д. Санжаева, В.А. Сластенин, Д.Н. Узнадзе, А.Р. Фонарев, Б.А. Ясько и др.). Анализ состояния проблемы готовности личности к деятельности показал существование различных подходов. Среди них наиболее распространены функциональный, в рамках которого готовность рассматривается как психическое состояние, и личностный, в контексте которого готовность изучается как устойчивая личностная характеристика, содержащая комплекс личностных черт.

В данной статье готовность студента к профессиональной деятельности рассматривается как результат накопления качественных личностных изменений и обретения профессиональной компетентности субъектом будущей профессиональной деятельности. Будем предполагать, что готовность студента к профессиональной деятельности есть один из феноменов, посредством которых можно выделить особенности профессиональной самореализации личности в процессе обучения в вузе.

Для проверки предположения были разработаны и использованы опросники: «Готовность к профессиональной деятельности», «Экспертная оценка уровня исследовательской деятельности студентов», «Реальная профессиональная занятость студентов во внеучебное время».

Выборочную совокупность исследования составили студенты Кубанского государственного университета, обучающиеся на старших курсах по направлениям (специальностям):

— «Психология» — 58 чел., рабочее название выборки — «Психологи» (тип профессии «человек-человек»);

— «Физика» — 63 чел., рабочее название выборки — «Физики» (тип профессии «человек-знак»);

— «Изобразительное искусство» — 60 чел., рабочее название выборки — «Художники» (тип профессии «человек-художественный образ»).

Опросник «Готовность к профессиональной деятельности» включал в себя количественную (по 5-балльной шкале) самооценку готовности к будущей профессиональной деятельности и вопросы («Какие профессиональные задачи Вы уже готовы решать?», «Какие профессиональные задачи Вы пока не готовы решать, но планируете в ближайшее время освоить?»), на которые предлагалось дать развернутые ответы.

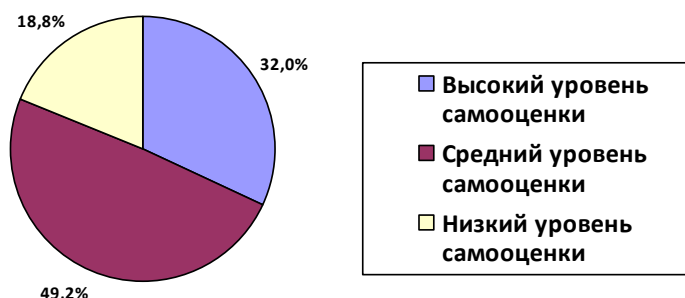

Рис. 1. Распределение относительных частот самооценок студентов по уровням готовности к профессиональной деятельности

Результаты оценки респондентами собственной готовности к профессиональной деятельности позволили дифференцировать выборочную совокупность по уровням самооценки готовности на три группы: с высоким уровнем самооценки (не менее 4 баллов), со средним уровнем самооценки (от 3 до 4 баллов), с низким уровнем самооценки (менее 3 баллов).

Распределение относительных частот самооценок студентов по уровням готовности к профессиональной деятельности представлено на рис. 1.

Из рис. 1 видно, что большую долю выборки (более 80%) составляют студенты с высоким и средним уровнями оценки собственной готовности к решению профессиональных задач. Полученная статистика может свидетельствовать либо о завышенной самооценке респондентами собственной готовности, либо об адекватном уровне осознания собственной обретенной компетентности и готовности ее применять. Для разрешения этой альтернативы были проанализированы ответы респондентов на вопросы опросника «Готовность к профессиональной деятельности».

Студенты с *высоким уровнем* самооценки готовности, как правило, четко и конкретно формулируют профессиональные задачи («нужно освоить коррекционные методики», «хочу научиться управлять своим эмоциональным состоянием»). Причем у них перечень предполагаемых задач обычно состоит из нескольких пунктов. Они используют профессиональную терминологию, называют конкретные профессиональные задачи, которые готовы решать, например: «могу выполнить инсталляцию нового оборудования», «могу выполнить модернизацию существующей системы передачи данных», «могу организовать учебный процесс в мастерской», «могу создать дизайн-проект интерьера», «могу подобрать колорит», «провожу занятия в художественной студии», «занимаюсь оформительской работой в школе», «могу найти и убедить заказчика», «разрабатываю компьютерные программы», «могу заниматься сервисным обслуживанием компьютерной техники», «использую такие методики психологической диагностики, как...», «самостоятельно разрабатываю тренинговые программы и провожу тренинги», «могу проводить собеседование» и др.

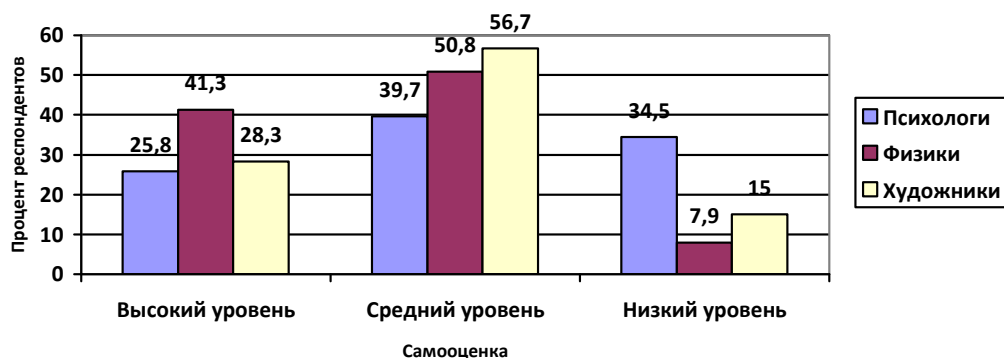

Рис. 2. Распределение относительных частот самооценок студентов по уровням самооценки готовности к профессиональной деятельности в разрезе направлений (специальностей) подготовки

У многих студентов со *средним уровнем* самооценки готовности перечень освоенных или планируемых к освоению видов профессиональной деятельности, как правило, состоит из одного — двух пунктов. Для их описания они используют общую характеристику деятельности («улучшение качества работы оборудования», «оказание психологической помощи», «индивидуальный подход к каждому ученику», «овладение своей профессией», «могу обучать», «овладеть умением работать с детьми»).

Для 20% студентов с *низким уровнем* самооценки готовности характерно отсутствие ответов на содержательные вопросы. Около 32% респондентов этой группы выбрали форму ухода от прямого ответа: «таких задач много», «много чего уже умею», «думаю, что по мере возникновения смогу решить любую задачу» и др. Ответы остальной части студентов этой группы свидетельствовали о готовности к решению учебно-профессиональных, а не собственно профессиональных задач: «смогу пользоваться профессиональными знаниями», «смогу использовать методики психологической диагностики», «могу самостоятельно проводить исследование», «смогу применить знания в области конфликтологии», «знаю различные виды живописи», «владею техникой и технологией живописи», «имею представление о современной радиоэлектронике».

Таким образом, оценка студентами собственной готовности к решению профессиональных задач является скорее всего адекватной, позволяющей определять уровень осознания студентом собственной обретенной компетентности и готовности ее применять.

Рассмотрим распределение относительных частот самооценок готовности к профессиональной деятельности в разрезе направлений (специальностей) подготовки (рис. 2).

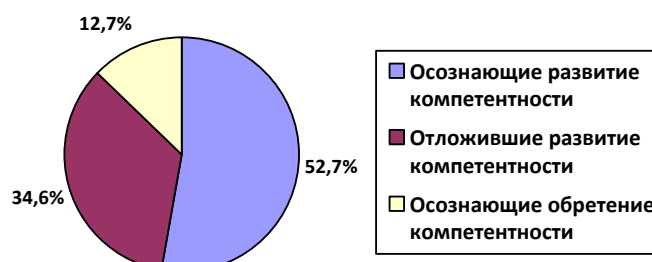

Рис. 3. Распределение относительных частот реальной профессиональной занятости студентов

Установлено, что статистически значимо отличается процент студентов с высоким уровнем самооценки у «Физиков» и «Психологов» ($p < 0,04$, ф-Фишера). Статистический факт может свидетельствовать о том, что «Физиков», готовых на старших курсах к решению профессиональных задач, значимо больше, чем на других специальностях. Причем подавляющее большинство «Физиков» (более 90%) имеют высокий или средний уровень готовности к решению профессиональных задач. Статистически значимо отличается процент студентов с низким уровнем самооценки «Психологов» и «Физиков» ($p < 0,01$, ф-Фишера), «Психологов» и «Художников» ($p < 0,01$, ф-Фишера).

Скорее всего содержание основных образовательных программ по специальностям типа «человек-знак» и «человек-образ» позволяет многим студентам быть готовыми к решению профессиональных задач уже на старших курсах вуза. А для студентов специальности типа «человек-человек» таких возможностей меньше.

Анализ реальной профессиональной занятости во внеучебное время позволил выделить три группы респондентов (рис 3).

Студенты первой группы совмещают обучение с работой по приобретаемой в вузе специальности. Они осознанно выбрали место работы для развития собственной профессиональной компетентности на практике. Рабочее название группы — «Осознающие развитие компетентности».

Студенты второй группы совмещают обучение с работой, которая мало связана с приобретаемой в вузе специальностью, либо не работают в данный момент, но заняты поиском какого-нибудь места работы. Работа для этой группы студентов служит средством для удовлетворения базовых жизненных потребностей. Эти студенты высказывают намерение найти после окончания вуза работу по полученной в вузе профессии. Рабочее название группы — «Отложившие развитие компетентности».

Студенты третьей группы — как работающие, так и не работающие — не планируют работать после окончания вуза по приобретенной в вузе специальности.

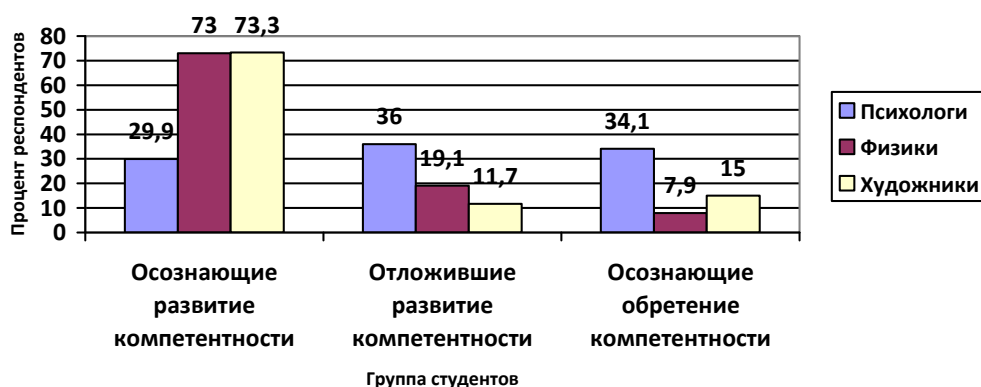

Рис. 4. Распределение относительных частот реальной профессиональной занятости студентов по группам в разрезе направлений (специальностей) подготовки

Они мало задумываются о будущем месте работы, для них важнее завершение обучения в вузе. Рабочее название группы — «Осознающие обретение компетентности».

Из рис. 3 видно, что большую долю выборки (более 90%) составляют студенты, обретающие реальный опыт профессиональной деятельности либо намереваются это делать во время обучения в вузе. Полученная статистика может свидетельствовать об осознанности выбора специальности в вузе.

Далее бы проведен анализ распределения реальной профессиональной занятости студентов по группам в разрезе специальностей (рис. 4).

Отметим, что статистически значимо отличается процент студентов «Осознающих развитие компетентности» у «Психологов» и «Физиков» ($p < 0,01$, ϕ -Фишера) и у «Психологов» и «Художников» ($p < 0,01$, ϕ -Фишера). Статистический факт может свидетельствовать о том, что «Психологов», готовых на старших курсах к решению профессиональных задач, значимо меньше, чем на других специальностях. Статистически значимо отличается процент «Осознающих обретение компетентности» у «Психологов» и «Физиков» ($p < 0,01$, ϕ -Фишера), «Психологов» и «Художников» ($p < 0,01$, ϕ -Фишера). Скорее всего «Психологи» больше включены в освоение теоретических, а не практических компетенций.

Важным элементом образовательной среды, оказывающим влияние на формирование готовности к решению профессиональных задач, является организация исследовательской деятельности студента. Опросник «Экспертная оценка уровня исследовательской деятельности студентов» был использован среди преподавателей, являющихся научными руководителями студентов при написании ими курсовых и дипломных работ. Преподавателям предлагалось дать оценку по таким параметрам, как самостоятельность студента

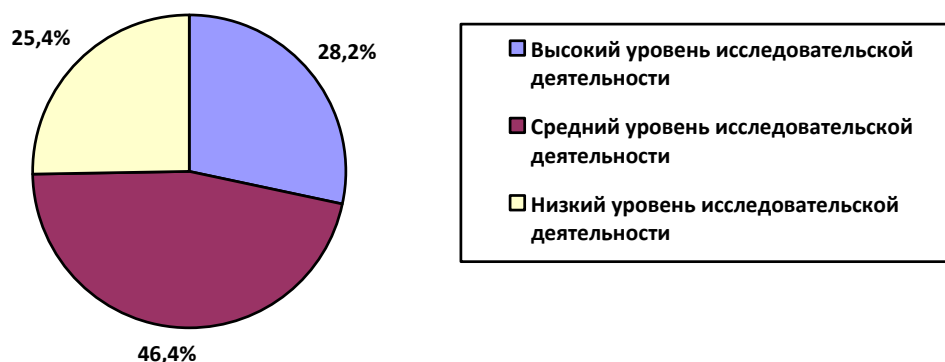

Рис. 5. Распределение относительных частот экспертных оценок по уровням исследовательской деятельности студентов

при выборе темы исследования и активность студента в процессе написания работы. Также анализировалось соотношение теоретической и практической составляющих исследовательской работы студентов.

Были выявлены три уровня исследовательской деятельности студентов: высокий, средний и низкий.

Распределение относительных частот экспертных оценок по уровням исследовательской деятельности студентов представлено на рис. 5.

Из рис. 5 видно, что большую долю выборки (около 74,6%) составляют студенты, имеющие высокий и средний уровень исследовательской деятельности. Полученная статистика может свидетельствовать как об осознанности студентами необходимости обретения исследовательских способностей, так и об исследовательской направленности образовательных программ в вузе.

Далее был проведен анализ распределения экспертных оценок по уровням исследовательской деятельности студентов в разрезе специальностей (рис. 6).

Установлено, что статистически значимо отличается процент студентов с высоким уровнем исследовательской деятельности у «Психологов» и «Физиков» ($p < 0,01$, ф-Фишера), у «Психологов» и «Художников» ($p < 0,01$, ф-Фишера). Причем доли «Психологов» с высоким и низким уровнями исследовательской деятельности также статистически значимо отличаются друг от друга. Статистический факт может свидетельствовать о том, что «Психологов», готовых на старших курсах к решению исследовательских задач, значимо меньше, чем на других специальностях.

Анализ содержания и практической направленности курсовых и дипломных работ студентов разных специальностей в группе с высоким уровнем исследовательской деятельности выявил высокую практическую направленность исследовательской деятельности. Так, «Физиками» были представлены разработки приборов («Автоматизированное устройство для измерения

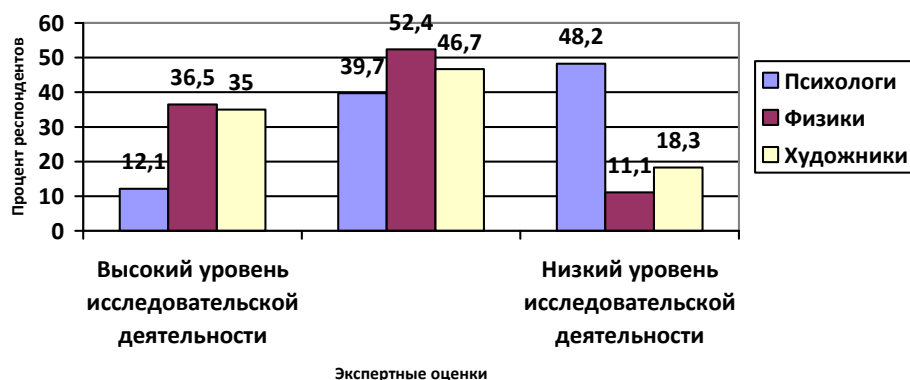

Рис. 6. Распределение относительных частот экспертных оценок по уровням исследовательской деятельности студентов в разрезе направлений (специальностей) подготовки

артериального давления», «Генератор для индукционного нагрева металла» и др.), компьютерных программ, защищенные авторскими свидетельствами, работающие макеты научных и технических установок. У «Художников» были выполнены на хорошем художественном уровне и вполне могли бы стать объектами коммерческой реализации макеты упаковок для товаров («Упаковка для сыпучих продуктов»), рекламные ролики, плакаты, календари; проекты домов («Загородный дом»), архитектурных сооружений («Детская спортивная площадка»); различные полотна картин (натюрморты, портреты, пейзажи). Работы «Психологов» содержали конкретные прикладные разработки в виде тренинговых или коррекционных программ (например, «Программа психологического сопровождения семьи, в которой воспитываются подростки»; тренинговая программа «Развитие познавательной активности студента»).

Итак, в ходе исследования готовности студентов к профессиональной деятельности были выявлены три показателя готовности:

- оценка студентом собственной готовности к профессиональной деятельности;
- реальная профессиональная занятость студента во время обучения в вузе;
- экспертная оценка уровня исследовательской деятельности студента.

Дифференцирующая способность каждого из показателей, подтвержденная в процессе исследования, дает основание рассматривать готовность студента к профессиональной деятельности в качестве одного из феноменов профессиональной самореализации личности в процессе обучения в вузе.

Интеграция показателей позволяет выделить три основных вида готовности студента к профессиональной деятельности: проявленную готовность, квазиготовность и псевдоготовность.

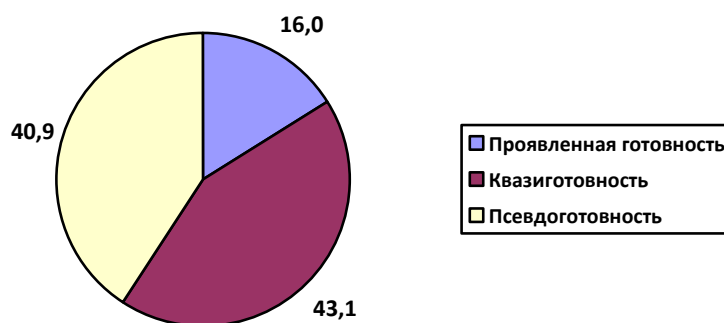

Рис. 7. Распределение студентов по видам готовности к профессиональной деятельности

Проявленная готовность присуща студентам, имеющим не менее двух показателей готовности высокого уровня при отсутствии показателей низкого уровня. Квазиготовностью обладают студенты, имеющие по двум и более показателям оценки среднего уровня. Для студентов, которые имеют оценки низкого уровня по двум и более показателям, характерна псевдготовность.

В соответствии с основным видом готовности студента к профессиональной деятельности выборочная совокупность была разделена на группы (рис. 7).

Готовность студента к профессиональной деятельности может рассматриваться как результат накопления им качественных личностных изменений и обретения профессиональной компетентности.

Полагаем, что учет готовности студента к профессиональной деятельности способен помочь, с одной стороны, профессионально-личностному развитию и самореализации студента вуза, с другой стороны, анализу содержания основных образовательных программ высшего профессионального образования (по отдельным специальностям) при переходе к двухуровневой системе образования.

Библиографический список

1. Зеер Э.Ф. Психология профессий: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2006.
2. Поваренков Ю.П. Психология становления профессионала: учеб. пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2000.
3. Ясько Б.А. Психология личности в профессии. Краснодар: Изд-во института им. К. В. Россинского, 1998.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ФУТБОЛА

.....

В. В. Дорошенко¹

В статье представлено содержание профессионально-прикладной физической подготовки студентов, дано обоснование использования футбола как средства физического воспитания студентов в нефизкультурном вузе. Авторская программа модульного обучения и рейтингового контроля с использованием средств футбола состоит из пяти модулей: общетеоретического, технико-тактического, организационно-методического, самоорганизационного и нравственного.

Ключевые слова: студенты, профессионально-прикладная физическая подготовка, физическое воспитание, авторская программа, модуль.

The paper presents the content of professional-applied physical training of students. The purpose of the research was to substantiate the use of football as a method of student physical education at non-sports high schools. Author's modular training program and the rating of control with the use of football consist of five modules: general theoretical, technical tactical, organizational methodical, organizations, moral.

Key words: students, professional applied physical preparedness, physical education, the author's program, the module.

Физическое воспитание в вузе базируется на принципах индивидуализации и дифференциации, которые создают условия для проявления способностей студентов в избранных ими формах физкультурно-спортивной деятельности, организуемой с учетом их состояния здоровья, мотивации, интересов и потребностей, что обуславливает вариативность содержания и разнообразие форм физического воспитания в вузе.

В условиях реформы российского образования приоритетны такие формы и методы обучения и воспитания, использование которых с наибольшей эффективностью формирует ценностное отношение студентов к средствам физической культуры, создает предпосылки физического саморазвития и самореализации.

Реализация принципа вариативности и многообразие форм физического воспитания требуют отказа от излишней стандартизации содержания

¹ Дорошенко Виталий Викторович – преподаватель кафедры физического воспитания Кубанского государственного университета. Эл. почта: ref_doroshenko@mail.ru

процесса воспитания, создания альтернативных программ, учитывающих материально-техническую обеспеченность конкретных вузов с учетом особенностей и интересов студентов и профессиональных возможностей педагогических коллективов. Целесообразность занятия со спортивной направленностью подтверждена рядом научных исследований.

Главным критерием при внедрении наиболее популярных видов двигательной активности в вузах следует считать как объективную (требования общества), так и субъективную (личное желание) потребности в предлагаемых видах физкультурно-спортивной деятельности.

Так, значительный интерес студентов вызывают занятия футболом, который, несомненно, является самым популярным и зрелищным из игровых видов спорта. Рост популярности футбола в мире и Европе, а также тот факт, что Россия получила право на проведение чемпионата мира по футболу в 2018 г., обуславливают необходимость внедрения элементов этой прекрасной игры в учебный процесс и систему физического воспитания студентов в нефизкультурном вузе. Выбор в пользу футбола был сделан еще и потому, что для занятий этим видом спорта не требуется сложное оборудование и инвентарь. Благоприятные природно-климатические условия Краснодарского края позволяют проводить занятия на свежем воздухе практически круглогодично. Характер игровых упражнений предъявляет повышенные требования к физической и функциональной подготовленности студентов, что позволяет при регулярных занятиях получать положительный тренировочный эффект. Занятия футболом способствуют развитию у студентов личностных качеств, необходимых в будущей профессиональной деятельности (умение взаимодействовать в коллективе, способность адекватно реагировать на внезапно изменяющуюся ситуацию и т. д.).

Цель данного исследования — разработать и экспериментально обосновать методику профессионально-прикладной физической подготовки студентов математических специальностей с использованием средств футбола.

Мы предположили, что процесс профессионально-прикладной физической подготовки студентов математических специальностей в физическом воспитании с использованием средств футбола будет эффективным и обеспечит оптимизацию учебного процесса, переориентацию потребностно-мотивационной сферы. Для этого потребуются разработка комплекса организационно-педагогических условий, основанного на применении модульного обучения и рейтингового контроля с программным обеспечением.

В ходе исследования нами были решены следующие задачи:

- определены особенности динамики показателей функционального состояния и физической подготовленности и потребностно-мотивационной сферы студентов;
- разработана методика профессионально-прикладной физической подготовки студентов математических специальностей с использованием средств футбола;

- разработана учебная программа модульно-рейтингового содержания, состоящая из пяти модулей: общетеоретического, технико-тактического, организационно-методического, самоорганизационного и нравственного;

- выявлено ее отличие от общепринятой: компонентный состав модулей (программно-целевой, организационно-содержательный, процессуально-деятельностный и рефлексивно-оценочный) способствует мотивации на физическую активность студентов.

Определены и экспериментально обоснованы организационно-педагогические условия процесса профессионально-прикладной физической подготовки студентов математических специальностей с использованием средств футбола. К ним относятся: реализация модульного обучения и организация рейтингового контроля, позволяющие контролировать учебный и тренировочный процесс на всех его этапах (исходном, текущем, итоговом); организацию учебно-тренировочной спортивной деятельности по разработанной методике профессионально-прикладной физической подготовки с использованием средств футбола; организация и проведение поэтапного комплексного обследования студентов-футболистов (морфо-функциональное исследование потребностно-мотивационной сферы, физической подготовленности); организация методико-практических семинаров для преподавателей кафедры физвоспитания по разделу технико-тактической подготовки; судейская практика.

Структурное построение экспериментальной программы «Физическое совершенствование студентов математических специальностей на основе футбола» осуществлено в соответствии с концепцией А. И. Загrevской [2]. Это модульное обучение и рейтинговый контроль, организующие учебный процесс на основе тренировочных занятий и обеспечивающие повышение двигательной активности студентов и их мотивации к учебе. При построении программы мы воспользовались тремя основными подходами: познавательным, деятельностным и субъектным. В нашем модульном обучении наиболее значимы: комплексная дидактическая цель, интегрирующие и частные цели. В построении программы интегрирующие цели выступают как выход на комплексную дидактическую цель. Задачи в нашем исследовании формулируются на основе взаимодействия образования, обучения, воспитания, развития и оздоровления. В начале первого семестра студентов информировали о том, что они должны знать и уметь после изучения учебных элементов. В зависимости от целей и задач разрабатывалась тематика отдельных модулей и распределялось количество часов по семестрам. Формирование учебных модулей базировалось на таких принципах, как целевое назначение информации, сочетание комплексных, интегрирующих и частных дидактических целей, содержательность каждого модуля, оптимальная передача информационного и методического материала.

Модуль общетеоретической подготовки включает в себя информацию о здоровье, различных видах самостоятельных упражнений, их использова-

нии основах педагогического контроля в процессе индивидуальных тренировок, аутогенный тренинг, сведения о человеке как о биологической системе, о физиологии спорта, основах спортивной тренировки на примере футбола.

Технико-тактический модуль представлен деятельностью преподавателя и студента по усвоению элементарных технических навыков, тактической подготовкой комплексного воздействия по методике, разработанной профессором Г.И. Барышевым [1], специальной физической подготовкой, соревновательной игры. Техническая подготовка включает в себя упражнения на технику передвижения; удары по мячу ногой; удары по мячу головой; удары на точность; остановка мяча; ведение мяча; обучение обманным движениям (финтам); отбор мяча; вбрасывание из-за боковой линии. Тактическая подготовка предусматривает обучение студентов тактике нападения и тактике защиты. Обучение тактике нападения представляет собой освоение индивидуальных действий без мяча, с мячом; групповые действия. Тактика защиты требует освоения индивидуальных и групповых действий игрока в защите. При проведении эксперимента мы совмещали практические действия с показом технико-тактической ситуации через видеопроекцию с остановкой кадра в определенный момент.

Организационно-методический модуль определяет самостоятельную деятельность студента по организации и проведению соревнований, их судейство. Самоорганизационный модуль предполагает проектирование индивидуальных программ, моделирование и подбор методов физического воспитания для совершенствования физических качеств.

Студенты контрольной и экспериментальной групп до начала исследования не занимались футболом в организованной форме, не имели спортивных разрядов по данному виду спорта, т.е. были новичками. Исследованию подверглись 120 юношей первого курса математических специальностей в возрасте 17–18 лет. Экспериментальную группу составили студенты Ейского филиала КубГУ. Студенты осваивали технико-тактические приемы и совершенствовались в футболе. Учебные занятия в контрольных группах (60 чел.) проводились по общепринятой базовой программе (2000 г.) для вузов. Студенты работали над улучшением физических качеств и готовились к сдаче контрольных нормативов: сгибание и разгибание рук в упоре лежа, сгибание и разгибание туловища, прыжок в длину с места, 12-минутный бег — тест Купера.

Для определения умений и навыков в футболе студентов математических специальностей опытных групп нами были выбраны следующие контрольные упражнения:

- бег с ведением мяча и обводкой стоек;
- прием и передача мяча;
- остановки мяча на месте и в движении;
- удары в ворота на точность.

Для проверки развития профессионально значимых качеств студентов нами разработана 5-балльная (1–5) шкала оценок выбранных нами упражнений. Экспертами выступили студенты основного состава сборной КубГУ по футболу, имеющие спортивный разряд в футболе кандидатов в мастера спорта России (КМС), а также 30 преподавателей кафедры физвоспитания КубГУ.

В результате тестирования по выбранным нами четырем упражнениям установлена положительная динамика развития профессионально значимых качеств студентов математических специальностей: улучшилась координация движений студентов (ловкость, точность, равновесие). Студенты стали технически четко выполнять 2-е и 3-е тестирующие упражнения. К концу учебного года точность ударов в ворота возросла на 12%. Вместе с тем установлено, что эти контрольные упражнения просты в выполнении и дают достаточную информацию об умениях и навыках студентов на начальном этапе обучения футболу.

По третьему модулю программы «Организация и судейство соревнований» (теоретический аспект) за каждый правильный ответ начислялся 1 балл, за неправильный — 0.

С учетом интегрирующих целей для разработки рейтингового контроля по методико-практическому разделу учебной программы (сomooрганизационный модуль) нами были выбраны следующие задания: составление плана индивидуальной тренировки; проведение тренировочных занятий с группой; составление аэробной кривой и матрицы дозированной беговой нагрузки для совершенствования выносливости (теоретический аспект), третья часть задания описательная.

Качество выполнения методико-практической деятельности студентов экспериментальных групп по проверке индивидуальной тренировки оценивалась следующим образом: оценка «пять» — овладение знаниями основ спортивной тренировки и правильное описание содержания задания, цели, задач, дозировки нагрузки; оценка «четыре» — нет самоконтроля или недостаточный самоконтроль в процессе тренировки, не соблюдаются ее основные принципы; оценка «три» — представленный план спортивной тренировки составлен с тремя ошибками; оценка «два» — допущено более трех ошибок.

В процессе исследования анализировались виды учебной деятельности студентов: программы самосовершенствования, выступления с докладами на конференциях вуза по проблеме формирования здорового образа жизни, моделирование уровня физической подготовленности и уровня здоровья, организация, проведение и судейство соревнований по футболу, самоконтроль и самооценка личностных достижений. Оценка давалась в баллах. Содержание нравственно-ориентированного модуля направлено на организацию и проведение соревнований по правилам честной игры.

Использование авторской программы Физическое совершенствование студентов математического факультета на основе футбола способствовало по-

вышению физической подготовленности студентов по 4 показателям: сгибание и разгибание рук в упоре лежа, сгибание и разгибание туловища, прыжок в длину с места, 12-минутный бег ($p < 0,05$).

К концу эксперимента число самостоятельно занимающихся футболом возросло до 56%.

Определены и экспериментально обоснованы следующие организационно-педагогические условия, способствующие эффективности процесса профессионально-прикладной физической подготовки студентов математических специальностей с использованием средств футбола:

— организация спортивно ориентированного физического воспитания на основе футбола;

— модульное обучение и организация рейтингового контроля, позволяющие корректировать учебный и тренировочный процессы на всех их этапах (входном, текущем, итоговом);

— организация и проведение поэтапного комплексного обследования студентов-футболистов (морфо-функциональное, исследование потребностно-мотивационной сферы, физической подготовленности);

— организация методико-практических семинаров для преподавателей кафедры физического воспитания по разделу технико-тактической подготовки; судейская практика.

Спортивно ориентированная программа с использованием средств футбола позволила повысить уровень различных видов подготовленности (физической, технической, психологической) у студентов экспериментальной группы.

Полученные результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу и целесообразность использования авторской программы в учебно-тренировочном процессе. Результаты проведенного исследования дают основание рекомендовать занятия по разработанной авторской программе с применением средств футбола к использованию на кафедрах физического воспитания в нефизкультурных вузах.

Библиографический список

1. Барышев Г.И., Гаркуша О. В, Барсукова Е.Ю., Шевхужева Н.В. Направленность и пути формирования мотивов физкультурно-оздоровительной деятельности // Мониторинг физического развития и физической подготовленности различных возрастных групп населения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Нальчик: Кабардино-Балкарский университет, 2003.
2. Загrevская А.И. Физкультурное образование студентов педагогических вузов на основе интегральной технологии. Томск: Томский государственный университет, 2007.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 *Библиографического списка*.

Аннотация. Рукопись должна включать аннотацию статьи объемом не более 800 знаков, содержащую описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования), и список ключевых терминов (не более десяти). Аннотация и список ключевых терминов предоставляются на русском и английском языках.

Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

«___» _____ 20__ г.

_____ подпись, заверенная печатью